

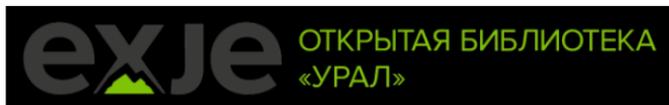

А. Козубовский

К ТАЙНАМ
КЛАДОВЫХ
УРАЛА

•

Книга оцифрована и предоставлена для скачивания в рамках некоммерческого, культурно-просветительского проекта:

Данный проект направлен на поддержку писателей-путешественников, распространение знаний об Уральском регионе, предоставление доступа к редким книгам всем интересующимся.

Электронная библиотека проекта:

<https://book.exje.ru>

А. КОЗУБОВСКИЙ

**К ТАЙНАМ
КЛАДОВЫХ
УРАЛА**

Пермское книжное издательство
1982

В очередной книге серии «Искры памятных лет» заслуженный геолог РСФСР А. И. Козубовский прошедший путь от рядового геолога до начальника Пермской геологоразведочной экспедиции, делится воспоминаниями о своей многолетней работе. Он рассказывает о людях романтической профессии, влюбленных в нее, преданных своему нелегкому делу, о становлении геологической службы Прикамья.

Сказочно богат древний Урал! В его недрах таятся железные и медные руды, уголь и соли, никель и асбест... Почти вся таблица Д. И. Менделеева!

Автор всесторонне показал жизнь и труд первопроходцев, которые открывают и разведывают месторождения полезных ископаемых и тем самым вносят огромный вклад в развитие народного хозяйства Урала, всей страны.

Р е ц е н з е н т ы

А. Д. Крашенинников, В. Л. Леонов

К $\frac{20803-36}{M152(03)-82}$ 57—82

© Пермское книжное
издательство, 1982.

Часть 1

Назначенье

1

Вначале было слово. Я произнес его в небольшом подольском городке на выпускном вечере перед своими одноклассниками и преподавателями школы. Заверил их, что посвящу жизнь разведке «черного золота»...

Сказанное обязывало. На геологический факультет Киевского университета меня как отличника приняли без экзаменов.

В те годы мы с упоением пели:

Если завтра война,
Если завтра в поход,
Если темные силы нагрянут,
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет!

А в 1941 году началась война! И мы, студенты, все рвались на фронт. Казалось, что если нас пошлют в бой, то в первой же схватке мы остановим коварного врага и немедленно выгоним его туда, откуда он пришел.

Враг напирал. Мы металась по военкоматам, искали пути-дороги в действующую армию, а нам советовали уезжать в Среднюю Азию, подальше от трагических событий!

Как раз в это время в Киеве начали создавать истребительные отряды, куда мы записались всем курсом. А потом ЦК Компартии Украины и командование Юго-Западным фронтом бросили клич коммунистам и комсомольцам столицы Украины формировать пар-

тизанские соединения. И ребята нашего курса без колебаний вступили в партизанский отряд, которым командовали пограничники, уже побывавшие в боях.

Нам предстояло забраться в тыл наступающего врага и парализовать дороги, по которым он двигался. В Голосеевском лесу, что раскинулся под Киевом, на ратное дело нас провожал прославленный маршал С. М. Буденный. Он по-отечески пожелал нам удач и боевых успехов.

За моими плечами шесть лет армейской жизни, из них четыре года войны, тяжелых и страшных. Демобилизовался я только в 1947 году.

Волею судеб доучиваться пришлось уже не в Киеве, а в Уральском университете, в Свердловске.

И вот держу в руках синюю книжку из двух картонных страничек, небольшую, но такую дорогую для меня. Снаружи выгиснен герб нашей страны, а внутри торжественно: Диплом, и чуть ниже красным шрифтом: с отличием. Еще ниже написано, что мне присваивается звание геолога.

Двенадцать долгих лет понадобилось, чтобы сказанные с юношеским апломбом слова хлопца из глухого уголка Подолии, не видевшего в то время даже поезда, воплотились в реальную действительность — я стал геологом!

Уральским геологом!

А вот «черное золото» искать не пришлось. Доведись попасть в другую часть нашей необъятной Родины, может быть, сложилось бы все так, как я хотел, но Урал сказочно богат другим. В недрах таятся железные и медные руды, уголь, соли, асбест, никель и... Почти вся таблица Менделеева! Широко раскрывает Урал объятия тому, кто посвятил себя изучению его недр. И, как хозяйка Медной горы, обротно своих «пленников» не отпускает. Но ни один истинный геолог об этом не жалеет.

Итак, в 1950 году я получил назначение в самую неизученную часть Урала, в Северную экспедицию.

Экспедиция размещалась на севере Свердловской области, недалеко от города Ивделя. Вначале я ехал поездом, а потом, как и советовали в геологическом управлении, проголосовал на попутный грузовик.

Шофер гнал машину лихо. А дорога шла по разбитой лежневке, и мне все время казалось, что если не перевернемся, то обязательно провалимся. Но шофер ловким маневром обходил места, где не было плах, и я не успел опомниться, как он резко нажал на тормоза и остановил машину около хорошо проторенной тропинки, уходящей от лежневки в лес.

Мотнув бородой в ту сторону, он проговорил хрипло:

— Четыре километра топом.

С трудом выволок из кузова и поставил на отбойный брус лежневки свой чемодан, набитый до отказа книгами и конспектами. Мне, начинающему геологу, все казалось нужным, важным, тем более, что не знал толком, с чем конкретно придется столкнуться, в какую партию попаду.

Утром, а возможно, и ночью, в этих местах прошел сильный дождь: на тропе блестели лужи. Но грязь меня не страшила, на мне были добротные сапоги, купленные по случаю еще в Баку, где я служил после войны лейтенантом. Взвалив чемодан на плечо, я отправился в поселок. Не помню, на каком километре почувствовал, что сапоги протекают, а вскоре понял, что на сапогах уже нет подошв, и я бреду по грязи босиком.

В поселок пришел измученным, грязным. От моего бравого офицерского вида ничего не осталось, и это, пожалуй, больше всего огорчало (чтоб выглядеть посолидней, я оделся перед отъездом в китель и галифе).

Добравшись до конторы экспедиции, свалил с плеча чемодан на невысокое крылечко, обмыл в луже грязь с того, что осталось от моих сапог. Только теперь я уяснил смысл многозначительных взглядов, которыми обменялся с соседями усач, продавший мне сапоги на бакинской барахолке. Он бил себя в грудь и клялся, что не посмеет

обмануть такого бравого офицера. А ведь обманул, бестия! Проверить покупку как-то не довелось. И только теперь, в самый неподходящий момент...

В конторе, к удивлению пожилой работницы отдела кадров, которая рассматривала мое направление, я заинтересовался не условиями работы и оплаты, а... сапогами.

Женщина взглянула на меня более внимательно. А когда узнала о неприятностях, увидела мою обувку, вздохнула и вышла из кабинета. Немного погодя приоткрыла дверь и участливым тоном спросила:

— А размер-то какой?

— Сорок второй, — ответил я.

Начальник экспедиции Николай Демидович Бабушкин, высокий, с военной выправкой, черноволосый мужчина в очках, ежеминутно сползающих с переносицы, принял меня в своем небольшом кабинете очень дружелюбно.

Первым делом оглядел мои ноги и предложил сесть напротив.

«Уже передала сердобольная кадровичка», — мелькнуло у меня в голове.

Зашел непринужденный разговор об университете, управлении, а потом об армейской, а вернее фронтовой, жизни, еще слишком свежо было в памяти это всенародное бедствие — война.

Оказалось, что наши судьбы во многом схожи. Николая Демидовича призвали в армию еще до войны, служил он на Дальнем Востоке, воевал с японцами, демобилизовался в том же году, что и я. Но у него тогда был уже диплом геолога в кармане, а мне надо было еще доучиваться.

На севере Бабушкин четыре года. Принял он экспедицию по настоянию начальника управления С. В. Горюнова. Экспедиция тяжелая. Из восьми партий только две возглавляют специалисты, на других — практики.

Я сочувственно кивал в такт его откровенным речам, совсем не соображая, что Бабушкин теперь мой руководитель и что, кроме желания поплакаться, эти речи преследуют еще одну цель, которую он открыл мне со всей мужской откровенностью:

— Понимаешь, — стукнул он меня ладошкой по колену, подсев на диван, — я тебя сейчас отправлю геологом в одну из партий, но не надолго, не больше года. А потом опять потревожу, но уже на другое место.

— Как это? — не понял я.

— Да вот так. Ты офицер, инженер, коммунист — все данные для того, чтобы быть руководителем. По себе знаю, как тяжело без опыта окунуться в работу руководителя. Потому и даю тебе год сроку на привыкание, чтобы осмотреться. А потом заберу на партию. Сейчас не знаю, на какую, но готовь себя на должность начальника.

3

Главный геолог Ивдельской партии С. Д. Рабинович заявила, что ей геологи не нужны, и посоветовала мне уезжать обратно в экспедицию. Я настоял, чтобы она связалась по телефону с Н. Д. Бабушкиным. Право, не знаю, о чем они разговаривали, только час спустя разозлившаяся Рабинович пригласила меня в камералку и объявила, что я могу оставаться в партии, но чем буду заниматься, она еще не решила.

Устроился в общежитии Полуночинского рудника, где размещалась партия. Когда на другой день пришел в камералку, Рабинович сообщила, что нашла для меня работу. Она заключалась в описании керна, который с поискового участка был вывезен на базу партии, находился в кернохранилище и до сих пор не описан геологами. Так уж сложилось.

Мне хотелось работать в поле, обслуживать буровые вышки, но Софья Давыдовна тоном, не терпящим возражения, прервала мой монолог.

Я попросил разрешения ознакомиться с отчетами, литературой, прежде чем пойти в кернохранилище, но главный геолог сказала:

— Я запрещаю знакомиться с отчетами. Мне надо, чтобы вы описывали керн таким, каким его видите, сами определяли породы.

— Почему? — удивился я.

— Александр Иванович, — впервые она назвала меня так, — я

здесь всего полгода, но та геология, которую я застала фактически, и та, которую вы встретите в отчетах, совершенно разные. Прежние геологи не поняли месторождения и неправильно его описывают. Мне нужна ваша свежая голова. Взгляните на месторождение так, как вас учили в университете! Будете работать вместе с Екатериной Ивановной Даниловой. Она ветеран этой партии, но тоже неправильно объясняет геологию марганцевых месторождений. Так что вы ее слушайте вполуха, а факты собирайте, формируйте свое мнение и раз в неделю приходите ко мне с докладом.

Тут же она познакомила меня с Даниловой. Это была невысокая, лет сорока женщина, одетая в фуфайку и защитного цвета юбку. Из-под платка выбивались черные с проседью волосы. Карие, немного слезящиеся глаза внимательно окинули меня взглядом — от военной фуражки, кителя и до кирзовых сапог, которые я получил взамен развалившихся. Сделав такой основательный осмотр моей персоны, она тихо произнесла:

— Ничего, Александр Иванович, не горюйте. Всего-то пятнадцать тысяч метров!

Побледнела Рабинович, дернула бровями:

— Да, эти самые пятнадцать тысяч метров вам и надо будет описать, — с придыхом подытожила она и попрощалась: — До завтра!

4

Описание, которое я поначалу воспринял как обиду, неожиданно оказалось интересной работой. Если участковый, полевой геолог описывает керн по мере извлечения его из скважины, небольшими порциями, то я имел возможность обозреть всю скважину сразу.

Екатерина Ивановна взяла меня под свою опеку. Она добилась от начальника партии, чтобы закрепил за мной двух помощников — рабочих. Невзирая на запрет Рабинович, она подробно рассказала мне все, что знала о марганцевых рудах. Мои книжные познания по этому виду сырья сводились к тому, что в нашей стране существовало два марганцевых месторождения: Никопольское на Украине и Чиатурское на Кавказе. Марганцевые руды на этих месторождениях

я хорошо помнил по университетскому музею. То были черные, блестящие, довольно тяжелые породы, которые полностью совпадали с моим представлением о руде. В Полуночном добывались и разведывались руды совершенно другого типа — карбонатные, зеленые на вид. Содержание марганца в них довольно низкое, почти в два раза меньше, чем на Украине и в Грузии. Но эти неказистые на вид руды сыграли решающую роль в Отечественной войне.

Здесь почти каждый, с кем я встречался, с гордостью напоминал о том, что, когда немцы оккупировали Украину и прервали поставки чиатурской руды на Урал, геологи получили задание срочно разведать известные к тому времени проявления марганца и с честью справились с правительственным заданием. Наши танки с прибавкой в бронесталь уральского марганца успешно громили немецких «тигров» и «пантер». О полуночных рудах я в университете не слышал и с большим интересом внимал тому, что рассказывала Данилова.

Все геологи, изучающие это месторождение, считали, что образовалось оно в третичное время в прибрежно-морских условиях. Позже какие-то силы нарушили пласты, смяли их в складки. Но какие силы расправлялись с марганцевой рудой, Екатерина Ивановна толком ничего сказать не могла, разводила руками:

— Прямо как бульдозером! Может, и вправду ледником их так смяло? Может, права Софа? Поживем — увидим.

Дней десять спустя уже довольно бойко я разбирался в разрезе. Под стометровой толщей светло-серых глин, которые местные геологи называют диатомитами, должна находиться руда. Ниже ее — плотные темно-зеленые глины, аргиллиты. Еще ниже — пески, а в конце разреза — коренные породы Урала, порфириты.

Расставленный рабочими керн одной скважины я уже описывал за день, тем более, что в керне руды не было. Через все месторождение с севера на юг простирались две широкие полосы галечников. По мнению Даниловой, это были отложения древней реки Сосьвы, ушедшей на восток. По Рабинович — это морена, то есть отложения, которые оставил ледник после своего движения. Эти галечники лежали сверху, на диатомитах, и состояли из порфирита.

Разбирая керн третьей и четвертой скважин, которые находились на востоке от уральского разлома, в ящиках с диатомитами я вдруг обнаружил столбики порфирита. Так было записано в коллекторском журнале.

На пятой скважине та же картина — диатомит, порфирит... Аккуратные столбики коренной породы заполняли половину ящика — два с лишним метра. А под порфиритами теперь темнели аргиллиты. Что за чертовщина? Очевидно, буровик перепутал керн и уложил не там, где надо. Выбросить порфирит он не мог, ибо бурение его самое трудное, а значит, денежное. Но куда смотрел коллектор? Можно еще подумать, что порфирит провалился с верхних ящиков. Но все они целые. На днище грешить не приходилось. К следующей скважине я уже присматривался внимательнее: порфирит, диатомит и опять порфирит.

Время приближалось к обеду, и я отправился в дробилку к Даниловой. По заведенной традиции обедали здесь же: до столовой далеко. Пузатый закопченный чайник вздрагивал на раскаленной докрасна чугунной печке, которую Екатерина Ивановна прозвала «домной». В обычное время на печке сушились пробы руды, а в обед поджаривались кусочки хлеба.

С момента моего здесь появления сверток Даниловой увеличивался в размерах: она прихватывала еще один бутерброд для меня, о чем не без схиждства заметила дробильщица.

— Да не стесняйтесь, — отмахнулась от нее Данилова. — Что же тут особенного. Ваше семейство далеко, а мы при доме. Маруся не со зла, просто все мы женщины вредные, колючие, особенно если дома что-то не заладится.

После первой кружки кипятка обычно начинались разговоры на посторонние темы. Как правило, затевала их Данилова. Но сегодня я опередил ее. Протянув кусочек порфирита, рассказал, как буровики и коллекторы путают керн.

Данилова выслушала меня, осмотрела образец в лупу, потом пошла к окну и еще раз внимательно разглядела.

— Это руда, Александр Иванович. И хорошая руда!

— Какая же это руда? Типичный порфирит.

— Руда, не спорьте!

Быстро допив чай, Данилова набросила куртку и решительно произнесла:

— Пойдемте, покажете ваш керн.

Она прошла вдоль разложенных ящиков, присела около обнаруженных мною порфиристов. Перебрала столбики породы, даже погладила их.

— Саша, — обратилась Екатерина Ивановна ко мне, — сходи, пожалуйста, в дробилку и принеси ящики для проб, да захвати еще молоток, сейчас мы опробуем твой «порфирит».

Каждый взятый кусок «порфирита» мы разбивали на две равные части, одну оставляли на прежнем месте, другую бросали в принесенные мною ящики. Сразу после этого пробами занялась дробильщица Маруся.

На другой день Екатерина Ивановна объявила мне, что пойдет со мной на описание керна:

— Надо посмотреть скважины пятого и шестого профилей. Если и там есть такой «порфирит», тогда ты, Иваныч, не выходя из этого сарая, открыл целое месторождение! Ведь керн-то считался безрудным, мы на него крест поставили, а тут такой сюрприз.

— Екатерина Ивановна, — засомневался я, — может, рано говорить о руде, ведь еще анализов нет.

— Анализы больше тебе нужны! А я уверена, что здесь марганца больше двадцати пяти процентов. Мне уже встречалась такая расчуденная руда на Полуночнинском руднике. Я тогда тоже за порфирит ее приняла, — засмеялась Данилова.

Пришедшие вскоре анализы подтвердили, что это действительно руда с высоким содержанием марганца.

О результатах своих открытий мы сообщили С. Д. Рабинович. Она очень обрадовалась этому известию, так как партии установили оперативный план прироста запасов в полтора миллиона тонн.

Сразу в кернохранилище поступила подмога, выделили еще двух геологов, коллекторов, рабочих. Все бросились описывать брошенный ранее керн и искать в нем руду. На всех пятнадцати профилях обнаружили рудный керн, на двух профилях ширина рудной полосы

достигала шестисот метров, а мощность пластов четыре-пять метров. Все это обещало хорошие запасы, значительно больше тех, что требовались планом.

На обнаруженном месторождении для подсчета запасов надо было срочно разбурить серию промежуточных разведочных профилей. Поисковая сетка скважин для этих целей не годилась. Руководство партии предложило мне новую работу — участковым геологом на Ивдельском, как его теперь называли, месторождении.

5

В партии была своя звезда — лауреат Государственной премии СССР Павел Яковлевич Глинский, старший буровой мастер. Слава о нем давно шагнула за пределы партии и экспедиции. В ту пору не так уж много было в стране лауреатов этой премии, да еще лауреатов военного времени, к тому же буровиков. Его избрали членом Советского комитета защиты мира, и он часто выезжал в Москву, встречался с видными людьми нашей родины.

Почет и уважение, которыми был окружен П. Я. Глинский, по моему, никак не повлияли на его поведение. Он все так же приходил утром на разрядки в своей ватной, пропитанной мазутом «куфайке», все так же молча выслушивал советы и разносы начальника партии, и так же, нагрузившись всякими железками и коронками, ехал или брел пешком на свою буровую. Лауреатский значок он нацеплял только в торжественных случаях. Героического в нем было мало: небольшого роста, худенький, неторопливый. Только вот серые глаза, острые, как два кинжала, выдавали его незаурядный ум и волю.

Как-то мне пришлось подменять заболевшего участкового геолога, у которого работала буровая бригада Глинского. Несколько раз мне случалось шагать по лежневке вместе с Павлом Яковлевичем. Вот в один из таких походов я и расспросил его о том, как он получил звание лауреата.

— А я, паря, ничего геройского-то не совершил, — передернул плечами Глинский, усиленно налегая на букву «о». — Предложили ехать на север, осваивать новое месторождение. Ну, снялись всем

своим «колхозом» и поехали.

— Всей семьей? — удивился я, зная, что у него два сына и дочь.

— Так они у меня привычные... Только вот жить-то негде было, — чуть помедлив, продолжил он. Потом повернулся и кивнул на горушку, нависавшую над поселком: — Вот в той горе нарыли землянок, там и зимовали. А зима лютая была, ох лютая! Это же Урал, да еще северный. Веришь, к железкам хоть не прикасайся — обжигает морозом. Нефтянку заглушишь — век не заведешь снова. Нефть, как сало, резали лопатой и в ведра накладывали. Не шло у нас дело-то поначалу. И вот как-то начальника партии, геолога и меня вызвали в Свердловск, в обком. Собралось народу много. Все выступали и жаловались, что без марганца бронесталь лучше и не варить, а марганец-то с Кавказа идет, считай, через всю страну. Понял? — Он взмахнул руками вокруг себя и пронзил меня своими жесткими глазами. — После долгих споров какой-то генерал спросил: «А чем порадууют нас геологи?» Радовать было нечем, бурение не ладилось... Потом нам объявили, что поедем на танкодром. Привезли, завели в траншею. Видим, впереди стоит два новых танка. Тот же генерал осмотрел нас и сказал: «Один танк сделан из стали с добавкой марганца, он справа, а другой без марганца. Сейчас по ним выпустят несколько снарядов». Потом стреляли, а потом мы пошли смотреть. Танк, который без марганца, — как решето, а правый хоть бы что. Генерал сурово сдвинул брови и спросил нас: «Агитировать еще надо?» А что тут агитировать? Все ясно!

Вернулись к себе, работали как черти — спутали день с ночью... Ну, а потом приехали горняки, шахту заложили — и пошла наша родимая на заводы. А дальше ты и сам знаешь, — закончил Павел Яковлевич.

В тяжелую для страны годину это месторождение обеспечило танковую промышленность необходимым сырьем. Партия и правительство высоко оценили подвиг геологов: буровику Павлу Глинскому и еще трем геологам Уральского управления за открытие и разведку марганца на Урале была присуждена Государственная премия.

— Сколько лет прошло с того дня, — вновь заговорил после не-

большого молчания Павел Яковлевич, — а я каждую скважину бурю как первый раз: руду боюсь размыть. До сих пор тот дырявый танк перед глазами маячит. — Он остановился, просветленным взглядом посмотрел на вздымающийся вдали террикон и добавил назидательно: — Так что, Иваныч, бери в руки нашу руду с уважением.

В конце марта 1951 года Н. Д. Бабушкин радиограммой вызвал меня в экспедицию. Последний раз мы встречались дней десять назад. Тогда он приезжал принимать экзамены на организованных мною курсах коллекторов. Он хвалил начинание, говорил, что неплохо бы распространить его. «Неужели по поводу курсов?» Эта назойливая мысль все время вертелась в голове, пока я добирался до экспедиции. Я подозревал, что Николай Демидович загорелся идеей курсов в рамках всей экспедиции и хочет поручить мне это дело. Задним числом я уже пожалел, что взялся за обучение коллекторов, хотя от такого нужного дела была несомненная польза.

Бабушкин принял меня сразу. Тот же кабинет и тот же хозяин кабинета. Но теперь я видел в нем руководителя, которого знал в деле. Энергичного, решительного, порой даже грубоватого, но эта грубоватость исходила от прямоты его характера.

Поправив на носу очки, он посмотрел на меня черными смеющимися глазами и задорно пробасил:

— Приехал, профессор?

Сдерживая свое волнение, я сел на стул возле стола.

— Вот и кончились твои университеты, Иваныч! — уже более серьезным тоном продолжал Бабушкин.

Я взметнул удивленно брови.

— Да, да. Пришел из управления приказ — срочно организовать новую партию на марганец. Есть мнение поручить это дело тебе. — Начальник экспедиции испытующе смотрел на меня. — Что, не рад? — удивился он моему молчанию.

— Не очень. На Ивдельском участке много работы, я только вошел во вкус. Хочется поработать геологом. Вы же, Николай Демидович, обещали мне один год.

— Не получается такой срок, — развел он руками. — Сам посудите: организуется партия на марганец, ты его уже постиг, энергии у

тебя, вижу, — много. Ну, кого же мне на такую партию назначить? Да и жена у тебя не работает, тоже непорядок. Нужный специалист, а не у дел.

Тут Бабушкин ударил в самую точку. Уже полгода, как моя жена уволилась с прежнего места работы, где заведовала вендиспансером, и не может устроиться в поселковую больницу: нет ставки врача.

— А где вы хотите партию организовывать? — спросил я.

— В Серове.

— В Серове? Что ж там делать?

— Марганец искать. Уже и проект есть, осталась самая малость — организовать партию и найти ей голову. Кстати, — немного подумав, продолжал Бабушкин, — я уже звонил в Серовский горздрав. Возьмут с удовольствием твою жену.

«Как красиво все обстроил, — подумал я. — А как же мои мечты быть геологом?»

И, словно читая мои мысли, Бабушкин добавил:

— Мы тебя назначим начальником партии и одновременно — старшим геологом.

— А разве так можно?

— Отчего же нельзя? Партия небольшая, справишься.

Подумал я, подумал и согласился.

На другой день я получил приказ о создании Серовской партии и о назначении меня начальником и старшим геологом. Н. Д. Бабушкин собрал аппарат экспедиции и обнародовал это решение. Он попросил всех помогать мне в создании партии. Пообещал с июня месяца уже планировать все показатели и, главным образом, бурение Две бригады буровиков нам передали из соседней Марсятской партии.

Создавать целую партию одному трудно. И тут надо сказать, что почти все работники экспедиции помогали мне по-братски. Они видели мою неопытность и понимали важность поставленной задачи. Безразличных не было. В техснабе составили заявки на оборудование, у главного механика — на технику. Прораб экспедиции Д. В. Кондратьев ездил со мной на склады. Заместитель экспедиции В. П. Насонов соображал, где можно раздобыть для партии лошадей

— главную тягловую силу у геологов тех времен.

Однажды, проезжая по Ивделю, я встретил своего бывшего курсанта-коллектора Виктора Пряхина. Своей пытливостью, энергией, природной смекалкой он понравился мне, когда я еще работал в Ивдельской партии. Сейчас Виктор бесцельно брел по улице. Как выяснилось, он почему-то попал под сокращение. Я предложил ему работу в Серовской партии старшим коллектором, а точнее — моим помощником. Пряхин с радостью согласился. Оказалось, что он родом из Серова и там живут его мать с отцом.

Так в штате партии появился второй человек. Теперь дела пошли быстрее. Пряхин хорошо разбирался в вопросах снабжения, отличался напористостью.

— Где ты такого медведя откопал? — с удивлением допрашивали меня снабженцы экспедиции. — Это ж надо, все гребет под себя, того гляди и нас прихватит! — восторгались они хваткой Виктора. — В общем, помощник у тебя что надо!

Предстояло съездить в Марсятскую партию за бригадами буровиков, и тогда можно было отправляться в Серов, на новое место работы.

6

Начальником Марсятской партии в то время работал Леонид Григорьевич Погодин, бывший старший буровой мастер этой партии. Это был удивительной судьбы человек.

На войну он попал лейтенантом, под Сталинградом его тяжело ранило — оторвало правую руку. После госпиталя вернулся домой в поселок Махнево, что под Алапаевском.

Сидеть дома, да еще в такое время, было мучительно, и Погодин опять на буровой, с которой его призвали в армию. Он научился бурить заново, одной, да к тому же левой рукой и стал отличным буровым мастером. Потом ему доверили буровую бригаду, с которой он творил просто чудеса. В те времена техника у геологов была немудреная: буровой станок КА-2М-300, простой, как русская трехлинейная винтовка, и к нему еще более простой двигатель-нефтянка А-22.

Вот и вся снасть. При переброске бригады с одной точки на другую оборудование разбиралось и перевозилось на лошадях. И бурение скважины порой шло быстрее, чем перевозка буровой вышки.

Но в стране широким фронтом уже внедрялась новая буровая техника: быстроходные станки ЗИВ-75 и ЗИВ-150. К этой технике буровики относились недоверчиво, а в Марсятской партии она прижилась. Правда, пока ее осваивали, поломали великое множество. Но и бурили здорово. Вот тут Погодин развернулся. Его бригада проходила в месяц по пятьсот—шестьсот метров, а на старых станках в Ивдельской партии — с трудом триста.

Как правило, скважину глубиной пятьдесят метров погодинцы бурили ровно сутки. И, если был трактор, быстро переезжали на следующую точку. Однажды старший геолог этой партии А. И. Краева собралась в отпуск и расписала каждой бригаде задание на месяц вперед. Прикинув, сколько бригады смогут пробурить за время ее отсутствия, она за каждой закрепила по одному профилю. Получалось что-то около двух километров для каждой бригады.

Каково же было ее удивление, да и ужас, когда, вернувшись из отпуска, она обнаружила, что бригада Л. Г. Погодина заканчивала бурение на четвертом километре! Погодин сделал в два раза больше, чем требовалось его бригаде для выполнения геологического задания.

Леонид Григорьевич Погодин отличался большой находчивостью. Однажды с ним произошел такой случай. Весна стояла в разгаре и Погодину, в то время еще старшему мастеру, надо было срочно выбираться с буровым агрегатом из леса. Но тогдашний начальник партии, недолюбливая Погодина, под каким-то предлогом отказал его бригаде в тракторе. Мастер Погодин со своими, хлопцами не растерялся, и за сутки они передвинули буровой агрегат на восемь километров. Сделано это было гениально просто: силой лебедки бурового станка. Трос от лебедки цепляли за растущие деревья, пеньки, мощные корни, подтягивались к ним, и так перецепляя трос, выползли из леса. В назидание Погодин подтащил агрегат прямо под окно домика, где жил его вечно подвыпивший начальник. Говорят, когда тот утром проснулся, долго глядел очумело в окно и все пы-

тался понять: на самом деле это буровая или ему только так кажется? Вот к этому Погодину в Марсятскую партию я и отправился за людьми.

Леонид Григорьевич, среднего роста, коренастый, бритоголовый, с открытым взглядом, встретил меня в кабинете дружелюбно. Крепко пожал мне руку своей левой, на месте правой висел вдоль тела протез. По возрасту Погодин, похоже, мой одноклассник.

На его столе лежало несколько бумаг, прижатых гирьками. Уловив мой недоуменный взгляд, Леонид Григорьевич весело улыбнулся и объяснил:

— Это моя рационализация. Когда бумагу подписываешь, она, собака, из-под руки выползает. А прижмешь ее гирькой, то хоть какие вензеля выкручивай на ней — с места не двигается. Так что, за людьми приехал? — без перехода спросил он, застегивая косоворотку.

— Не только. Поучиться тоже надо.

— Это тебе-то, инженеру, да у меня учиться? — пожал недоуменно плечами Погодин.

— Не прибедайтесь, Леонид Григорьевич, есть чему у вас поучиться. Тем более, что меня тоже собираются вооружить новыми станками, а, кроме вашей партии, негде опыт перенимать.

— Так ведь буровики, которые уедут от меня, знают эти станки.

— А все остальное?

— Ну, если все остальное, то можно, хотя я тоже недавний начальник партии, опыта мало, — засмеялся он.

— Передавайте и малый опыт — начальника, и большой — буровика, все пригодится.

Целую неделю пробыл я в Марсятской партии. По-братски делался Погодин со мной всем, что знал. Но, о чем бы он ни говорил, всегда на первый план выступали дела, интересы, заботы о буровиках. Он был глубоко убежден, что если буровики выжмут план, то и геология будет, и экономика. А бурить Погодин и сам умел, и умели это делать его гренадеры, как он их шутливо называл. Это были ребята, пропахшие смолой тайги, соляжкой и всеми машинными маслами. Погодина они просто обожали, большинство называли его дя-

дей Леней. Еще бы! Он первый освоил новые отечественные станки. Без инструкторов! Он достиг на этих станках самой высокой в управлении месячной проходки. Он придумал и вывез буровую вышку из тайги без помощи трактора.

Погодин — прирожденный вожак рабочих, выдумщик всяких новинок. А вот геологией в партии безраздельно командовала Анфия Ивановна Краева. Маленькая, невзрачная на вид блондинка, она была прямой противоположностью Погодину. Спокойная, рассудительная, несколько даже медлительная, но волевая. Я очень скоро это понял, когда случайно присутствовал при перепалке Краевой с Погодиным.

Одна из бригад ночью пробурила с водой рудный горизонт, размыв его, конечно. Буровик, нарушивший режим бурения, доказывал, что никакой руды в этой скважине не было. Краева утверждала обратное. Спор перенесли к Погодину. Разрешить этот спор — задача для начальника непростая. Послушать Краеву — надо забраковать семьдесят метров бурения. Так и надо сделать, потому что скважина любой глубины бурится из-за руды, пласт которой иногда бывает всего один-два метра. Буровик, не доставший по какой-либо причине керн, — бракодел. Но снять с выполнения семьдесят метров бурения — это чувствительно для плана партии, еще чувствительнее для плана бригады и, конечно, скажется на экономике партии. А начальник, по существу, одинаково ответствен и за геологический результат, и за план бурения, и за экономику. Но, во-первых, Погодин буровик, а значит, его симпатии на стороне проштрафившегося, во-вторых, метраж и экономику с него спрашивают ежемесячно, а за бракованную скважину спрос будет с геолога, это тогда, когда она будет составлять годовой и окончательный отчеты. Погодин подержал старшего мастера, пытаясь доказать, что из семидесяти метров геологи почти весь метраж используют для отстройки разреза...

Краева стояла на своем: скважина — брак, бригада должна ее перебурить! И настояла.

Чертыхаясь и матерясь, буровики гурьбой вышли из конторы. Я отправился в камералку к Краевой. Еще не остыв от спора, она тихонько выговаривалась:

— Умный же человек Леонид Григорьевич, все понимает, а ватаге своей потакает. Разве так можно?

— Какой ватаге, Анфия Ивановна? — спросил я.

Она посмотрела на меня удивленными глазами, вздохнула и разъяснила:

— Буровикам! Кому же еще...

Из Марсят я увез списки четырнадцати человек, которые дали согласие переехать в Серов, кучу всяких бланков, форм и блокнот записей, неопенимых для меня как начинающего руководителя партии.

Тогда я настолько плохо разбирался в бурении, вернее, в организации его, что, откровенно говоря, не мог оценить, что главным моим приобретением были как раз четырнадцать опытных буровиков, и жемчужиной среди них — старший буровой мастер Андрей Штребель. Это я понял только в Серове, когда через пятнадцать дней мы забурили первую скважину.

Часть 2

Серовская геологическая

1

Вместе с Виктором Пряхиным мы выехали в Серов.

Город встретил нас специфическим запахом и дымом. Пахло горелым деревом, дегтем и еще бог знает чем. Виктор объяснил, что в Серове работают две углехимбиржи, проще — два предприятия, которые выжигают древесный уголь. Здесь углежоги — почетная профессия. Потребителей древесного угля много, а главный — Серовский металлургический завод.

В нашей стране оставалось лишь несколько таких заводов, где древесный уголь использовали для получения исключительно чистой стали. Кажется, в этом смысле Серовский завод не имел конкурентов. Серовская сталь с маркой «Соболь», выплавляемая на древесном угле еще с дореволюционных времен, и теперь шла только для особо ответственных деталей машин.

Нам нужно было найти базу бывшего «Золотопродснаба», в которой размещалось теперь представительство Северной экспедиции. По рассказам работников экспедиции мы знали, что база должна находиться где-то в районе вокзала. Первый же встречный серовец показал нам на добротный двухэтажный деревянный дом. За глухими воротами, во дворе, мы нашли хозяина базы, Сладкова Николая Спиридоновича. Неприветливо принял он нас:

— Ну, я Сладков, а вам чего надо?

— Мы из Северной экспедиции, от Бабушкина.

— Знай, что из Северной. Знай, что новый начальник партии. Подождите в конторе! — Он повернулся к нам спиной и надсадно закашлялся.

Впоследствии Сладков изменил к нам отношение и оказался человеком полезным для партии. Можно даже так сказать, что если бы не Сладков, то очень трудно было бы нам организовать партию и в течение месяца развернуть работы. Николай Спиридонович крепко помог нам в разгрузке вагонов, прибывающих из Ивделя, в отправке оборудования и техники на участок работ, подсказывал, в какие организации и к каким руководителям надо обращаться за помощью. Он даже разрешил на месяц использовать пустующую базу под контору нашей партии и общежитие для приезжающих людей.

Как вы уже знаете, марганцевую руду вначале обнаружили и успешно добывали на Полуночинском руднике. Позже такое же месторождение открыли южнее, в районе Ивделя. По представлениям С. Д. Рабинович, главного геолога Ивдельской партии, на Северном Урале возможно открытие целого бассейна марганцевых руд. Поэтому Уральское геологическое управление и решило организовать в районе Серова геологическую партию. Ей поручалось изучить, как далеко распространяются руды на юг, в сторону Верхотурья, и на восток, в сторону Западно-Сибирской низменности.

Первый профиль, согласно проекту, предстояло бурить в пяти километрах от западной окраины Серова. Надо было спешить с заброской туда оборудования, пока держалась еще хорошая зимняя дорога.

Главным моим помощником в организации буровых дел стал Андрей Эдуардович Штребель, старший буровой мастер, который перешел с бригадой от Погодина. Это ладный мужчина лет тридцати, высокий, кудрявый, веселый. Находчивость у него, как говорят, от бога, да еще прошел школу у Погодина, разве можно мечтать о лучшем буровике?

— Александр Иванович, вы только помогите добраться до профиля, а там мы сами поскачем, — просил он, оглядывая своими озорными глазами столпившихся около нас буровиков.

Автотранспортом нам помог гараж одного солидного завода. Через неделю мы были на профиле. Десять дней Штребель и Чуркин монтировали сразу два агрегата, а уже семнадцатого апреля мы передали в Ивдель сводку, что приступили к бурению.

На первой же скважине обнаружили руду, черную, пирролизитовую, как в Никополе. Искали карбонатную, как на севере, и вдруг — такой сюрприз! Это была большая радость. Но мощность пласта оказалась незначительная, двадцать сантиметров.

В Ивдель полетела телеграмма: «Встретили пирролизитовую руду, мощность двадцать соток».

К сожалению, на всех последующих скважинах мощность рудного горизонта была такой же, а промышленным считается пласт от одного метра и больше.

Первая скважина оказалась совсем мелкой, всего двадцать метров. Это осложняло дело: такую скважину буровики проходили за одну смену, и требовалось часто переезжать, а в партии тогда не было даже ни одной лошади, не говоря уже о тракторе или машине. Вспомнили самоход Л. Г. Погодина. Цепляясь тросом за деревья, подтягивались по профилю, который мы выбрали на лесной просеке. Оборудование — коронки, штанги, трубы... — переносили на себе. А скважины располагались на расстоянии двухсот метров друг от друга. Все это доставалось невероятно тяжело. И только неугомонный характер Андрея Штребеля да молодость ребят скрашивали наши трудности и невзгоды. Как-то сам по себе зародился в партии трудовой энтузиазм первопроходцев, не требовалось никакой агитации, понуканий. Каждый делал свое дело и даже сверх того.

Надо было где-то разместить контору партии, базу и найти жилье для сотрудников. Эту заботу взял на себя Виктор Пряхин. Вскоре он разыскал деревню недалеко от окраины Серова и вблизи поисковых участков, снял двадцать квартир и даже помещения под контору и камералку для геологов. Деревня называлась Мякоткино, и половина ее жителей носили фамилию Мякоткины.

Как только мы определились с базой, я решил представиться городскому руководству. В приемной первого секретаря горкома партии сидели несколько посетителей. Назвался секретарше и попросил доложить о себе.

— Как доложить? — спросила она, имея в виду мое служебное положение.

— Начальник геологоразведочной партии.

— Геолог? — Она посмотрела на меня с нескрываемым любопытством. — Сейчас доложу. — И исчезла за дверью. Вернувшись, «она сказала любезно:

— Как только выйдет товарищ Ильин, сразу заходите.

Минут через пять зазвенел требовательно звонок, и девушка, «сорвавшись с места, вновь исчезла в кабинете, но тут же она, приоткрыв дверь, попросила меня:

— Проходите, пожалуйста.

В большом, очень светлом кабинете сидели двое: во главе Т-образного стола — секретарь, сбоку — другой товарищ. Я подошел и назвал себя. Представились и сидящие в кабинете.

— Заложнев Сергей Андреевич, — первый секретарь крепко пожал мою руку и спросил: — Какими ветрами занесло к нам геологов?

— Ильин Тимофей Федорович, председатель горисполкома, — подав руку, сказал человек, сидящий сбоку стола.

Я рассказал им о том, какое хозяйство нам нужно организовать я Серове и чем оно будет заниматься. Собеседники удивленно переглянулись.

— Зачем же нам марганец, если завод без железной руды сидит? Все время на голодном пайке. Смотрите, какой красавец, — Заложнев показал рукой за окно, — и все время чихает. Директор, главный инженер, да, пожалуй, весь завод только тем и занимаются, что выпрашивают руду. Из тринадцати рудников мы получаем сырье, да хорошо бы вдоволь, а то все время в обрез. А представляете, каково печь хорошие пироги из тринадцати сортов муки?

И они мне поведали о том тяжелом положении, в котором оказался завод, уже многие годы не имея своей основной сырьевой базы. Руду поставляли из Тагила, Челябинска, а то и дальше.

— И при всем том завод-то держит почти все рекорды отрасли по выплавке чугуна, по съему стали с квадратного метра пода печи. — Это сказал председатель горисполкома.

— Можете представить, какие орлы работают на комбинате, — дополнил Заложнев. — А вы марганец ищите зачем-то. — Он наклонился ко мне через стол и заговорщицки предложил: — Плюньте вы на марганец, займитесь-ка железом. Поддержим!

Видя мое недоуменное лицо, он вдруг громко расхохотался, его поддержал Ильин.

— Мы, конечно, не вправе вами командовать, — Заложнев перешел на официальный тон, — но передайте своему начальству наш разговор. Он хотя и шуточный, а, смею вас заверить, серьезней серьезного. Марганец хорошо, но железо искать надо не откладывая в долгий ящик.

После этого мы еще долго говорили. Я рассказал, где будем проводить работы, где решили устраивать базу партии, попросил помочь нам. Руководители города очень тепло со мной распрощались и приглашали заглядывать, если появится в том нужда или вдруг будет найдено что-нибудь хорошее, особенно железная руда. Они же посоветовали мне сходить к С. В. Нагорному, главному инженеру металлургического завода.

3

Партия существовала, выполняла план, а транспорта все не было. Особенно в нем нуждались буровые вышки, где ребята трудились круглосуточно. Для бурения нужна была вода, требовалось подвозить соляру. Короче говоря, не худо для начала иметь хотя бы лошадей. Я позвонил заместителю начальника экспедиции В. П. Насонову, который отвечал за транспортные средства, пожаловался ему и попросил быстрее снабдить нас лошадьми. Он немного помедлил с ответом, а потом предложил:

— За Уралом, — Насонов имел в виду, что за хребтом, — в Пермской области, а точнее на Вишере, работали две железорудные партии. Их сейчас ликвидировали. Люди сплавляются по Вишере и Каме к железной дороге, а имущество и лошади остаются еще на месте. Добраться туда очень трудно, но пока в горах держится снег, — можно. Снаряжай коногонов и забирай двадцать три лошади. Лады?

Двадцать три лошади для нашей партии — просто клад, и я без раздумий согласился. Когда пришел в контору и сообщил об этом своим соратникам, установилась тишина.

— Вы понимаете, что значит перегнать через Урал, зимой, за пятьсот километров столько лошадей? — начал наступать на меня только что принятый старший бухгалтер И. Н. Майтамал. — А если лошади погибнут?

При этом он все время сильно щелкал костяшками счетов то влево, то вправо. Пряхин отобрал у него счета и трубно пробасил:

— А что же вы, Иван Николаевич, предлагаете лучшего?

Тот замолчал. В углу сидел, тоже вновь принятый, завхоз Ногавицин — высокий, худой, с изуродованной левой рукой.

— Что же раздумывать, Александр Иванович, — обратился он ко мне, — выписывай подорожную! Я возьму еще одного рабочего, и поедем за лошадами.

— Ты в своем уме?! — завопил бухгалтер.

— В своем. Я на фронте еще не такие косяки перегонял!

— Так ведь с двумя руками!

— Но тогда и лошадей было больше тысячи!

На том и порешили. Ногавицин отправился в далекий путь.

С этим заданием он справился блестяще. Через двенадцать дней поутру все до одной лошади стояли у забора конторы, грязные до такой степени, что и масть не различишь. Около каждой лошади лежал клок сена, а Ногавицин и его компаньоны богатырски похрюкивали на полу конторы. Так у нас появился свой конный парк.

Запросы партии все разрастались. Два буровых станка работали безостановочно. Каждый день что-то ломалось, выходило из строя, и требовалась хотя бы небольшая мехмастерская. Наши буровики по-

вадились бегать с ремонтами на лесозавод, но там на нас смотрели косо — у самих работы много.

С появлением лошадей возникла необходимость в конюшне. Да и контора в жилом доме никоим образом не устраивала. Любой посетитель с ходу попадал на кухню, где пахло щами или другой стряпней. У стола сидела вечно чем-то недовольная хозяйка, а с печки покашливал в густую бороду хозяин, болезненный старик. В двух хозяйских комнатах с трудом разместились мой кабинет и бухгалтерия. Все совещания проводились на улице.

Словом, партии нужна была своя база. А создавать ее оказалось не так просто. Я в этом вскоре убедился, как только вплотную взялся за отвод земли. Строить базу некому, никаких стройматериалов и даже фондов на них нет.

Неоценимую помощь оказал мне в этом деле директор Серовского лесозавода А. С. Маньков, к которому я по-соседски отправился за советом. Александр Семенович встретил меня приветливо. Удивился, конечно, появлению геологов в этих краях и сразу стал интересоваться железной рудой. Разочаровался, когда узнал, что мы ищем марганцевую руду. Я высказал ему свое удивление, что он-де не директор металлургического завода.

— Будет руды вдоволь, значит, металлургическому заводу будет хорошо и городу легче, — растолковывал А. С. Маньков. — Мой завод, — кивнул он в окно, — только около того завода — завод! Все мы думаем о железной руде. Любые городские совещания начинаются с разговоров о ней и кончаются тоже.

А. С. Маньков сильно заикался, и его медленная и трудная речь о железной руде крепко запала в мое сознание. В конце нашей беседы он сказал:

— Выбери место, где будешь строиться, и иди в горисполком с письмом на отвод земли. Только много не проси, гектара два, не больше. А лесом я тебе помогу для начала, — обрадовал меня директор, — но фонды все же выбивай, с ними-то лучше.

Отвод земли пришлось оформлять в лесхозе, ибо то место, которое я просил на опушке за селом, числилось еще лесом.

Директор лесхоза А. П. Зайченко, пожилой седой товарищ, принял меня очень любезно, усадил на диван и, казалось, забыв, зачем я пришел, с упоением расспрашивал меня о геологии района, о полезных ископаемых. Он чудесно знал район и по-отцовски предлагал советоваться с ним всякий раз, в случае выхода на новое место работ. Потом он признался, что в молодости хотел стать геологом, да не судьба. Очень рад, что познакомился с геологами и уже на прощание посоветовал обращаться за помощью на соседний с нами лесозавод, где главным инженером работает его сын Виталий.

Работник лесхоза, к которому меня направил А. П. Зайченко, как оказалось, интересовался геологией еще больше своего директора.

Через десять минут передо мной уже лежала карта бассейна реки Каквы. Правда, она была исполнена в лесническом варианте: вся разбита на кварталы и пронумерована. Добрейший Иван Фролович с жаром рассказывал мне, что в квартале номер такой-то, по которому течет река, есть пережат и что этот пережат не простой, а рудный. Еще мальчишкой он купался в тех местах, и его заинтересовала тяжелая черная порода, глыб и галек которой вокруг было множество. Много позже знающие люди говорили ему, что это самая хорошая руда и называется она — магнетит. Давным-давно написал он письмо об этих находках, но не знает, куда его девать. Дело идет к старости, и ему не хотелось, чтобы важная тайна ушла вместе с ним. Может быть, там большое месторождение железа, в котором так нуждается Серовский завод.

Милый Иван Фролович, если б ты знал, как твоя стариковская воркотня о руде приятно тревожит и мою душу геолога. Да разве ты один? Почти каждый серовец, который узнавал, что я геолог, непременно заводил разговор о железной руде. Первое время меня всегда это поражало, как будто у них не было других забот.

Мой собеседник порылся в многочисленных папках и нашел своё пожелтевшее от времени письмо. Я прочитал его, посоветовал переписать и в виде заявки отправить в Уральское геологическое управление. А тогда, может быть, мне поручат эту заявку проверить. Забегая вперед, скажу, что после геологи действительно обнаружили

на Какве небольшое месторождение магнетитовых руд, которые сразу же ушли на Серовский завод.

Иван Фролович пообещал быстренько оформить отвод земельного участка под застройку. Нечего и говорить, что в лице этого человека партия обрела надежного защитника и советчика в наших, порою нелегких, взаимоотношениях с лесхозом.

4

Летом 1951 года мы заложили мехмастерскую, жилой дом, конюшню и конюховку. Причем последнюю — по предложению директора лесозавода А. С. Манькова. Как-то он наведаясь к нам и, выслушав мои грандиозные планы строительства, хмыкая и заикаясь, посоветовал:

— Ты с конторой погоды, у-у-спеешь. Думаешь, ту контору, где я сейчас сижу, так сразу и отгрохали? Черта с два! Почти три года насиделся в проходной со всей конторой — и ничего. Начинать с производственных объектов! Мастерская нужна? Нужна. Конюшня — тоже. Строй конюховку, в ней пока и перебьешься.

Так мы и порешили.

В партии появилось несколько забойщиков, которые приехали с Вишеры. Пока делать им было нечего, и они копали для буровых вышек зумпфы: углубления возле скважин для заполнения их водой. Но однажды произошло событие, которое потребовало труда именно забойщиков.

Виктор Пряхин разыскивал самый короткий путь от бурового профиля к деревне, где мы жили, и вышел к глубокому логу, по дну которого весело бежал ручеек. Виктор спустился в лог и пошел вдоль ручья в направлении деревни, как вдруг его внимание привлек черный слой породы, проступившей в обрывистом берегу лога. Вначале он подумал, что это торф, потом решил, что это все-таки уголь. Взбравшись по скользкому сырому склону, Виктор отковырял несколько кусков, съехал вниз, весь измазавшись, и притащил: свою находку ко мне в кабинет.

— С угольком будем, начальник, — громко сообщил он, выложив на стол свою находку. Рассказал, где обнаружил ее.

Черная ноздреватая порода и в самом деле напоминала уголь, скорее кокс. Но стоило ее взять в руки — и не оставалось сомнений: это была руда, добрая пирролюзитовая руда! И где? У нас под носом! Та руда, которую мы ищем на глубине двадцать — сорок метров, здесь, у деревни, выходит прямо на поверхность!

К этому времени в партии появился очень опытный коллектор Иван Иванович Рудольф. Вместе с ним мы и отправились к месту находки. Продвигаясь по логу, проследили пласт метров на полсотни. Руда отменная, но мощность небольшая. Решили прямо от лога на прилегающем поле заложить несколько линий разведочных шурфов. Вот тут-то и пригодились наши забойщики, особенно такие классные, как мой тезка — Александр Иванович Батраков.

Ни раньше, ни потом за много лет работы в геологии мне не приходилось встречать подобного забойщика. Уже через полмесяца после его появления мы убедились в особенных способностях Батракова, когда задали ему линию шурфов. Как-то утром он зашел ко мне в кабинет и, насупив свои кустистые брови, стеснительно проговорил:

— Александр Иванович, пошли бы вы со мной на участок.

— А что случилось? — с тревогой спросил я.

— Так ведь ту линию, что вы задали, я кончил, а теперь что делать?

Ничего себе! На линии было десять шурфов, каждый глубиной четыре—пять метров. По моим расчетам, Батраков должен был проходить второй шурф.

Я пригласил коллектора Ивана Ивановича, и мы втроем отправились на участок, который в честь деревни называли Мякоткинским. Когда перешли лог, увидели выработки, пройденные забойщиком. Горки темно-серой породы выстроились в линию. Здесь наблюдался полный порядок: каждый слой породы был аккуратно выложен отдельно, руда черной горкой темнела тоже отдельно. Стенки шурфов были только что не отшлифованные. Мы переходили от шурфа к шурфу, молча рассматривали извлеченную породу, отдельно оста-

навливались у руды. Батраков держался рядом, казалось, безразлично взирая на свой труд.

Все шурфы были с рудой. Стало ясно, что надо проходить еще не одну линию, чтобы разобратся, как поведет себя руда: где простиранье, куда падает пласт.

Мы договорились, что заложим параллельно еще три линии в сторону Кольского массива, который возвышался за железной дорогой и был вероятным берегом моря третичного периода. Иван Иванович остался описывать выработки. Обрадованный Батраков переносил свой инструмент на следующую линию, напевая под нос песенку. Поймав мой удивленный взгляд, он весело пояснил:

— Я уж было загоревал совсем. Думал, пройду эту линию — и опять отправят зумпфы копать. Теперь, похоже, дел много будет, можно и песни петь.

Я часто приходил на этот участок посмотреть на работу Александра Ивановича, забойщика-художника.

5

Массовое проявление пирролюзитовой руды около Серова никто не предвидел. Мякоткинский участок мы изучали без проекта, было много неясностей. Я связался с Н. Д. Бабушкиным и попросил, чтобы к нам приехал кто-нибудь из Свердловска.

Вскоре в партию явился из управления К. Е. Кожевников — начальник отдела черных металлов. Помню летний погожий день. Солнце печет немилосердно. Все замерло — не шелохнется. Мы вдвоем обошли все шурфы, а их уже было больше двух десятков, и, разморенные, взмокшие, спустились в лог, к ручейку. Ополоснув лицо, руки, мы присели в тени ольхи на траву. Ерофеевич, так уважительно звали Кожевникова все геологи, лег на спину и мечтательно уставился в небо.

— Хорошо все-таки жить на земле! — проговорил он задумчиво. — Полежишь вот так, раскинув руки, прижмешься всем телом к ней, кормилице нашей, и почувствуешь силу в себе и желание работать, что-то искать или изобретать!

Я вспомнил первую встречу с К. Е. Кожевниковым. В 1950 году он был председателем экзаменационной комиссии в университете, а я защищал диплом по железным рудам Алапаевского месторождения. Тогда я, конечно, не знал, что он самый крупный специалист по железным рудам Урала. Помнится, с апломбом первооткрывателя изрекал я прописные истины, которые комиссия слушала благосклонно. Но вдруг что-то насторожило в моих словах председателя. Он засверкал золотом шитья на рукавах своего мундира и засыпал меня градом вопросов. Но я, кажется, удачно лавировал под его огнем и, похоже, тем и понравился председателю. Во всяком случае, после защиты он меня стал агитировать на работу в управление, и к тому же на север, в район Ивделя.

И вот теперь я на севере, но занимаюсь не его любимым железом, а марганцем.

После долгого молчания К. Е. Кожевников тихо сказал:

— Хороша, конечно, марганцевая руда, и вы молодцы, что так быстро до нее докопались. Только Серову-то надо железную руду.

— Как же так? — От удивления я даже привстал. — Почему тогда Уральское управление приказало организовать здесь поиски марганца, зная, что Серову нужнее железная руда. Где логика?

Тут я рассказал ему о своих разговорах в Серовском горкоме партии. Он вскочил и, приставив указательный палец к моей груди, обрадованно переспросил:

— Так и предложил заниматься железом, а не марганцем?

— Так и предложил.

— Мо-ло-дец твой секретарь, ориентируется в ситуации. Да, без железной руды, большой руды, им трудно. Значит, считаешь, что твою партию организовали неправильно, преждевременно?

— Конечно!

— Чудак ты! Уральское управление — это махина комплексная. Мы изучаем полезные ископаемые всего Урала. Не беспокойся. Железной рудой для Серова управление занимается, и очень серьезно, стратегически. Ведь не обязательно железную руду искать под самым носом у завода. Можно и чуть подальше. Вспомни, севернее Ивделя две партии чем занимаются?

— Железом.

— То-то! Это для Серова. А Баяновская партия? Там Пантелеев Иван Алексеевич тоже не зря трудится. Да и ауэрбаховской площадью вскоре займемся и в самый раз к тебе спустимся.

Я рассказал Ерофеевичу о заявке лесника на Какве. Он заинтересованно прослушал, переспросил, на каком километре.

— Бро-одил я там в свое время, но до этих мест не добрался, — сказал он протяжно. Вдруг встрепенулся: — Слушай, вполне возможно, что туда тянется ауэрбаховская зона магнетитов. А что? Интересно! Возьмись-ка за проверку — это будет твое второе геологическое задание. Сейчас пока не главное, но в будущем — главнейшее. — Кожевников встал, потянулся до хруста в суставах и добавил: — Верю, что скоро мы дадим Серову большую руду. Где, не знаю еще, но дадим. Так и передавай Заложневу.

Решено было разбурить короткими профилями весь Мякоткинский участок и сколько возможно бурить первый профиль на запад по Грязной просеке. Это название соответствовало истинному положению на профиле. Весной в лесу сохнет не быстро, передвижение оборудования и грузов шло по просеке. Размесили ее почти до непролазного состояния, вот и стала она у нас Грязной.

С этой просекой у меня связано одно, можно сказать, музыкальное воспоминание. Как-то брели мы по ней с Андреем Штребелем в сторону буровых. Расстояние неблизкое. Шли не спеша, еле выдергивая ноги из раскисшей земли. До нашего слуха донесся металлический звон: били кувалдой по трубе. Штребель внезапно остановился с занесенной ногой, тронул меня за локоть рукой и почти шепотом таинственно произнес:

— Послушайте!

Я не понял, что его так заинтересовало.

— По какой трубе мастер стучит? — допытывался Андрей.

— По колонковой, — безразлично ответил я.

— Конечно, по колонковой! Но какого диаметра?

— А разве можно определить диаметр по звуку? — удивился я.

— Еще как! — радостно воскликнул Штребель и тронулся дальше по просеке, говоря с возбуждением: — Понимаете, Александр

Иванович, на каждой буровой — свой орган! Каждая труба свой звук издает. Малый диаметр — тонкий звон, большая труба — гудит, как колокол. У длинных труб звук до-о-олго не замирает, колонковая с керном не звенит, а крикает. А треснувшая труба — как охрипшая старуха. Пока до буровой дойду, все о ней узнаю, как по телеграфу. Иногда на пенек сяду, прослушаю всю информацию и только тогда иду дальше.

И уже на подходе к буровой Андрей остановился еще на миг, взглянул на меня не своими озорными, а какими-то по-детски грустными глазами и добавил:

— Я ведь в консерваторию хотел поступать, да война помешала.

На всю жизнь запомнились слова этого чудо-мастера буровика, в котором, возможно, погиб талант незаурядного композитора. Сколько раз приходилось мне бывать на буровых вышках в различных партиях, всегда на подходе к ним я останавливался и прислушивался к перезвону труб. И каждый раз вспоминал моего товарища геологической юности, такого разного Андрея Штребеля.

6

Меня захлестывали хозяйственные дела. Исполнять обязанности старшего геолога становилось все труднее. Я едва успевал задавать точки будущих скважин и шурфов. Да еще умудрялся просматривать керн, особенно рудный интервал, если он был. С появлением Ивана Ивановича Рудольфа и еще одной девушки, тоже из Марсят, мы наладили первичное, коллекторское описание. Но коллектор ведет опись керна довольно упрощенно, механически. А ведь главный смысл обработки заключается в том, чтобы дать послойное описание вскрытых пород, указать на их связь и взаиморасположение. Чуть позже по ряду описанных скважин геолог строит геологический разрез — он как бы рассекает рядом скважин землю и узнает, как ведут себя пласты и руда в данном месте, а по ряду профилей — и на целой площади.

Так вот такой работы я не делал: некогда было. Пока скважин немного — держалось все в голове. Но я уже четко понимал, что это

непорядок, что нужен помощник, старший геолог или хотя бы просто геолог.

Обратился с письмом к Софье Давыдовне Рабинович. В середине июня получаю телеграмму: «Поездом Свердловск — Надеждинский завод вагон восемь вам выехала работы геолог Кононова». Позвонил по телефону в Полуночное и узнал подробности.

Лариса Ивановна Кононова работала старшим геологом Сосьвинской партии, а после сдачи отчета и расформирования партии дала согласие работать у нас. Геолог опытный, умный, но по специальности угольщик. Марганец для нее — дело новое.

К приходу поезда мы опоздали. Лариса Ивановна стояла на перроне одна-одинешенька, грустно озираясь по сторонам. Узнали мы ее по горке чемоданов, по кожанке, в которую она была одета, и по форменному берету. Подошли, поздоровались, извинились. Пожимая наши руки, Лариса Ивановна иронически улыбнулась и заметила:

— Что уж тут обижаться, ведь геологи всегда куда-то спешат, всегда ищут, но не всегда находят. Наоборот, я бы удивилась, если бы меня вовремя встретили. — Увидев наши потускневшие лица, она великодушно добавила: — Ладно, для начала прощаю.

Я смотрел на худенькую, тонкую, как былинка, геологиню, и горькие мысли сами собой родились в голове: «Ну и предложила Софа мне кадру! Разве пошлешь ее в тайгу, в нашу грязь? На любой тропинке ветром сдует — и не разыщешь. За какие же это грехи нашей партии так не повезло?»

Однако я ошибся, и тем приятнее было мое разочарование. Геологиня оказалась выносливая, сильная духом, умная, обаятельная женщина.

Года три спустя нам вдвоем потребовалось срочно вернуться в Серов с далекого Сосьвинского профиля. По болотной дороге, то и дело увязая в ней, мы прошли за световой день семьдесят километров. На железнодорожной станции на нас все оглядывались, ибо вид у нас был как у загнанных лошадей, но к поезду мы успели! Лариса Ивановна всю дорогу шла наравне со мной.

Кононова сразу по прибытии наладила работу коллекторов, организовала обработку материалов. Появились стопки журналов, раз-

резы на миллиметровке, ватмане. Словом, сразу запахло устоявшейся геологоразведочной службой.

Лариса Ивановна — большой книголюб. В ее обители, как она называла свою комнату, появилось много книг на любой вкус. Часто она устраивала у себя вечерние чаепития. Хлебосольство было еще одной чертой ее характера.

Не знаю, как другие геологи, но уральские всегда отличались большим гостеприимством. Да и то сказать, приезжает кто-либо из управления или Москвы в таежную партию — и сразу становится здесь дорогим гостем: сколько привезет он с собой новостей по геологии, от знакомых по службе! А гостиниц в тайге нет, самые благоустроенные и обширные дома у начальника да геолога. Вот к ним и льнут на огонек приезжие. У геологов это уже устоявшаяся традиция.

7

К осени стало ясно, что все задачи, которые изложены в проекте, будут выполнены к Октябрьским праздникам. У партии не оказывалось работы на зиму и следующий год. Надо было составлять еще один проект и выходить с поисками на новые площади. Задачу, на которую по проекту отводилось два года, мы практически выполнили за полгода. А скорее всего автор проекта не вдумался глубоко в содержание геологических работ и сроки их выполнения.

Мы доказали, что марганцевая руда есть около Серова и даже под городом. Само собой напрашивалось желание выяснить связь между месторождениями Ивделя, Марсят и Серова и далеко ли распространяется руда на восток от Серова.

Но одно дело — выяснить наличие марганца вблизи Серова, другое — выходить на широкие поиски в заболоченные места, где полностью отсутствуют дороги. Ведь нашу партию организовали, а транспортной техникой не подкрепили совершенно, у нас по-прежнему не было ни одной грузовой машины, ни одного трактора. Лошади не в счет, можно ли на них выполнять тяжелые работы в радиусе пятидесяти—ста километров?

Вот с такими заботами и выехали мы с Ларисой Ивановной в Ивдель. Кононова должна была убедить начальство в необходимости продолжения поисковых работ, а я, если удастся миссия геологическая, просить под эти работы технику.

В экспедиции наше предложение приняли без особых возражений. Связались с управлением — оно тоже не возражало. Тогда все разговоры перешли в русло практических решений. В экспедиции хорошо понимали, что невозможно вытолкать партию на такие работы, не подкрепив ее необходимой техникой.

Пригласив к себе в кабинет главного инженера и механиков, Бабушкин сообщил им свое решение о начале широких поисковых работ партии. Зачитал мою заявку на оборудование и попросил высказать свое мнение о возможной помощи партии. Главный механик взволнованно вскочил и почти выкрикнул:

— Николай Демидович, у меня ни-че-го нет! Ни одной машины и ни одного трактора.

— А что обещает управление до конца года? — спросил Бабушкин.

— Мы получили уже все фонды 1951 года, — встрял в разговор главный инженер.

— Худо! — подытожил Бабушкин, повернулся в мою сторону и развел руками. — Худо! А помочь все-таки надо.

После долгих раздумий предложили выделить для нас две старые автомашины ГАЗ-63, договориться в Серове о капитальном ремонте этих машин и таким образом решить вопрос с транспортом. На трактор, сказали, можно надеяться только в новом году. С тем мы и уехали.

8

Незадолго до нашей поездки в Ивдель в партию прибыли с Вишеры еще две бригады буровиков во главе со знаменитым на все управление мастером А. М. Спициным. На Вишере существовали две железорудные партии. Работали они в тяжелейших условиях, в отрыве от населенных пунктов, дорог. Люди там были фанатически

преданные геологии, прошедшие, как говорится, и огонь и воду. К тяжелым условиям вишерского быта присоединялись и очень сложные геологические разрезы. Все освоили буровики этих партий. При проходке скважины в тех сложных условиях Спицин был профессором своего дела.

Одной из партий командовал Ниберидзе. Редкое явление. Грузин — и на Урале. Рабочие за глаза звали его Ниберидзе-Недавадзе. И это, я думаю, было очень меткое прозвище. Будучи отрезанным от всего света почти круглый год, Ниберидзе очень дорожил тем имуществом, которое у него было на складах. И на все заявки буровиков, особенно если они с большим запросом, строго басил с грузинским акцентом:

— Нэ дуры! Нэ дам!

Вот и Недавадзе!

Архип Максимович Спицин не знал новых станков, не умел и не хотел работать на них.

— Я привык к станку КА-2М-300 нефтянкой. — Он звал ее пукалкой. — Большим глубинам, сложному разрезу.

После возвращения из экспедиции нам стало ясно, что для востока, где глубины будут до трехсот, а то и больше метров, скоростной станок не подойдет, не возьмет он такую глубину. Тут-то и пригодились бригады А. Спицина и его опыт работы на старых станках, которые мы тут же и заявили на обе бригады. Но прежде чем двигаться на восток, нам предложено было разбурить площадь за рекой Каквой, где настраивался на работу А. Спицин, и на севере, у двух деревень Еловок, что в сторону Марсят. Туда переехали бригады А. Штребеля.

Задачи перед геологами стояли огромные, и решать их приходилось тоже с огромным напряжением сил, не считаясь со временем, бытом.

В районе Еловок нам предстояло разбурить четыре профиля. В геологическом задании говорилось, что мы должны оконтурить Кольский серпентинитовый массив с востока и установить связь марганцевых руд Серова с такими же рудами в Марсятах. Промежуток между ними составлял пятьдесят—восемьдесят километров. За-

дача не из легких, ибо в сторону Марсят грунтовая малопроезжая дорога идет только до Первой Еловки, где находился небольшой курорт «Елово». А дальше сплошное Андриановичское болото, через которое проходила железная дорога на Ивдель. На восток, за железную дорогу, тоже выбраться невозможно из-за сплошной заболоченности.

Итак, станки ЗИВ-150 и дизеля стрекотали теперь около Еловок.

Наконец у нас появилась автомашинка ГАЗ-63! Тот самый завод, который помог нам когда-то забраться на первый профиль, теперь еще помог и отремонтировать грузовую машину. И вот, торжественно посадив Ларису Ивановну в кабину, мы отправились на грузовике в Еловку. За рулем сидел недавно принятый шофер Аркадий Хабибуллин, забубенная голова, любитель спиртного. Промаявшись два месяца с ремонтом и сделав машину «почти как новую», сейчас Аркадий важно восседал за рулем.

В начале пятидесятых годов в Северной экспедиции ни к одной партии не было хороших дорог, кроме зимников. Высокопроходимые машины только-только появлялись, и было их тогда очень мало.

Вот и на Еловку дорога такая, что второй раз ехать по ней не захочешь. Но Аркадий, на удивление жителям деревни и нашим буровикам, лихо выскочил из лесу и затормозил около дома, где поселился Виктор Пряхин. Мы привезли солярку, трубы, коронки; и буровики, обступив нас, громко радовались появлению машины и привезенному грузу. Больше всех восхищался Пряхин, который был здесь в роли начальника отряда.

— Сколько раз пришлось бы мне лошадей гнать в Серов! — воскликнул он. — А тут р-раз — и столько груза!

Это рядовой случай. Приходилось работать и в более сложных условиях. И, преодолевая трудности, геологоразведчики Урала с честью выполняли поставленные перед ними задачи.

Еловская кампания кончилась весной 1952 года. К этому времени мы забрались на Вторую Еловку и даже значительно севернее. Ни на одном из профилей не оказалось руды. А жаль. Вот было бы здорово, если бы пласт марганца протянулся от Серова до самого Ивделя!

Некоторые скважины по недосмотру коллекторов буровики прошли глубже, чем полагалось, и на многие метры врезались в коренную породу, серпентинит. Зная, что в корах выветривания серпентинитов может происходить скопление железа, редких металлов, мы отобрали несколько проб и проанализировали их. К нашей радости, многие пробы оказались с высоким содержанием таких элементов. Пятнадцатью годами позже Лариса Ивановна Кононова проведет в этих местах разведку одного из интереснейших на Урале месторождений. Так, попутно, геологам удастся открывать многие месторождения.

Одновременно шло бурение и на другом участке, за рекой Каквой. Решено было проследить, распространяются ли на юг, за реку, марганцевые руды, которые мы подсекли по левому берегу Каквы, на Мякоткинском участке.

Зимой, по скованной морозами земле, буровые вышки легко перебирались от одной точки к другой, но по весне весь участок стоял в воде, и попасть на буровую можно было, только прыгая с кочки на кочку. Вдобавок ко всему почти каждая скважина фонтанировала. Все грузы, даже копер, переносили на руках — лошади не лезли в торфяную жижу. Такого тяжелого по бездорожью, по трудности освоения участка я больше никогда не видел. К сожалению, участок оказался бесперспективным.

Стало ясно, что надо двигаться на восток, за город, в сторону реки Сосьвы. По нашим предположениям, там была в третичный период самая подходящая обстановка для образования руды.

9

Трудно было уходить сразу далеко от города, от строящейся базы в Мякоткино. К этому времени на базе были построены мехмастерская, небольшой гараж, конюшня, контора и два дома, куда перебрались буровики партии.

Помню, с какими трудностями давались нам эти дома. Ведь строить никто из нас не умел. Все делалось элементарно: я разбивал шагами контуры будущего дома, затем мякоткинские плотники под-

нимали сруб, настилали потолок, ставили крышу. И мы, не дожидаясь печки и других доделок, заселяли здание.

Сначала нашей конторой была конюховка. И хотя там было архитектурно, но, ей-богу, лучше, чем на частной квартире. А с какой радостью получали мы свой первый токарный станок! Поставив его на бетонный фундамент, мы тут же, даже без подключения к электролинии, решили проточить на станке вкладыши для забарахлившего дизеля. По очереди буровики крутили станок за самодельную рукоятку, а старший мастер Чуркин, дрожа от возбуждения, водил резцом по медленно вращающемуся вкладышу. И хотя получалось не очень гладко, но все были в восторге от происходящего, весело подбадривали Чуркина:

— Ничего, подшабришь — и в самый раз пойдет!

К сожалению, на этой базе мы прожили всего года полтора. С каждым днем, с каждой пробуренной скважиной становилось яснее и яснее, что база выбрана неудачно, что марганец потянулся на восток и надо быстрее искать место для новой базы там, куда уходила руда. Так появилась на нашем пути деревня Филькино.

Не просто оказалось получить место под застройку базы и поселка геологов. Лишь после долгих проволочек выделили нам участок земли на окраине деревни, у кромки болота. Мы построили контору и несколько жилых домиков. А так как у нас был уже некоторый опыт, то строили теперь лучше, красивее, а главное — быстрее.

Со временем здесь получился неплохой поселочек геологов. Но тогда все это было еще впереди, а пока квартирный вопрос решили по-мякоткински. Для геологов тех времен это весьма привычный способ разрешения жилищной проблемы. Кто-либо из представителей партии отправлялся в поселок, обходил дома и заключал договор с хозяевами. Пока только Ларису Ивановну Кононову поселили в новом домике, напротив конторы. Моя квартира была в Серове, в больничном городке, вернее, это была квартира, выделенная врачу Т. Н. Козубовской.

Несколько позже поставили в ряд с четырехквартирным домом один из срубов буровой, отслужившей свой срок, и соорудили небольшую квартирку для еще одного «легендарного» сотрудника пар-

тии — конюха Моти. Это она вместе с завхозом Ногавициным перегнала лошадей через Урал. Моте около пятидесяти. Невзрачная на вид, но закаленная, живая и бойкая на язык, она была у нас незаменимым конюхом. У нее дочь лет двенадцати и муж, забойщик Матвеев. Он моложе ее, любил выпить и часто бросал свою Мотю. Уходы мужа она переносила с философским спокойствием, будучи уверенной, что через некоторое время Матвеев все равно вернется. Но на всякий случай принимала «меры». Как-то по делу я зашел к Моте домой. Она сидела у печки и вязала чулок. На стене постукивали ходики. Я не обратил бы на них внимания, если бы не маятник. Он оказался шире и какой-то необычной расцветки. Подошел ближе — на маятнике качается фотография забойщика Матвеева. Тетя Мотя взглянула на меня и хитро улыбнулась. Показав рукой на маятник, она сказала:

— Помается, все равно ко мне прискачет. — И пригрозила пальцем: — Майся, майся, окоянный!

10

На вторую половину 1952 года падает самый тяжелый период существования Серовской партии. Буровые вышки мы расположили на полпути между Серовым и поселком Кола. Участок назвали Колинским. Он имел свои преимущества и свои недостатки. Здесь были глубокие скважины, что избавляло нас от частых переездов. Место сухое, и даже не верилось, что можно запросто добираться к вышкам, не рискуя провалиться по пояс в болото.

Плохое тоже началось сразу, буквально с первой скважины. В пласте опоки, которая подстилала диатомиты, прихватило буровой снаряд. Опока оказалась трещиноватой, вода в скважине не держалась, и скважину заваливало. Буровики привыкли к легкому разрезу. А здесь мы не могли пройти ни одной скважины без аварий. Все бригады, даже А. Штребеля и А. Спицина, накрепко засели в «проклятой опоке».

Пробриться через нее без аварий стало мечтой всех буровиков, особенно старших мастеров, геологов и моей, как руководителя.

Начались поиски новой технологии бурения, освоения разреза. Мы срывали план, срывали капитально. Это было непривычно ни нам, ни нашему начальству. Еще бы! В 1951 году мы быстро организовались и уже через месяц передали первую сводку в экспедицию. А в сентябре завершили годовой план бурения, и по этому поводу устроили в конторе встречу «Нового года». Мы даже приглашали на праздник замполита из экспедиции.

А вот план 1952 года оказался под угрозой срыва. Особенно переживал Архип Максимович Спицин, который слыл мастером борьбы с авариями, асом бурения. Но теперь и его бригада не вылезала из аварий. Спицин не уходил с буровой, день и ночь сидел у станка, следил за каждым жестом мастера, колдовал над буровым снарядами, коронками. Он почернел, похудел, стал неразговорчивым, избегал встреч со мною (ведь когда-то сам просил у меня сложных глубоких разрезов!). Наконец он раздобыл глиномешалку и взялся готовить глинистый раствор.

Как сейчас, помню морозный февральский день 1953 года. Солнце заглядывает прямо в окна моего кабинета. Зашел Архип Максимович. Веселый, взбудораженный. Бросил варежки на стул и, вытянувшись во весь свой двухметровый рост, как солдат, доложил:

— Товарищ начальник, проскочил опоку одним махом! Уже обсадился и иду по аргиллитам! — Он задумался на мгновение, будто сомневаясь и взвешивая сказанное, и добавил: — За одну смену прошел ее, проклятую!

Я вскочил из-за стола, обнял Спицина, крепко пожав ему пропитанные мазутом и нефтью руки. Прошел опоку! Да ведь это все равно, что на войне взять господствующую над местностью высоту... Под опокон залегал мощный пласт аргиллитовых глин, которые легко бурить, а главное — стенки скважины в плотных аргиллитах держатся хорошо. Проходка опоки снимала основную проблему в бурении, в разведке месторождения.

— Знаете, как я ее взял? Думаете, глиной? Не-ет! — радостно закачал головой Спицин. Его голубые глаза задорно блестели. — Вы ведь знаете, что диатомит бурится легко. Так вот, мы прошли его без подъема. Керн размолоти весь, он остался в скважине, и такой гу-

стой раствор получился — прямо кисель. Потом без подъема, на одном дыхании, пробурили опоку и врезались в аргиллиты. Там и обсадились. А дальше пошло. Главное — перехитрить скважину, не дать ей опомниться. Раствор из диатомита чудесный, но долго не держит, надо спешить. Но теперь — наша взяла!

Спицин возбужденно зашагал по маленькому кабинету, довольный тем, что покорил сложный разрез. Оказывается, таким способом он пробурил уже две скважины.

— Теперь за неделю буду проходить скважину. А то маялся целый месяц.

— А как с керном? — спросил я. — Что Лариса Ивановна?

— Пойду к ней, обрадую. Не может быть, чтоб не согласилась.

Ведь дело-то общее.

Геологи согласились. Им и вправду не нужен был керн с верхней части разреза. Опыт Архипа Спицина следовало передать и другим мастерам, чтобы и они попробовали бурить по-спицински. Мы устроили семинар, и Спицин так же возбужденно рассказывал, как надо бурить по его методу. «Секрет» Максимыча пришелся по душе всем мастерам, и вскоре все буровые бригады проскакивали опоку без происшествий. Выполнение февральского и мартовского планов круто поползло вверх, партия уверено «выходила в люди».

11

Успешное освоение сложного разреза бригадой А. Спицина и другими буровиками партии имело свой логический конец. Постепенно набирая темпы, Архип Максимович подбирался к заданию месячной проходки на бригаду: шестьсот—семьсот метров. Спицин ходил именинником и грозился поставить тысячеметровый рекорд. Но перед его честолюбивыми планами появилось новое препятствие — нам предложили перешагнуть через реку Сосьву и пробурить длинный широтный профиль в сторону реки Лозьвы. Попутно нас обязали проверить знаменитую Ликинскую магнитную аномалию. Небольшая по напряженности поля, но намагниченная... отрицательно, аномалия была загадкой для геологов и геофизиков. Эта ра-

бота давалась на зиму. А пока Спицин шлифовал свой метод, который назвал «бурение на форсированном режиме». И в самом деле, требовалось пробурить скважину глубиной триста метров по сложному литологическому разрезу без малейшей передышки. И Спицин постепенно, но упорно обрабатывал такой режим.

Само бурение шло в невиданном ранее в партии темпе. В смену проходили двадцать—тридцать метров, а к лету мастер из бригады Спицина Агафонов довел сменную уходку до шестидесяти метров! Это был рекорд министерства.

Еще при работе на Колинском участке Спицин твердо усвоил, что если скважина простоит одну-две смены, то стенки начнут валиться и уже никакой глинистый раствор их не удержит. Это, главным образом, касалось опоки и песков. Поэтому все бурение проводилось по принципу «быстрее, быстрее». Это и был истинно форсированный, то есть силовой, режим.

После окончания очередной скважины Спицин собирал всю бригаду и занимался тщательнейшей профилактикой станка, двигателя, насоса и бурового снаряда. Архип Максимович лично разбирал станок, двигатель до последнего болтика перетирал, если надо заменял, и вновь собирал агрегаты в полной уверенности, что за время бурения следующей скважины ни станок, ни двигатель его не подведут. Так оно и было. То же самое — со временем. Раньше во всех бригадах за час до смены буровой снаряд был уже наверху, и мастер спокойно ждал смены. Теперь работа строилась так, чтобы буровая не стояла ни часу. Очередная смена подходила и принимала снаряд в любом положении — наверху ли, на забое.

У буровиков Спицина резко подскочили заработки. Младшие рабочие получали больше, чем буровые мастера на других вышках. Это тоже дисциплинировало людей, и Архип Максимович не знал, что такое прогулы.

В апреле Спицин набурил девятьсот восемьдесят метров, в мае — девятьсот пятьдесят, в июне — тысячу! На полугодовом совещании в экспедиции он заявил, что его бригада в третьем квартале набурит по тысяче двести метров ежемесячно. Это вызвало недоуме-

рие у присутствующих, особенно у главного инженера Я. М. Минченкова, который вел совещание.

По результатам работы за второй квартал 1953 года спицинской бригаде присудили переходящее знамя Министерства геологии СССР. Знамя привез и вручил прямо на буровой секретарь ЦК профсоюза. Он сообщил, что это знамя, прежде чем попасть к Спицину, проделало огромный путь — с Алтая на Урал.

Министерство геологии приняло решение изучить опыт работы бригады А. М. Спицина и издать брошюру. Так наш бригадир, освоив новый для него тип разреза, новую методику бурения, еще раз доказал, что он непревзойденный мастер бурения. Хочется рассказать один случай, который характеризует необыкновенную находчивость Архипа Спицина.

После того, как бригада завоевала знамя министерства и ЦК профсоюза, за работой Спицина стали следить и экспедиция, и управление. Желание было естественное — не дать знамени уйти из бригады, а значит, из экспедиции, управления. Каждую неделю Н. Д. Бабушкин интересовался, как работает бригада, и я по телефону или рации докладывал ему об успехах.

Но однажды летом от Спицина пришла вдруг радиограмма SOS — «Вышла из строя лебедка станка! Требуется замена!» Беда очень серьезная. Во-первых, станок так скоро не отремонтируешь, потому что новой лебедки в партии не было. Во-вторых, скважина бурилась в песках, и остановка грозила неминуемой аварией, на ликвидацию которой потребуется много времени, а значит, обязательство будет сорвано. Беда усугублялась еще и тем, что от Ивделя до участка работ лебедку можно было доставить не быстрее чем за три дня.

Лебедку погрузили в поезд Ивдель—Серов и на другой день доставили в партию. Далее ее надо было переправить за Сосьву, а от туда по болотной дороге вьюком — на буровую, которая находилась в семидесяти километрах от Сосьвы. С лебедкой поехал я, заодно прихватив зарплату для буровиков.

Каково же было наше удивление, когда, подъехав к буровой Спицина, мы услышали, что она работает. Да-да, работает! Спокой-

но пыхтел нефтедвигатель, смена вела подъем снаряда. Обстановка была совершенно мирная, не авральная.

Увидев нас с лебедкой, мастер Смирнов очень обрадовался и крикнул рабочим, чтобы те сняли лебедку с лошади.

Слишком тяжело эта лебедка добиралась до буровой, и я, взбеженный почти до предела, прошипел мастеру на ухо:

— Арсен, что это значит? Сообщили радиogramмой, что стоите, а сами бурите?

Смирнов обиженно передернул плечами, насупился и, не говоря ни слова, подвел меня к станку, показал рукой в сторону лебедки. Я разинул рот... Вместо барабана крутился березовый чурбан, в который трос въелся на несколько ниток.

Видя мою растерянность, он сразу смягчился и миролюбиво стал комментировать:

— Еще немножко — и чурбан бы не выдержал. В самый раз приехали.

Ай да Спицин, ай да Максимыч! Он догадался вырубить чурбан, вмонтировать его вместо треснувшего чугунного вала лебедки и не остановил скважину. Хотя чуть медленнее, но ее бурили и уже кончают. И риск, и догадка, и чувство ответственности!

12

В марте 1953 года было ликвидировано Министерство геологии СССР и создан общесоюзный геологический главк. Его начальником назначили С. В. Горюнова.

Сергей Васильевич — опытный руководитель. До своего назначения в Уральское управление он уже однажды возглавлял геологическую службу страны в роли председателя комитета.

Примерно в то же время в Москве проводились курсы повышения квалификации геологов — руководителей среднего звена. На этих курсах учился и Н. Д. Бабушкин.

Месяца через два после этих событий Н. Д. Бабушкина вызвали к С. В. Горюнову. Речь шла о назначении Н. Д. Бабушкина на должность начальника Уральского геологического управления.

Для Николая Демидовича этот разговор был совершенно неожиданным. Он не прочил себя кандидатом на такой высокий пост, хотя и знал, что место вакантное. В Свердловске и без него достаточно опытных и признанных геологических деятелей. Но выбор пал на него. По всей видимости, вопрос ставился так, что к руководству надо привлечь молодых, энергичных людей, знающих дело и желающих работать с полной отдачей. А начальник Северной экспедиции Н. Д. Бабушкин был именно таким человеком.

— Понимаешь, — рассказывал Николай Демидович после возвращения из Москвы, остановившись у меня дома в ожидании Ивдельского поезда, — Горюнов-то меня знал хорошо и дипломатию особенно не разводил. Я отказывался, как мог, но Сергей Васильевич неторопливо постучал рукой по столу и оборвал мой монолог: «Николай Демидович, вопрос о вашем назначении обговорен на коллегии, согласован со Свердловским обкомом КПСС, в ЦК партии. Так что вам надо просто подчиниться дисциплине. побыстрее кончайте курсы, получайте назначение и езжайте на Урал».

Я был откровенно рад высокому назначению Бабушкина. Шагнуть с должности начальника экспедиции на управление, тем более Уральское, — не каждому дано. Я был уверен за своего старшего товарища.

13

1954 год. Сосьвинский профиль. Сколько он стоил пота, сколько волнений, переживаний связано с его бурением!

Бригада старшего мастера Чуркина шла от Сосьвы по болотной дороге на восток. Через двадцать километров восточнее его стояла бригада А. Спицина. Она тоже двигалась на восток. Чуркин как бы догонял Спицина. На самом краю профиля, через сорок километров от Спицина, на Ликинской аномалии расположилась бригада Трясцина.

За весенне-летний период, во всяком случае до снежных заносов, предстояло пробурить еще около тридцати скважин. Главная цель — узнать, как далеко на восток распространяются марганцевые руды.

Попутно — изучить глубину залегания погруженного Урала, узнать, какими породами он представлен.

Такой длинный профиль, да еще расположенный в заболоченной местности, — серьезная трудность для освоения. С давних пор здесь проходила зыбкая, выложенная хворостом дорога, на которой мы и разместились. Уклоняться от трассы было рискованно. Мы неоднократно в этом убеждались, когда снег стаял. Несколько раз случилось, что едва не утонула лошадь, гибло чуть сдвинутое с дороги оборудование.

Так вот на этой, как мы ее прозвали, «дороге смерти» стоял наш уважаемый Архип Спицин, который взялся делать рекордные уходы. Попробуй его обеспечить так, чтобы не сорвать доброе дело.

После получения знамени ЦК профсоюза Спицин в июле пробурил 1187 метров, а в августе — 1210 метров. Такие результаты были уже на пределе возможности техники того времени и, мне думается, даже за пределами возможности. Спицин выжимал из станка, из двигателя все, на что они способны. При этом его буровые мастера работали как бы играючи. Просто любо-дорого было смотреть, как одна за другой штанги исчезали в недрах земли, как легко осуществлялся подъем снаряда и керна, за которым, собственно, и шла охота, как быстро росла горка ящиков, наполненных керном. Во время смены буровик и два его помощника практически не разговаривали между собой, настолько каждый из них знал свое дело, настолько отлажены были их приемы, движения. Буровой мастер сосредоточенно давил на рычаг, одновременно как бы прислушиваясь к тому, что творится на забое, рабочие возились, с двигателем, с оборудованием. Во время подъема — самой ответственной операции — младшая рабочая взбиралась белкой на полати копра, а старший рабочий размеренными, рассчитанными до секунды движениями развинчивал снаряд и отводил его в сторону.

Их работа была, наверное, идеальной по тому времени.

Архип Максимович, спокойный, уравновешенный, полный внутренней убежденности и достоинства, внимательно проверял на перемене агрегат, снаряд. За третий квартал Спицин все-таки набурил три тысячи шестьсот метров, и, насколько я знаю, его рекорд для

такого типа станков не был перекрыт в последующие годы. Брошюру о его замечательном трудовом подвиге Министерство геологии СССР выпустило и сохранило за бригадой переходящее Красное знамя.

Пробуренный профиль от реки Сосьвы до Шалашинских поднятий показал, что древний фундамент, постепенно погружаясь на восток, в районе бывшей деревни Шалашинка резко вздымался вверх. Породы палеозоя здесь встретились на глубине всего семьдесят пять метров, в то время как восточнее и западнее они лежали на глубине триста метров.

На удивление геологам, марганцевая руда встречалась по профилю несколько раз в виде полос шириною четыреста—шестьсот метров. Так далеко от Серова геологи руду не ожидали. Это заставляло чуть по-другому взглянуть на происхождение руд и давало повод думать, что в районе Ивделя руду можно искать гораздо восточнее, а значит, возрастали перспективы увеличения запасов по всему Северному Уралу.

На Ликино мастер Трясцин добирался до загадочной отрицательной аномалии. Бурение этой скважины давалось тяжело. Проектная глубина — пятьсот метров. Здесь стоял мощный станок и четырехногий копер.

Все с нетерпением ожидали, какую породу подымет с глубины Трясцин. Предполагалось, что она будет какая-то необычная, ибо ни геологи, ни геофизики не знали, с чем связано отрицательное намагничивание.

Вдруг от Трясцина пришла радиограмма: «На глубине 282 метра встретил коренные». Вместе с Ларисой Ивановной Кононовой мы отправились в сторону Ликино. Лошади с трудом пробирались по «дороге смерти», все время всхрапывая и шараясь, даже шерсть торчком стояла, так они были взвинчены.

Трясцин встретил нас восторженно. Еще бы, вместо предполагаемых пятисот метров добраться до искомым пород в два раза быстрее!

Порода оказалась неказистая: темно-зеленый амфиболит с редкими зернами магнетита. Да-а. А мы-то ждали второго Кривого Рога или хотя бы гору Благодать.

14

На западе Серовского района, почти у самых Уральских гор, происходили события, имеющие уже непосредственное отношение к железорудной проблеме Серовского завода.

Еще в 1952 году, при проведении поисковых работ на марганец, шагая на запад от Колинского массива, мы забрались в так называемую Замарайскую депрессию. Здесь вместо марганца мы неожиданно встретили мощный пласт железных руд. То плотные, то охристые желтые столбики керна заполняли многочисленные ячейки ящиков. Трехкилометровый Замарайский профиль весь оказался рудным.

Но тогда нашей главной заботой был марганец, и железные руды мы отложили на потом. Это «потом» пришло в 1954 году.

Теплым весенним днем я отправился с визитом к С. В. Нагорному, главному инженеру Серовского завода. В портфеле у меня лежали геологические разрезы и образцы всех видов руд, добытых из скважин, а также анализы. Они, кстати, отменные: железа больше сорока процентов, есть никель, кобальт и хром. Вот последнее и не понравилось Нагорному.

— То, что вы обнаружили так много руды у нас под боком, это здорово, — сказал без воодушевления главный инженер. — Но вот хром — все дело портит. Орский комбинат уже работает на подобной руде и хромает на обе ноги. Чугун из хромистых руд получается очень дорогой. Эти руды тугоплавкие, а значит, повышенный расход кокса. Он-то и утяжеляет так стоимость металла. Но, — инженер поднял палец вверх, посмотрев на меня серьезно, и продолжил: — Но мы так намаялись от бесконечных поисков сырья, так надоело шихтовать руду из полутора десятков рудников, надоело нищенствовать, что, пожалуй, согласились бы перейти на какой-то один тип, даже такой хромистой, как эта. А руда красивая! — Он подержал в руке тяжелый кусок керна, даже понюхал его и со вздохом положил

на стол: — Эх, была бы у нас хорошая руда, да вдоволь, мы бы чудеса творили. Знаешь, какие кадры у нас? — Глаза Нагорного затеплились лаской, морщинки вокруг глаз разбежались, исчезли.

Из огромных окон его кабинета завод просматривался как на ладони. По железнодорожным путям заводская «овечка» деловито тащила куда-то дымящийся шлак, чуть дальше маячили выстроенные в ряд, окутанные паром и дымом, доменные печи — гордость завода. Грохот и скрежет металла настойчиво пробивался в кабинет главного инженера. Высокое здание заводоуправления почему-то все время вздрагивало.

Главный инженер продолжал говорить с надрывом:

— Сколько лет мы держим союзные рекорды по использованию доменных печей. Эх, руда, руда! Любое мероприятие у нас оговаривается: «Если будет руда». Надоело оглядываться назад, мы же в Советской стране живем. Пора уже что-нибудь придумать. Пойдем к ученым, не помогут — сами возьмемся.

Тогда же Нагорный предложил собрать в Серове совещание геологов, металлургов, ученых по перспективам обеспечения завода железной рудой.

15

Геологическое управление поддержало идею С. В. Нагорного с радостью. Оно обменялось письмами с заводом, свердловским институтом «Механобр», академическим геологическим институтом, «Уралрудой». Нужда в таком совете была столь очевидна, что решили, не откладывая в долгий ящик, провести совещание осенью того же года.

Северной экспедиции дано было задание подготовить серию докладов, а нашей Серовской партии поручили всю организационную сторону совещания и, конечно, доклады по замарайским рудам.

Дней за десять до совещания к нам в партию опять приехал из управления начальник отдела черных металлов К. Е. Кожевников. Он считался одним из виднейших специалистов Урала по железным рудам. Геологическую карьеру К. Е. Кожевников начинал с Вишеры.

На одном из ее притоков — Кутиме — он разведывал месторождение руд, уникальных по содержанию железа. Во время Великой Отечественной войны именно ему поручали работы по разведке марганцевых руд в Ивдельском районе, и за успешное решение этой важной для страны проблемы он вместе с буровиком Павлом Глинским и еще двумя геологами был в 1946 году удостоен звания лауреата Государственной премии. Они стали лауреатами этой премии первыми среди уральских геологов.

Собравшимся в камералке партии геологам Константин Ерофеевич сказал, что замарайские руды — это только повод для совещания, затравка для большого разговора о железорудной проблеме Северного Урала. Серовскому заводу нужны сегодня, завтра магнетитовые руды. Замарайка — это будущее другого завода. А металлургам надо рассказать, как мы, геологи Урала, решаем проблему обеспечения рудой Серовского завода, на что можно и нужно ориентироваться заводу в перспективе.

Совещание собралось в заводском Доме культуры. Огромный зал переполнен. Проблема железа волновала не только металлургов, заводчан, но и, как я уже говорил, весь город.

Открыл совещание первый секретарь горкома КПСС С. А. Заложнев. Он поблагодарил геологов, ученых за оказанное внимание к нуждам серовцев, пожелал плодотворной работы.

Обзорный доклад по геологии Урала, открытиям последних лет сделал главный геолог управления П. И. Аладинский. Очень медленно, монотонным голосом, но умно и лаконично он рассказал, чем занимаются уральские геологи, какие проблемы решают.

По железным рудам с большим докладом выступил К. Е. Кожевников.

Руководители уральской геологической службы весьма откровенно поведали о том, как решается проблема обеспечения железной рудой заводов Урала, какие сложности, узкие места приходится преодолевать. Что они знают серовскую проблему и стараются ее решить положительно. Что для изучения геологии и перспектив севера Свердловской области создана Северная экспедиция, партиям кото-

рой поручено решать одну из важнейших задач — обеспечение рудой Серовского завода.

— У нас большущая претензия к геологам, — заявил в своем докладе главный инженер завода С. В. Нагорный. — Нас не устраивают темпы и сроки, которые предполагают геологи. Завод все время лихорадит отсутствие постоянной рудной базы.

Он рассказал, как приходится работать металлургам, что руду завозят даже с Кривого Рога! И спросил:

— Разве у нас нет руды на Урале, товарищи геологи?

Пожалуй, впервые после войны так остро и принципиально ставился вопрос о сырьевой базе.

— Нас заинтересовали замарайские руды, — продолжал С. В. Нагорный. — Мы знаем их состав, знаем, как тяжело будет их перерабатывать. Нас прельщают большие запасы этих руд, их неглубокое залегание. Мы согласны их брать, согласны переделать технологию завода, если геологи не предложат что-нибудь получше.

— Мы как раз и хотели предложить это «лучше», — заявил в своем докладе главный геолог Северной экспедиции Г. В. Голубков. Он рассказал, что за годы существования экспедиции открыто первое и второе Северные месторождения магнетитовых руд. Здесь уже подсчитаны запасы. Обнаружен еще ряд интересных аномалий, полным ходом идет разведка Баяновского месторождения к северо-западу от Серова.

Более подробно об открытых месторождениях доложили старшие геологи партий.

Доклады заводчанам понравились. Посыпалась уйма вопросов. Геологи развернули выставку образцов руд из месторождений. Около нее толпилось такое множество посетителей, что объясняющий даже охрип, отвечая на вопросы.

На другой день были заслушаны доклады Л. И. Кононовой о замарайских рудах и доклад С. Д. Рабинович о марганцевых рудах Северного Урала.

Совещание приняло решение об усилении разведочных работ на железные руды, о быстрой передаче месторождений промышленности, о широком развороте работ по замарайским рудам.

Партия занялась поисковыми работами на Замарайском участке. Туда перебросили две бригады — Штребеля и Чуркина. Разрез сложный, руды много, но она такая, что при бурении с водой размывалась полностью. Поэтому бригады сразу сели на аварии, прочно и надолго.

Но, как бы ни было тяжело осваивать разрез, все — и буровики, и геологи — испытывали истинное удовольствие, когда просматривали керн: десять, пятнадцать, восемнадцать метров руды. Ради таких мощностей, а значит, и больших запасов, можно было и помучиться.

А мучиться приходилось здорово. В то время на Замарайку дорога была прескверная. Шоферы между собой звали эту трассу «судорога». И вправду, пока доедешь до участка, так натрясет, что судорогами сводит не то что ноги, а все тело. По этой причине не просто было забросить для двух бригад оборудование, трубы, коронки, ящики для керна, да и питание. Поэтому буровики приспособливались кто как мог, особенно с пропитанием. Когда подоспела картошка — а буровики стояли около картофельного поля, — трехразовое бесплатное питание стало нормой, и директор местного совхоза уже не запрещал копать картошку, а лишь уговаривал, чтобы копали ее аккуратно.

Рядом с буровой Штребеля паслось стадо коров. Однажды, подъезжая к вышке, я застал такую картину: стоит буренка, привязанная вплотную рогами к треноге, сменный мастер усиленно дергает ее за соски, а корова и не шелохнется. На вопрос, почему они самоуправничают, Штребель, белозубо улыбаясь, пояснил:

— Не волнуйтесь, Александр Иванович, все в порядке. Нам разрешили доить трех коров. Мы их исправно кормим, они от буровых и не отходят, здесь и ночуют.

Тут я заметил: вымя и задние ноги коровы испачканы мазутом.

Летом 1956 года партии не выделили денег на поиски марганца. Что ж, все правильно. В настоящее время нет нужды в бедных уральских рудах. Они сыграли свою роль в тяжелую для Родины годину. Сейчас у страны есть лучшее сырье, оно обходится государству дешевле и в разведке, и в эксплуатации. Уральские руды — про запас. Это было понятно, этого все умные геологи ждали, ведь Никополь и Чиатуры давали чудесную руду во все возрастающих объемах.

Но пришло и другое распоряжение — прекратить работы на Замарайке. Написать отчет, а партию расформировать.

Тяжело расставаться с друзьями, товарищами по работе, ой как тяжело! Утешало только то, что в геологии всегда какие-то партии создаются, какие-то ликвидируются.

Мне и Л. И. Кононовой поручили написать отчет по Замарайке. Трудились мы над ним в поте лица все лето. И чем ближе подбирался к концу отчета, тем яснее нам становилось, что работы здесь нельзя прекращать ни в коем случае.

В сентябре мы защищали отчет у главного инженера М. И. Меркулова. Когда назвали цифру запасов по железу, Михаил Иванович непонимающе уставился на нас:

— Как же это мы разогнали партию, если здесь такие перспективы и столько работы?

А вот разогнали. Правда, ненадолго. В 1957 году за Замарайку взялись снова. Но работу поручили уже другой партии.

Меня в том же 1956 году перевели начальником Качканарской партии.

Часть 3

*Качканар —
это сложное*

1

Качканар. Это слово хорошо знакомо многим жителям нашей страны, но особенно близко геологам-уральцам. В пятидесятых годах началась разведка этого крупнейшего на Урале месторождения железных руд. Сложность разведки заключалась в том, что эти руды бедные — от 12 до 20 процентов железа, а рудное тело представляло из себя огромную гору Качканар, которую и надо было разбудить, оценить содержание, распределение руды, подсчитать запасы.

Не так просто убедить промышленность брать такое бедное месторождение и совсем не просто забираться на эту гору с буровой техникой и пробурить там сотни тысяч метров скважин.

Пригодность руд, рентабельность их обработки доказали исследователи из свердловского института «Механобр». Дело в том, что в породах качканарской горы главным рудным минералом был магнетит, который довольно хорошо извлекается методом магнитной сепарации.

По разработанной «Механобром» технологии получался богатый концентрат.

Так вот, успешной разведкой месторождения в недалеком прошлом и занималась та Качканарская партия, которую я ехал принимать. В настоящее время партия вела поиски и разведку медных руд и бокситов в районе Нижней Туры, но название оставила за собой

прежнее, как и ореол славы покорителей Качканара. Это я должен был с ходу учитывать, коль дал согласие работать начальником такой знаменитой партии.

Поселок геологов располагался на станции Выя, куда я приехал впервые. Погода выдалась дождливая. Под ногами грязь чавкала с присвистом, глубокие колеи расплзались во все стороны. С трудом добрался до конторы — невзрачного продолговатого здания, похожего скорее на сарай.

Начальник партии И. В. Александров, которого я должен был сменить, давно просил руководство управления о своей замене и не мог дождаться, когда она произойдет. Поэтому встретил меня Иннокентий Васильевич с радостью. Плотный, седеющий мужчина, энергичный, я бы добавил, категоричный, он сразу же расписал по графику мое вхождение в должность и начал его с... райкома партии.

— Давай поедем, представимся местному начальству, а уж потом займемся передачей дел, — сказал Александров к моему удивлению.

Он заказал машину, и мы отправились в путь.

К райцентру вела обычная уральская дорога, разбитая, вся в колдобинах, до краев заполненных водой.

Секретарь райкома принял нас сурово.

— Не надо нам никакого начальника партии, есть у нас Александров!

На все призывы он упрямо твердил свое:

— Мне не нужен новый начальник!

В конце концов я встал и довольно решительно сказал ему, что на Качканарскую партию не напрашивался и могу тут же уехать. Пусть вызывает Свердловск и выясняет обстановку с начальником управления Н. Д. Бабушкиным.

Я вышел из кабинета. Было горько на душе. Ведь, собираясь сюда, я ни на чье место не метил. Перед отъездом в разговоре с Николаем Демидовичем вопрос был предельно ясен: Александров 60 не тянет на должности, обострил отношения с коллективом, понял это, просит замены.

Теперь я соображал, отчего секретарь райкома занял такую позицию. По всей видимости, А. А. Мурдасову, начальнику Тагильской экспедиции, прежде чем меня послать в Качканар, следовало позвонить секретарю и обо всем с ним договориться. Этого не произошло.

Мой приезд, смена руководства были для секретаря райкома полной неожиданностью, он и среагировал на это нарушение требований в кадровом вопросе.

Немного поостыв и переговорив по телефону с нашим управлением, секретарь опять пригласил меня в кабинет. Выругав Александрова за то, что не информировал его о своих действиях, он повернулся ко мне и продолжал:

— Одна слава осталась от Качканарской партии. Работает плохо, месторождений не дает. А нам нужна медь, нам шахты нужны. Езжайте в партию, передавайте-принимайте и беритесь за дело, давайте руду.— Он хлопнул по столу ладонью и, встав, подал руку сначала мне, потом Александрову.

Всю обратную дорогу Иннокентий Васильевич никак не мог успокоиться, удивлялся такому приему и возмущался. Этот же эпизод для меня был большой наукой. Я понял, что геологическая служба является обычным предприятием и не имеет никакого особого статуса. А мы, геологи, привыкли работать, подчас даже не ставя в известность руководителей района или города о своем присутствии.

После обеда Александров собрал в кабинете аппарат партии и представил меня. Только одно знакомое лицо увидел я в кабинете — Э. Г. Кусмауля, геолога, который когда-то приезжал в Ивдельскую партию считать запасы. Теперь он был старшим геологом этой партии.

Наблюдая за аппаратом, мельком взглянув на хозяйство партии, узнав объемы работ, численность, я сразу понял, что Качканар — хозяйство более сложное и солидное, чем Серовская партия. Мне предстояло освоить незнакомую геологию района, новую технологию бурения, а главное — войти в деловой контакт с крупным коллективом трудящихся.

У качканарцев своя сложившаяся жизнь, свой ритм, свои обычаи и микрзаконы. Мне предстояло или соблюдать их, или ломать — по обстоятельствам.

Ознакомиться с делами партии я решил, начиная с геологии. Об этом и сказал сотрудникам, чем несказанно удивил И. В. Александрова.

— Потом до геологии доберешься, вникай в дела с хозяйства, с буровых!

2

На следующий день, прямо с утра, я отправился в новое брусчатое здание камералки. Старший геолог Э. Г. Кусмауль уже ждал меня. Когда разговорились, то оказалось, что жена Кусмауля, Валентина, моя однокашница по университету. Приятная неожиданность! Сам Готлибыч заочно кончил политехнический институт. Досталось ему это нелегко: пришлось наверстывать упущенное в военные годы. Седая шевелюра — тому свидетель.

С личного перешли на геологию.

Кусмауль был очень польщен, что знакомство с партией я начал именно с геологии.

Качканарская партия — комплексная и вела работы по двум направлениям: станки стояли на Калугинском месторождении меди и Мостовском бокситовом участке.

На развешенных картах, схемах, разрезах Эдуард Готлибович подробно, с немецкой педантичностью, рассказал мне сложную геологию образования медных руд и далеко не простую конъюнктуру с медью на Урале. Уже несколько лет партия ведет широкие поиски на медь в приводораздельной части восточного склона Урала, а на Кытлыме для этих целей существует даже свой геологосъемочный отряд.

Слушая Кусмауля, я поневоле сравнивал геологическое строение Серовского и Нижне-Туринского районов. Насколько же сложнее задачи качканарских геологов! Одно дело отстроить почти что под линейку пласт марганца в районе Серова или Марсят и совсем дру-

гое — отрисовать линзу медной руды, даже по пробуренным скважинам. А что говорить о проектных разрезах?

Коли честно признаться, то серовским геологам не составляло большого труда задать очередную вертикальную скважину глубиной метров сто—триста. У пласта марганцевой руды есть четко отбиваемые породы почвы и кровли. Они различные. Эта закономерность — всеобщая. Геологу, задающему последующую скважину, нужно учитывать только тенденцию погружения пластов.

Здесь, на Калугинском участке, все гораздо сложнее. Породы почвы и кровли, как правило, не различимы. Здесь их именуют просто вмещающими породами. Они, как мешок для рудной залежи, — со всех сторон одинаковы. Какие-то четкие закономерности улавливаются только тогда, когда геолог уже разведает месторождение.

Кусмауль заверяет, что ему иногда очень трудно понять, почему природа именно здесь, а не в другом, более логичном месте решила образовать рудную залежь; в каком месте рудное тело отвернет в сторону: на глубине или в верхней части. Порой очень нелегко рассчитать наклонную и еще сложнее направленную скважину, которая целится в проблематичную залежь.

Сложен труд геолога на разведке медных руд. Ему нужно быть и математиком, и физиком, и архитектором. И при всем том обладать фантазией, чувством пространственного мышления. Вот почему с утра до вечера горят огни в камералке. Там соратники Кусмауля колдуют над вязью линий и значков на картах и разрезах, которые он сейчас разложил передо мной.

С бокситами проще. Их залегание, как и марганцевых руд, укладывается в рамке логических построений. Правда, нахождение бокситов в этих краях для геологов оказалось неожиданным, и тем заманчивее было дать промышленную оценку обнаруженным залежам.

В геологическую сторону дела мне особенно вмешиваться не требовалось, ибо службу возглавлял такой опытный и ответственный старший геолог, как Э. Г. Кусмауль. Я должен был лишь хорошо вникнуть в геологию района и быть в курсе требований к нам со стороны управления и цветной металлургии. Совместно с Готлибычем мне надлежало вести геологический корабль правильным курсом.

Предстояло ближе познакомиться с техноруком партии, его хозяйствам. Анатолий Васильевич Панков сидел в окружении буровиков за длинным столом, заваленным чертежами. Сверху лежит длинная металлическая линейка и готовальня. Рядом — арифмометр.

По кабинету волнами ходил папиросный дым, настолько плотный, что с трудом различались лица присутствующих. Заседают, видимо, давно.

Панков несколько удивился моему приходу. Отгоняя рукою дым от своего лица, он доложил, что обсуждается способ устранения тяжелой аварии на Выйском участке. Скважина глубиной тысячу метров геологическую задачу не решила, до меди еще не добралась. На забое прихват колонковой трубы. Пытались обурить — опять авария. Вдобавок снаряд развернулся и стал тоже рядом.

Хотя я не буровик, но сразу понял из разговора, что авария очень сложная.

— Может, стоит искривиться или перебурить скважину? — спросил я.

— Не, успеется! Надо попытаться ликвидировать аварию. Перебурить — ума немного требуется, а вот порядок навести сложнее.

Я впервые встретил буровика, который со знанием дела, с линейкой и измерителем рассчитывает ствол скважины, пытается инженерно решить всегда сложный в разведке вопрос ликвидации аварии. Раньше, в Серове, на буровых тоже возникали аварии. Там тоже бились над их устранением и Архип Спицин, и Андрей Штребель. Но, во-первых, скважины были не очень глубокие и, как я теперь понимаю, аварии не столь сложные. Во-вторых, там ребята ликвидировали аварии по интуиции, что ли. И если делали какие-то расчеты, то в голове, на бумаге ничего не фиксируя. Да и не умели они этого.

Я с недоверием послушал рассуждения Панкова и других буровиков и ушел, будучи убежденным, что с такой аварией не справиться, тем более такому зеленому специалисту, как двадцатипятилетний Панков.

Через две недели на утреннем рапорте Анатолий Панков запросил трактор и несколько лошадей для перевозки буровой на новую точку.

— А как скважина три? — спросил я.

— Добурили! — беспечно бросил Панков. — Вот только руды не оказалось.

Хозяйство Анатолия Васильевича тоже очень сложное. В партии работало десять буровых бригад, их обслуживала мощная мехмастерская, множество машин и тракторов. И все это производство действовало круглосуточно, без выходных и праздников, по скользющему, как он выразился, графику. Попробуй уследи за всем.

Разбросанностью участков меня не удивишь, я привык к этому и в Серове. А вот технология бурения была здесь архисложная, и надо сказать, что главный инженер справлялся с нею успешно, спокойно и без паники.

Не один год довелось мне работать с Анатолием Васильевичем, и я все время помнил, как ликвидировал он аварию на третьей скважине. Мое уважение к нему покоилось на той, первой встрече.

Познакомившись с хозяйством А. В. Данкова, я убедился, что техническая служба в надежных руках и мне остается только разумно координировать работу своих ближайших помощников. Нет нужды заниматься бурением самому, как в Серовской партии, где не было технорука.

Состоялось мое знакомство и с мехслужбой. В прежней партии эта служба была представлена в единственном лице великого труженика Алексея Петровича Нагумова: механика, энергетика, слесаря и токаря! Он лично чинил станки, насосы, дизеля. В мазуте от пяток до головы, в блестящей брезентовой робе, пропахший насквозь соляром и бензином, он был той технической осью, вокруг которой вращалась вся механическая служба серовцев. Его ноги кавалериста я узнавал то под машиной, то под трактором.

Здесь, на Выи, передо мной стоял человек в отглаженном костюме, при галстукe и в туфлях. При первом же разговоре я почувствовал его высокую эрудицию. Интеллигент с ног до головы.

Со знанием дела, с журналами, схемами, паспортами в руках, он кратко и толково рассказал мне о нашем техническом вооружении, о состоянии техники, о своих планах на сегодня, на завтра и на будущее.

В партии было два десятка тракторов и машин, более тридцати буровых станков, крупный мехцех и гараж. Тут уж, естественно, сам под машину не полезешь, просто некогда.

4

В Качканаре я, пожалуй, впервые почувствовал, что есть партии и партии. Можно быть хорошим начальником маленькой партии и оказаться совершенно беспомощным в таком крупном коллективе, куда меня забросила судьба. Тут все сложно: и сам большой коллектив, и геология, и техника, и бурение.

Ознакомившись с инженерно-техническими работниками и особенно со своими ближайшими помощниками, я совершенно отчетливо понял, что мне еще многому надо учиться, многое постигать для того, чтобы стать руководителем более высокого уровня. Неуверенность и сомнения терзали меня. Но не за тем же приехал я, чтобы разводить уныние и панику. И я стал еще внимательней присматриваться к делам партии.

При всем многообразии и сложности геологических и других задач партии бросалось в глаза, что над принятым мною хозяйством лежит как бы печать упадка, какое-то запустение. Контора — в уютном, полуразвалившемся бараке, мехцех — развалюха, захламлен — не пройти, не проехать. Нет жилья. Люди живут в большой скученности, увольняются из-за этого группами. В Тагильской экспедиции партия была на одном из последних мест по всем показателям. А ведь я уже убедился, что в партии работают умные, высококвалифицированные и очень настойчивые люди.

Таким образом, сама жизнь подсказывала мне заняться экономикой, строительством, административными делами, работой с кадрами. Возникло желание создать людям, которые мне так понравились, лучшие условия труда и жизни.

В партии оказалось много хороших строителей, штукатуров. Была и бездействовала пилорама, а деревья буквально обступали базу партии. Собрал всех хозяйственников, строителей, посоветовался, смогут ли они привести в божеский вид контору и мехцех. Смогут. Хорошо!

Начали с конторы. Решили оштукатурить внутри все помещение, коль нет возможности выстроить новое. В середине здания мы пробили сквозной коридор, увеличили окна, двери. Работники конторы подняли невероятный гвалт. Естественно, ремонт проходил в рабочее время. Везде грязь, сгруженная мебель, сквозняки. Все это здорово действовало на нервы. Но когда здание приобрело законченный, ухоженный вид, то уже все гордились тем, что работают в такой уютной конторе. Точно так же отремонтировали и оштукатурили мехцех. Он стал неузнаваемо хорош. В конторе и мехцехе мы установили водяное отопление.

Однажды под вечер перед окнами моего кабинета остановилась легковая машина. Из нее вышел начальник Тагильской экспедиции А. А. Мурдасов. Не заходя в контору, он обошел ее вокруг и направился в мехцех. Полчаса спустя возвратился. Хлопнула входная дверь, но в кабинет Мурдасов не зашел, я понял: путешествует по отделам. Ну что же, у каждого товарища своя манера работы. Это, кстати, был первый визит начальника экспедиции ко мне.

Минут через двадцать Александр Александрович рывком открыл дверь кабинета и остановился на пороге. Постоял, огляделся, покачал головой. Потом подошел ко мне, потряс руку и решительно заявил:

— Молодец!

Сняв кожаное пальто, он сел напротив и, глядя на меня, признался:

— А ведь я приехал к тебе по жалобе. Жалуются люди, что ты здесь перевернул все вверх ногами. Ничего себе перевернул! Собери-ка сотрудников, я им напомним, какими мне доводилось видеть эти развалюхи полгода тому назад.

К сожалению, у многих людей сложилось ошибочное представление, что геолога характеризуют молоток, рюкзак и палатка. Все остальное — от лукавого. А ведь геология уже давно перестала быть работой одиночек, энтузиастов, мелких беспомощных групп людей. Теперь это целая отрасль производства со своей техникой и технологией, поселками, многотысячными коллективами, своими законами и потребностями. Прошло время, когда геологи и буровики могли ютиться в палатке или на частной квартире. Они вершат большие дела, обеспечивают разворот индустрии в стране. Геология стала одним из стратегических направлений в развитии государства.

Естественно, что для таких масштабных работ нужны и люди с большой хваткой. Нужны подходящие условия, в которых бы эти люди могли вырасти и закрепиться. Короче говоря, на палаточной основе большого и постоянного коллектива не получится, нужна контора и добротное жилье с удобной мебелью. Недостаточно и рюкзака, требуется производственная база и надежный транспорт. И на смену молотку пришел целый арсенал технических средств, да еще самых совершенных!

К еще большему сожалению, не понимали этого даже многие сотрудники партии, особенно ветераны. Улучшения условий работы и жизни воспринимались ими почти как развращение, что ли. Причина жалобы на меня крылась именно в этом.

Встретив полное понимание со стороны своего прямого начальника, я наметил целую программу улучшения быта геологов. Главное — строительство двухквартирных брусчатых домов. Со строителями определились в их возможностях: три-четыре дома в год, шесть-восемь квартир. Здорово! Фундаменты заложили сразу. Тут же появились списки желающих получить жилье.

Огромную трехкомнатную квартиру, которую до меня занимал И. В. Александров, я уступил многодетному нормировщику Балуюеву. Мне такое просторное жилье было ни к чему.

Экономика партии далеко не блестящая. Бурение сложное, трудоемкое, требовало большого расхода материалов. Их и тратили

много. Как-то при подписании очередного месячного баланса главный бухгалтер партии Синцов посоветовал, что буровики и механизаторы берут со складов столько материалов, сколько им вздумается, и обуздать их практически невозможно.

— Может, установить им какие-то нормативы? — спросил я.

— И не пытайтесь! — Он устало махнул рукой. — У нас ведь как? Нужен план, нужны метры, а какой ценой — это никого не интересует.

Главный бухгалтер пожилой, уставший от работы в разведке товарищ, и я ему тогда только посочувствовал. Но из разговора родилось желание навести хотя бы элементарный порядок в расходовании материалов.

В то время на страницах газет и журналов страны жарко обсуждался хозрасчет на предприятиях, в цехах, бригадах. До нашего министерства волна хозрасчета еще не докатилась.

Пригласил я к себе в кабинет А. В. Панкова, нормировщиков, плановиков, бухгалтеров, и мы обсудили возможность применения хозрасчета у себя, в бригадах и мехцехе, где были самые большие затраты.

Анатолий Васильевич Панков с энтузиазмом поддержал предложение и вместе с нормировщиком и плановиком взялся разработать схему хозрасчета. С буровиками проще. Сложнее с мехцехом. Что планировать, как планировать, в каких единицах? А как быть с аварийными, текущими делами?

После двухнедельных трудов такой хозрасчетный документ появился. Мы собрали совещание старших мастеров, механизаторов, бухгалтеров и рассказали, как и чего мы решили делать, чего желаем достичь. На каждую бригаду разработали расчетные планы: метража бурения, потребления материалов, энергии, зарплаты. Выдали планы бригадам.

Партия загудела, как растревоженный улей. Ведь премию буровикам и мехцеху мы поставили в зависимость от выполнения этого хозрасчетного плана. Кроме того, буровая бригада получила премию за экономию материалов.

Двадцать дней спустя после подписания мною приказа о внедрении хозрасчета заходит ко мне в кабинет довольный и радостный бухгалтер и со смехом спрашивает:

— Хотите, я вам что-то расскажу?

— Ну, давай!

— Темиргазин, старший мастер пятой бригады, пришел на склад и все ходит вдоль эстакад, а ничего не берет. Кладовщица его спрашивает: «Что ты тут кругами бродишь, а в склад не заглядываешь? Надо что-то?» «Надо-то надо», — говорит Темиргазин и кивает на одну деталь, которая стоит тысячу восемьсот рублей. «Так выписывай», — говорит кладовщик. «Хм, — усомнился мастер, — выписал бы, да она, собака, вон какая дорогая, кусается. Весь хозрасчет у меня полетит». — И бухгалтер мой засмеялся: — Ха-ха-ха! Во как заговорили, считать начали. Ей-богу, не верил.

6

Как-то в ноябре заходит ко мне А. В. Панков и предлагает на лошади съездить на буровую.

— Когда и куда? — спрашиваю его.

— На Калугинский. Лучше бы ночью, ближе к пересменке.

— Почему именно к пересменке?

— Понимаете, — говорит он, — анализируя рапорты, я вижу, что бригады хорошо работают часов пять не более, а ближе к концу смены поднимают снаряд наверх и прекращают бурение. Старшие мастера знают об этом, но мер не принимают. Надо что-то делать, помочь им, иначе смысл хозрасчета теряется. Проверим две-три бригады и соберем буровиков на большой разговор.

Запрягли кошеву́ и умчались на участок, километров двенадцать от станции Выя. Дорога тянется тайгой, вырубам. Лошадка бежит бойко, снежок мягкий, зима только начинается.

На Калугинском стоят четыре станка, все рядом. Можно все бригады проверить за один приезд.

Первая от дороги — бригада Якупова. Еще издали слышен легкий гул мотора, похоже, идет бурение. Зашли на буровую. Мастер у

рычагов, лицо сосредоточенное, усталое. Приезду не удивился, слегка кивнул головой. С начала смены сделал два подъема, бурение идет неплохо. До конца смены надеется пройти еще метра три, а всего — десять. Коронки есть, трубы есть, все настроено для нормальной работы на эту и следующую смены.

Рядом буровая Садыкова. Тут уже не бурят. Сделали подъем и коврыются со снарядом и станком. Сменный мастер ничего вразумительного сказать не мог. Нехотя стал готовиться к очередному спуску бурового снаряда на забой.

То же самое на третьей и четвертой буровых.

Дождались мы приезда ночной смены и вернулись домой.

Через день сделали такой же рейд на Мостовую. Из трех буровых полную смену работала только одна, две стояли. Повторили проверку через неделю — та же картина. Собрали буровиков и повели серьезный разговор об ответственности за план, за суточное задание, за ритмичность в работе.

Много претензий к старшему мастеру Садыкову. Этот умный и хитрый татарин сначала доказывал, что простои случайные, но Панков хорошо подготовился и на примере его же бригады показал, что Садыков плохо знает свои дела, обстановку в бригаде и покрывает бездеятельность своих рабочих. Договорились провести беседы с бригадами и учредили периодические ночные дежурства ИТР.

При посещении участков, бригад мне все время приходилось беседовать с людьми на разные темы. Но большинство вопросов, которые интересовали геологоразведчиков, — международного плана. Бытовых вопросов возникало мало. У нас свой магазин, столовая, рядом — город, железная дорога; в общем, партия жила не в отрыве от цивилизации. А вот международная политическая информация до этого таежного участка доходила плохо и поздно. У нас имелся свой клуб, но там никто не бывал и не выступал.

Как-то, будучи в райкоме партии, я зашел к первому секретарю и пожаловался ему на плачевное состояние политико-воспитательной работы.

Он посмотрел на меня укоризненно и тихо так спросил:

— Сколько же у вас людей с высшим образованием?

— Человек двенадцать, — ответил я.

— А коммунистов?

— Тридцать пять.

— Что же вы жалуетесь, кто запретил вам самим заниматься этой работой? Более того, мы вправе спросить вас, почему вы запустили это дело.

Он посоветовал мне зайти в отдел пропаганды, набрать литературы и развернуть лекционную работу. В отделе оказалась очень симпатичная умная женщина. После долгой беседы мы составили план работы, наметили перечень лекций, политинформаций. Она навьючила меня коробом литературы, лекционных разработок, особенно по международному положению. Пообещала несколько лекций прочесть сама.

Особенно мне понравились разработки по международному положению, сделанные свердловским Домом политпросвещения. Материал доклада был настолько интересен, что я захотел быстрее поделиться им со своими разведчиками. Для начала решил прочитать такую лекцию в конторе.

Все слушатели оказались отменными стратегами мировой политики и с удовольствием обсуждали международные события.

Вскоре лекции приобрели систематический характер и проводились в клубе два раза в месяц.

7

В первой половине 1957 года к нам в партию прибыли два молодых специалиста — Геннадий Сабитов и Борис Алешин. Первого предложили на должность главного бухгалтера, а второго — геологом. Встреча с ними была по-своему интересна. Геннадий — худенький, даже тощий. Слабым тенорком он рассказал мне о своем большом семействе и с ходу потребовал квартиру. Глядя на новое пополнение, я в уме прикидывал, как надолго хватит этого молодого человека в наших тасжных условиях. Опыт учил, что большинство молодых специалистов негеологического профиля под любыми предло-

гами норовили уйти от геологической жизни, куда забросила их судьба-индейка при распределении.

К чести Сабитова, он с большим старанием взялся за работу и вскоре стал хорошим моим помощником. В настоящее время Геннадий Григорьевич возглавляет бухгалтерскую службу Уральского управления.

Борис — крупный, жизнерадостный молодой человек — квартиру не просил, хотя был тоже семейным. Его жена — румынка. Он познакомился с нею в Свердловском горном институте, где они вместе учились. Тогда редко приходилось встречаться с людьми, которые женились бы или выходили замуж за иностранцев. Борис был сыном известного уральского геолога. Очень приятно иметь в партии продолжателя геологической династии. Он сразу же окунулся в геологию, причем настоял, чтобы ему поручили наиболее сложный раздел — поиски и разведку медных руд.

У него появился постоянный маршрут: камералка — Калугинский участок. Здесь шла охота за мощной рудной линзой, и в этой охоте Эдуард Готлибович Кусмауль обрел себе достойного помощника.

После моего перевода из Тагильской экспедиции Борис работал главным инженером Качканарской партии, потом главным геологом экспедиции, а сейчас трудится в должности начальника геологического отдела Уральского управления. Он достойно продолжает дело своего отца.

В июне к нам в партию нагрянул новый начальник управления П. Г. Пантелеев. Незадолго перед этим Н. Д. Бабушкина отстранили от должности начальника управления. Это было совершенно неожиданно для всех, потому что Николай Демидович только начинал по-настоящему вникать в дела управления.

Энергичный, решительный, прямой и бескомпромиссный, он своими действиями не устраивал многих в управлении. Когда я услышал о его снятии, мне вспомнился рассказ Николая Демидовича о своем назначении. Будучи человеком нетрусливого десятка, он как бы чувствовал, что его прыжок через голову может дорого ему обой-

тись. Так, в общем-то, и получилось. А жаль умного и перспективно-го руководителя.

Бабушкин очень тяжело перенес эту душевную травму, и она через два года свела его в могилу.

Новый начальник управления в сопровождении А. А. Мурдасова и главного геолога экспедиции Н. И. Поветкина прибыл к нам на двух машинах из-под Тагила.

Поселком, базой партии новый начальник совершенно не интересовался. Он попросил ознакомить его с геологией. Собрались в камералке, где Э. Г. Кусмауль подробно рассказал о состоянии поисков меди и бокситов. Неожиданно заспорили. Не о направлении поисков и методике работ. Нет! Загорелась словесная перепалка о терминологии, о категориях буримости наших пород. В общем, спор на студенческом уровне.

Через два часа начальство уехало обратно. Нам оно откровенно не понравилось. И неспроста. Буквально через полгода стало известно, что нашим начальником управления стал В. А. Перваго, геолог с Дальнего Востока.

8

Еще в Свердловске, будучи студентом, я начал собирать книги. В памяти всплывает книжный магазин на улице Малышева, тихий и деловой уют которого во многом способствовал желанию приобрести книги. Тогда не было такого ажиотажа вокруг книг, как сейчас. Покупатель был не случайный. Его ценили и привечали. Честно говоря, развернуться во всю ширь тогда мешала сущая мелочь — до предела ограниченный бюджет студента.

В Серове заниматься книгами мне было некогда, слишком рьяно взялся за организацию геологической службы. А вот в Качканарской партии, на Выи, я по-настоящему увлекся собиранием книг. Все способствовало этому: устоявшийся, работающий без сбоев механизм геологической партии и появившаяся забота о хороших, глубоко продуманных лекциях по международному положению, и наличие такого же уютного магазина, как в Свердловске.

Мои семейные дела тоже шли хорошо. Жена работала заведующей поликлиникой в городе Нижняя Тура. Сын и дочь учились в местной школе, огорчений не приносили. Семья жила в новом поселке города, который был выстроен для работников ГРЭС. Он располагался буквально у края тайги. Вековые сосны маячили прямо за окнами дома. Темным или выюжным вечером они нагоняли тоску на мое семейство, особенно когда меня не бывало. И то сказать: по-волчьи завывает ветрище, бьет в стекла снежными комьями, а в доме женщина да двое маленьких. В окно выглянут там темный, таинственно страшный лес! Татьяна Никифоровна, мой верный спутник, привыкла, как моряцкая жена, к моему длительному отсутствию, храбро и стойко переносила все тяготы неустроенной жизни.

На воскресенье я ездил с Выи домой, к семье, в Нижнюю Туру. Обычно выходной проходил весело и как-то очень быстро. Не успеешь опомниться, как надо было опять добираться на Выю и начинать свою трудовую неделю.

9

Готовили отчет за 1957 год. Предварительные итоги неплохие. «Рудили» многие скважины на Калугинском участке, вырисовывалась хорошая линза богатой медной руды. На самостоятельную шахту запасы не тянули, но подспорье для ближайшей действующей шахты хорошее. Многими скважинами был прослежен пласт бокситов. Выполнен план по мехбурению, по скорости, по себестоимости. Готовились к активу партии, а потом и экспедиции.

Собрание в партии прошло по-боевому и, как говорится, с перцем. По докладу разгорелись такие прения, что казалось: собрание и не кончить. Больше всего разговоров было о хозрасчете. Одни хвалили, другие хаяли — равнодушных не было. Большинство буровиков возмущались тем обстоятельством, что выплата премии поставлена в зависимость от выполнения хозрасчетных показателей. Они же получались очень жесткими, рассчитанными почти на идеальную работу, которую, как известно, организовать непросто. На активе

присутствовал секретарь райкома. В перерыве он наклонился ко мне и тихо проговорил:

— Знаешь, на таких горячих активах я давно не был.

— Не понравилось? — спросил я.

— Что ты, напротив, уж очень раскошегарились твои орлы.

В конце апреля 1958 года ко мне в кабинет заглянул радист и положил на стол радиограмму. Меня вызывал в Свердловск новый начальник управления В. А. Перваго.

Зачем? Что надо от меня новому начальнику? Дела в партии шли неплохо, особых претензий со стороны экспедиции ко мне не было.

10

Надо сказать, что для уральских геологов Владимир Александрович Перваго фигура необычная. Даже сейчас, много лет спустя, я могу с уверенностью сказать, что более яркой и талантливой личности мне встречать не приходилось.

Человек необычной судьбы, даже для геолога, он попадал в такие житейские переpleты, из которых, казалось, и не выбраться. Но доставшиеся ему невзгоды делали его только сильнее.

О Перваго сразу же стали рассказывать самые невероятные истории. Доброхоты, которых хватает в любом учреждении, попытались разведать всю его подноготную по прежней работе и услужливо предлагали свою осведомленность в кривых коридорах управления.

В то время на пост главного инженера был назначен бывший начальник производственного отдела А. А. Зверюга, умный, скромный и энергичный человек, характер которого никак не соответствовал его грозной фамилии. Управленческие острословы мгновенно среагировали на такую ситуацию, и тут же родилась крылатая фраза: «Не тот зверюга, который Зверюга, а тот, который Перваго».

Таким образом, еще до встречи я наслышался баск о необычном характере В. А. Перваго, его уме, железной хватке и не без робости пошел на прием к нему, страшному и загадочному.

Но разговор был самый доброжелательный. Он свелся к тому, что Владимир Александрович предложил мне возглавить одну из

уральских экспедиций: Северную, из которой я уехал, Тагильскую, где я еще работал, или вновь создаваемую в Зауралье, у которой еще и названия не было. После некоторых колебаний и под напором самого В. А. Перваго я принял последний вариант.

Сдав Качканарскую партию А. В. Панкову, я отправился на более ответственную и сложную работу.

Экспедиции еще не существовало. Ее следовало сотворить из многочисленных партий, разбросанных по всему востоку Свердловской области. И мы ее создали в Егоршино, особенно не фантазируя, назвав Зауральской.

Организация такого хозяйства — дело не простое, требующее много энергии и усилий.

В этом, новом для себя амплуа, к сожалению, я пробыл всего один год. Как-то на активе управления, где обсуждались итоги за 1958 год, ко мне подошел А. С. Шпильберг, наш куратор из производственного отдела, и, наклонившись, тихонько произнес:

— Как ты смотришь, если тебя назначат управляющим Пермским трестом?

Я опешил. А как же экспедиция? Зачем Пермский трест, если им хорошо командует такой серьезный и солидный товарищ, как А. Д. Ишков? И какой из меня управляющий? Я даже в настоящего начальника экспедиции еще не оформился.

Позже мне все объяснил сам В. А. Перваго. Оказывается, трест перевели в Кизел, а уезжать из Перми А. Д. Ишков отказался, и вновь созданное хозяйство уже полгода без головы.

Часть 4

На пермской земле

1

Еще в Губахе острый запах сероводорода проник в вагон поезда Свердловск—Соликамск, да так и не улетучился до самого Кизела, который встретил меня сплошной дымовой завесой.

На перроне ко мне подошли двое мужчин и женщина. Один из них, плотный, черноволосый, произнес с украинским акцентом:

— Александр Иванович, здравствуйте! Мы из геологического треста.

Познакомились. Приветствовавший меня оказался начальником геологического отдела треста — И. А. Свищев, его товарищ — начальник производственного отдела В. И. Лещиков. Женщина — начальник хозотдела О. Г. Токарева.

— Я единственный из работников треста, знающий вас в лицо, — пояснил И. А. Свищев. — В марте этого года мне довелось быть на активе управления, и я вас там видел. Не обознался? — уточнил он.

— Все правильно, — подтвердил я.

— Машину мы не взяли, — включился в беседу В. И. Лещиков, — до треста здесь рукой подать, метров сто. Все поезда мы сначала из окна встречаем, а уж потом на вокзал спешим. Очень удобно.

Брусчатое здание треста возвышалось над узенькой улочкой, круто скатывающейся к вокзалу. Его окружало несколько таких же двухэтажных домов. Через дорогу белели дома из кирпича, оштукатуренные.

— Это все жилье геологов, — обвела рукой вокруг О. Г. Токарева, — чуть подалее от конторы — гараж треста, а на углу этой и центральной улиц стоит новый четырехэтажный дом. Там приготовлена квартира и для вас.

Во дворе треста разрослись тополя. Их широкие листья, похоже, не ощущали отравленного воздуха. Перед конторой зеленел газон. Внутри здание выглядело привлекательнее. Хотя было уже девять часов утра, во всех кабинетах горел свет. О. Г. Токарева перехватила мой удивленный взгляд и пояснила:

— У нас целый день свет горит. Если не дым, то туман или дождь, все равно темно. Солнышко нас не балует!

Кабинет управляющего на втором этаже. Небольшая комната в два окна. Уютно расставленная мебель. На полу — пушистый ковер. Уселся в кресло за стол, огляделся. Заметил слой пыли. Машинально провел пальцем.

— Вы уж извините, — краснея, начала объяснять Ольга Гавриловна, — трест полгода без управляющего.

Она внимательно осмотрела кабинет и, направляясь к двери, добавила:

— Вот тут розетка, побриться можно. Я схожу в гостиницу и уточню насчет номера. Аппарат будете собирать?

Я взглянул на Свищева.

— Надо собрать, Александр Иванович! Они ждут управляющего с нетерпением.

— Может, позже, после обеда или вечером? — заколебался я.

— Лучше сейчас познакомьтесь, а потом займетесь устройством, — настаивал И. А. Свищев.

Я остался в кабинете один. Управляющий трестом. Г-м. Слово-то какое грозное! Какой же из меня управляющий?

Я весь еще своими думами, заботами был в Егоршино, где оставил Зауральскую экспедицию, начатую работу, семью...

Работники аппарата треста и Кизеловской партии собрались в ленинском уголке. Народу набилось полное помещение. Главный инженер треста А. Н. Манкевич, постучав карандашом по кувшину и дождавшись тишины, сообщил:

— Товарищи! К нам, наконец, прибыл управляющий! — Он назвал мою фамилию, имя и отчество.

Присутствующие с настороженным интересом смотрели на меня. И не было среди них ни одного знакомого лица. В третий раз мне придется вживаться в совершенно незнакомый коллектив. Тяжело! Им, наверное, тоже нелегко. Во взглядах, откровенно изучающих меня, так и стоял вопрос: «Что ты принесешь нам, лысоватый мужчина?» А я в свою очередь думал: «Как буду с вами работать?»

Пришлось рассказать о себе, где воевал, где работал. Каким бы мне хотелось видеть трест, его партии, экспедиции. В чем смысл создания такого объединенного хозяйства и как много надлежит сделать по комплексному изучению природных богатств Пермской области.

Так состоялась моя первая встреча с трестом.

2

Почерневшее здание конторы треста. Начало работы. Во всех кабинетах включился свет, и в кизеловской дымке двухэтажный особняк засиял огнями, как корабль в море. Погода удручающе однообразна — дожди, ливни, туманы... Обилие осадков натолкнуло меня на мысль заглянуть в географический атлас. На метеокarte я выяснил, что преобладающее направление ветров над всей Россией до Урала — западное. С Прибалтики ветры несут много влаги и... разгружают ее на крыши предуральских городов и поселков, встретив такую преграду, как Уральские горы, хотя и не очень высокие, но достаточные, чтобы служить экраном.

Наибольшее количество осадков приходится на узкую полосу шириной тридцать — сорок километров, которая тянется от Вишеры до поселка Теплая Гора. Этот влажный «язык» пермской земли усту-

пает по количеству выпадаемого дождя и снега только Сахалину и Колхиде.

Сажусь за стол и в десятый раз придвигаю к себе лист ватмана, на котором изображена структура треста. Она очень сложная. Под трестовским флагом объединились геологические организации различных ведомств: тридцать больших и малых партий. И дело в том, что собранные под одну крышу предприятия еще не сформировались в единый механизм. Это естественно. У каждого ведомства свои требования, свой уровень организации, свой профиль геологоразведочных работ, наконец, свои традиции.

Руководству вновь созданного треста предстояло, грубо говоря, перелопатить имеющийся набор партий и создать организации на другой основе, заново, с позиций Министерства геологии. При этом следовало учитывать главное требование нашего министерства — комплексный характер геологических исследований.

До сего времени различные районы области изучались иначе. Например, алмазные экспедиции и партии исследовали интересные их площади с позиции только своего сырья. Партии угольщиков вели разведку и поиски только угля, а их съемочные звенья интересовались только структурами на уголь. Геологов Березниковской экспедиции не занимали никакие другие проблемы, кроме калийных солей.

Будучи новым человеком, я хорошо почувствовал несработанность отделов и работников аппарата треста, ощутил силы, разъединяющие трест, и не видел пока других сил, стремящихся настроить механизм управления на рабочий лад.

— У нас, угольщиков, этот вопрос так решался... — заявлял начальник отдела, пришедший с угля.

— А у нас, алмазников, было иначе... — заверял другой.

— В Министерстве геологии это да-авно пройденный этап! — вызывающе говорил третий.

И ни от кого я не слышал еще слов: «У нас в тресте».

Я понимал, как много надо трудиться, чтобы сделать трест настоящим, а себя — достойным управляющим. С чего начинать? Некоторый опыт подсказывал: конечно, с геологии!

Ко мне в кабинет зашел главный геолог треста Василий Иванович Ситников и сообщил:

— Александр Иванович, на сегодня назначена защита проекта по золоту. Кто будет проводить научно-технический совет?

— А кто должен? — в свою очередь спросил я.

— До сего времени советы проводил главный инженер треста или главный геолог, но по положению председатель НТС — вы.

— Как же было в тресте «Углеразведка»?

Главный геолог немного замялся, а потом сказал:

— В тресте я уже работаю давно и не помню случая, чтобы управляющий проводил НТС по геологии.

— Чем же он занимался?

— «Руководил», исходя из наклонностей. Последний, например, цветы и деревья сажал. — Василий Иванович кивнул на окно, за которым раскинулся сквер, и продолжал: — А предпоследний был отличным организатором, любил бурение и увлекался охотой.

Я задумался. Трудно проводить НТС, не зная существа проектируемых работ, и утверждать эти работы. По Зауралью у меня такого опыта не было. Но, с другой стороны, какой же я управляющий, если главная моя забота — геологическая деятельность, комплексное изучение геологии области — останется в стороне от меня, без моего участия? Кем я должен управлять, чем заниматься? Руководить посадкой цветов или разводить лошадей? Можно, конечно, командовать, и неплохо, только буровыми работами, но в тресте для этих целей есть мощная служба главного инженера, можно заняться бытом, но для этого есть заместитель.

— Давайте так договоримся, Василий Иванович: вы проводите совет, а я на нем по присутствую, — предложил я.

— Так неудобно. Как мы это в протоколе отразим? — заколебался Ситников.

— А вы в протоколе меня не упоминайте, будем считать, что я учусь.

Защита состоялась в ленинском уголке. Геолог И. Н. Галахов рассказал все, что знал об истории исследований на золото в районе предполагаемых поисков, что золото здесь ищут и моют уже лет двести. Он подробно доложил о геологическом строении всего района и того места, где намечено провести работы. Рассказал обстоятельно, что он там собирается делать, сколько пройдет скважин, шурфов, какого и сколько рассчитывает найти золота. Назвал стоимость проекта.

Мне ясно представилась геологическая картина этого уголка Пермской области, партия, которая будет работать в тех местах, ее заботы и нужды, сколько им потребуется людей и техники. Я как будто съездил в длительную командировку в те края и перечитал все отчеты, которые знакомили меня с изучаемым объектом.

— Василий Иванович, — тихонько спросил я Ситникова, — сколько еще в этом году будет проектов?

— Точно сейчас не скажу, — немного подумав, ответил он, — пожалуй, чуть больше тридцати.

— Они охватывают все партии и районы, области?

— Почти все.

— Что значит — почти все?

— Дело в том, что на платформенной* части мы серьезных работ не ведем, там трудятся нефтяники.

В. И. Ситников попросил высказаться тех, кто проверял проект, внимательно выслушал критические замечания и еще раз дал слово Галахову. Потом обобщил замечания членов НТС и утвердил проект. «Вот это и есть моя главная работа, моя генеральная линия. — Я окончательно определился в своем решении. — Мне надлежит прослушать все геологические проекты треста, тогда я постигну пермскую геологию, ознакомлюсь со спецификой партий, экспедиций. Ну, и еще поездки, поездки».

— Когда следующая защита? — спросил я Василия Ивановича.

* Равнинная часть Пермской области.

Он обратился с этим вопросом к высокой черноволосой женщине, которая вела протокол.

— Через неделю проект по Губахе, — сообщила Ася.

— А он готов? — спросил я.

— В переплете, — ответила она.

— Пожалуйста, перед защитой принесите мне этот проект, — попросил я, — хочу ознакомиться с ним.

Поприусутствовав еще несколько раз на НТС, я предупредил главного геолога, что все НТС по проектам будут отныне проходить в моем кабинете.

Меня занимал не менее важный вопрос каким должен быть трест? Пока все хозяйства работали по инерции, устоявшейся годами. Особенно чувствовалось сильное давление угольщиков, большинство аппарата подобрано из прежнего треста «Углеразведка». Кизеловский горком КПСС не грешил против истины, когда продолжал называть нас углеразведчиками.

Требовалась перестройка, не только внешняя, организационная, но и внутренняя, по содержанию, ломка устоявшихся традиций.

В положении треста было записано, что он «является территориальной геологической организацией, которая несет ответственность за комплексное изучение закрепленного за трестом района на все виды полезных ископаемых».

Отсюда вытекала задача номер один: определение перечня этих ископаемых. Кому это можно поручить? Скорее всего съемщикам! Но они разобщены: в Кизеле, Пашии, Перми — всюду по две партии. А им бы надо находиться вместе.

Следовало также определиться с методической стороной дела. Почему в тресте нет гидрогеологии, геофизики? Кто за это в ответе? И, наконец, как понимать комплексное изучение территории? На уровне треста, экспедиций, партий? Наверное, все звенья должны быть комплексными, иметь свои площади?

Думалось об этом дни и ночи, и в конце концов в своем дневнике я записал:

«Основные направления деятельности треста на ближайшие годы:

1. Закрепление территории области за экспедициями и партиями.
2. Комплексный характер изучения закрепленной территории.
3. Объединение съёмочных партий.
4. Создание гидрогеологической и геофизической служб.
5. Укрепление и усиление некоторых партий».

Это была программа-максимум. А минимум — это моя повседневная работа, в том числе поездки в подразделения.

4

Прежде чем отправиться по партиям, мне нужно было съездить в Пермский обком КПСС на утверждение. Ранее меня просто назначали на должность, в данном случае утверждение было связано с тем, что геологоразведочный трест является областной организацией.

После бесед с ответственными работниками обкома стало еще яснее, какая ноша легла на мои плечи. Но я убедился и в другом: областные работники не совсем представляют себе возможности, которые таит геология, что может дать она области. Мне стало предельно ясно, что согласие с управлением на перевод треста из Перми в Кизел — большая ошибка. Этим лишь принижалась роль областной геологической организации. В Кизеле трест поневоле опускался до провинциального уровня, ибо кизеловские руководители мало интересовались тем, что выходило за пределы городских забот. Поэтому я записал в свою памятку еще один пункт — возвращение треста из Кизела в Пермь.

Отложив посещение «благополучных» угольных партий на более поздние сроки, решил вначале побывать в алмазных экспедициях. Большую тревогу вызывала Пашийская комплексная партия. Ее структура даже издали вызывала недоумение. Совсем недавно, в 1958 году, тут существовала ведущая алмазная экспедиция с множеством подчиненных партий. Ее расформировали, партии слили, пересортировали, и вновь созданный механизм почему-то назвали Комплексной партией, которой, в свою очередь, подчинялось несколько партий.

Поездка в Пашию, знакомство с геологическими делами не изменили моего тревожного чувства: с Пашией нужно что-то делать, пашийский механизм нежизнеспособный! Не успокоил меня также начальник партии С. Г. Ходес, весьма опытный и эрудированный горный инженер.

В Пашии была еще одна проблема. В свое время для производственных нужд алмазных экспедиций здесь выстроили крупную ремонтную мастерскую, которая после создания треста оказалась совершенно не нужной. В пустующем корпусе сиротливо выстроились в ряд станки, и С. Г. Ходес грустно спрашивал меня, что же ему дальше делать с этой мастерской. Во избежание убытков управление торопило нас быстрее найти «покупателя».

Общее впечатление от Пашии было такое, что все и вся здесь жило воспоминаниями о былых объемах работ, которые выполняли уральские геологи-алмазники в военные и послевоенные годы.

Чтобы понять, зачем в этом районе длительное время трудился столь крупный геологический коллектив, необходимо обратиться к истории алмазов.

5

Алмаз [ал-мас] — в переводе с арабского значит твердейший. Яркий блеск, изумительная красота и непревзойденная твердость дают ему право быть первым среди драгоценных камней. С алмазом связано много легенд и историй, большинство из которых кровавые.

Первой страной, где за несколько тысячелетий до нашей эры начали добывать алмазы, была Индия. Именно оттуда алмазы стали известны в Европе. Самые крупные индийские алмазы «Кохинур» и «Орлов» найдены в богатых коях Голконды.

Потом алмазы обнаружили в Африке. На месторождении Кимберли, названном так в честь английского министра колоний, в 1905 году нашли самый крупный в мире алмаз «Куллинан» — 3106 каратов, или 621,2 грамма. Его не могли продать целиком и вынуждены были распилить на части. Общеизвестна история алмаза «Шах», переданного России иранским правительством в качестве откупа за

зверское убийство русского посла А. С. Грибоедова, автора комедии «Горе от ума».

Высокие ювелирные качества алмаза делают его самым дорогим из всех драгоценных камней на земле.

Но «ал-мас» — твердейший! Благодаря этому качеству он стал широко использоваться в металлообрабатывающей, камнерезной промышленности, а также на бурении твердых пород. С развитием технического прогресса резко повысился спрос на технические алмазы, росла их мировая добыча. К началу второй мировой войны она достигла четырнадцати с половиной миллионов каратов в год.

Применение алмазного инструмента дает огромную выгоду в скорости обработки, которая отличается исключительно высоким качеством. Алмазный резец и алмазный круг повышают производительность труда от двухсот раз до четырех тысяч! Алмазная пила при трехсменной работе выдерживает резание камня в течение шести—восемнадцати месяцев, в то время как пила из карбида — четыре часа!

Еще более разительный эффект при волочении тонкой и сверхтонкой проволоки. При протягивании металла сквозь заданное отверстие, даже армированное твердыми сплавами, диаметр отверстия быстро нарушался и его часто приходилось подправлять, чтобы сохранить заданный диаметр проволоки. Только внедрение алмазного волокна (фильеры) сняло эту проблему. Если твердосплавный волок выдерживает сто километров протяжки, то алмазный — тридцать тысяч!

Американский исследователь Леон Девис в 1955 году писал: «Для такой развитой страны, как США, значение технических алмазов не может быть переоценено»... и дальше: «Подсчитано, что если бы США отрезать от источников снабжения алмазами, то ее промышленный потенциал за короткий срок упал бы наполовину!»

Вот что такое алмаз в современную эпоху. Из камня-украшения он давно стал камнем-тружеником!

А какова же история отечественных алмазов?

Царское правительство, плохо разбираясь в богатствах собственной страны, пригласило в Россию в 1829 году известного немецкого ученого А. Гумбольдта.

Побывав на Алтае и Урале, он в записке на имя тогдашнего министра финансов Канкрин сообщил: «Урал истинное Дорадо (Эльдорадо — сказочная страна богатств. — Авт.), и я твердо уверен в том... что еще в Ваше министерство будут открыты алмазы в золотых и платиновых россыпях и, если не мне... то во всяком случае наше путешествие заставит других добиться искомого».

Тремя годами раньше профессор Дерптского университета М. Энгельгардт тоже обратил внимание на поразительное сходство местности по рекам Ису и Койве с алмазными месторождениями Бразилии. Взгляды этих ученых стали известны графу Полье, владельцу земель и рек, на которых мыли золото и платину. Последовало распоряжение более тщательно просматривать золотоносные пески и даже вторично промывать те, из которых золото уже извлечено. Промывальщикам приказано было обращать внимание на все любопытные камни.

5 июля 1829 года помогавший промывальщикам четырнадцатилетний мальчишка Павел Попов, перебирая отмытые шлихи, обнаружил блестящий камень, который он передал смотрителю. Тот присоединил находку Попова к прочим минералам и при очередном приезде графа показал ее. Сопровождавший графа минералог определил найденный камень, как алмаз.

До конца года было найдено еще шесть алмазов, а за последующие тридцать лет — сто тридцать одна штука. Отдельные кристаллы оказались довольно крупными — два-три карата*. Место находки первых русских алмазов — поселок Промысла Чусовского уезда.

Позже старатели, перебивая отвалы, оставшиеся после прекращения добычи золота, находили алмазы неоднократно. И совсем неожиданно один из жителей того же поселка обнаружил, что его курица «снесла» алмаз весом сто пятьдесят миллиграммов.

* Один карат равен 0,2 грамма.

Научные поиски алмазов на Урале возобновились в годы Советской власти. В 1938 году по инициативе и под руководством А. П. Бурова при Геологическом комитете было создано алмазное бюро, которое приступило к организации поисковых работ на Урале. Еще более широкий размах эти работы приобрели во время Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. Тогда было организовано несколько крупных алмазных экспедиций. Опробовались многие реки и речушки восточного и западного склонов Урала. Добывались и перевозились для обогащения сотни тысяч кубометров речных отложений. Были сконструированы специальные передвижные фабрики, в которых обогащалась добытая порода, или, как ее звали, «пески».

Рентгеновские установки обнаруживали своими лучами редкие и дорогие кристаллы.

В распоряжение геологов направили многочисленный транспорт, создавалась, как теперь говорят, мощная инфраструктура, строились, дороги, поселки.

Разведчики подтвердили наличие алмазов на Западном Урале; на некоторых реках даже работали драги. Своеобразными памятниками тех лет, отметинами тяжелейшего труда разведчиков остались высокие курганы перемытых песков да разрушенные фабрики, поселки, дороги. Остался также накопленный опыт и отменные кадры. Поиски продолжались...

Последним из крупных геологов, возглавлявших Пашийскую экспедицию, где концентрировались важнейшие работы по алмазам на Урале, был А. Д. Ишков. С его личностью связан довольно большой период становления пермской геологии. Он прибыл на Урал в конце 1949 года с должности главного инженера министерского главка. Изучив имеющиеся геологические материалы, А. Д. Ишков приходит к выводу, что по-настоящему алмазную проблему нужно решать не в Москве, а на Урале, около шурфов, на обогатительных фабриках. И он возглавляет Пашийскую экспедицию, подчинив ей

все работы на западном склоне, как бы объединив их во всеуральскую организацию по поискам первоисточников алмазов.

Это ему поручили в 1958 году создать Пермский трест. Он был первым его управляющим. Но вскоре трест перевели в Кизел, не считавшись с мнением А. Д. Ишкова, и он остался в Перми.

Здесь создал Полудовскую партию и активно включился в поиски первоисточников алмазов.

Андриан Дмитриевич Ишков, после моего знакомства и общения с ним, представлялся мне эдакой человеческой глыбой ума, знаний, воли, энергии. Крупный, уже седой, немного посапывая при разговоре, он подтверждал свои мысли, энергично вскидывая голову и размахивая руками.

О пашийском периоде жизни и деятельности А. Д. Ишкова, о его требовательности и порядочности много и с энтузиазмом рассказывали сотрудники его бывшей экспедиции. Они отзывались о нем с восторгом, подчеркивая свое уважение не только к высокому положению А. Д. Ишкова, но и к его уму, оригинальности.

Так, Андриан Дмитриевич завел порядок, при котором с четырех до пяти вечера по субботам любой из его подчиненных мог прийти к нему на прием и критиковать его действия.

Таким правом воспользовался в экспедиции только один человек — его заместитель Я. Г. Раевский. Сам по себе личность незаурядная, Я. Г. Раевский появился в Пашийской экспедиции в 1954 году. Вот он-то в течение отведенного часа профессорским тоном и отчитывал начальника за ошибки и промахи в работе (в своем понимании) и оканчивал всегда одинаково: Ишков-де плохой руководитель, диктатор и вообще бурбон. Андриан Дмитриевич с нетерпением поглядывал на часы, ровно в 17.00 вставал из-за стола и с огромным удовольствием указывал на дверь. Я. Г. Раевский собирал свои записки и с достоинством удалялся из кабинета. Несмотря на моральные муки, которые А. Д. Ишков порой испытывал от своего нововведения, он не отменял этого часа: характер не позволял.

Все, описанное мною, уже история — большие дела и допущенные ошибки, досадные промахи и удачи, грустное и веселое...

Когда я вернулся из поездки в Пашию, то долго думал, как же разумней поступить с Пашийской партией? Но тогда решение так и не пришло. Оно возникло чуть позже. И предложил его В. П. Зылёв, геолог-алмазник, в то время возглавлявший Пермскую группу партий.

Эта группа размещалась в Перми, в небольшом двухэтажном здании по улице Большевистской. Геологи, работающие под руководством В. П. Зылёва, занимались поисками нерудного сырья, меди и двумя партиями проводили геологическую съемку.

Виктор Павлович посоветовал создать в Перми новую экспедицию, построить для нее на окраине города у деревни Балатово производственную базу и жилье. Он предложил собрать в эту экспедицию всех геологов-съемщиков Перми, Пашии, Кизела и поручить экспедиции проведение геологосъемочных работ на территории всей области, а также поиски различных видов сырья на западе. Кроме того, он высказал дельное предложение о создании особого звена, которое занималось бы разработкой направлений в геологических исследованиях, прогнозах.

Идея всем очень понравилась. Мы убивали сразу нескольких зайцев: собирали под одну крышу съемщиков, создавали мозговой центр треста в лице прогнозников-тематиков и поручали вновь созданной экспедиции заняться комплексным изучением той части области, которой мы до сих пор всерьез не занимались. При таком варианте отпадала надобность в Пашийской партии.

Свои предложения трест направил в управление, где их рассмотрели и утвердили. 1 апреля 1960 года по управлению и тресту были изданы приказы о ликвидации Пашийской партии и о создании в Перми съемочно-тематической экспедиции в составе четырех съемочных, палеогеографической, тематической и пяти поисковых партий. Так родилось первое комплексное звено треста.

В. П. Зылёв приступил к строительству поселка геологов. В те годы до Балатово было не так просто доехать. Асфальтовая дорога кончалась у теперешнего Гознака, а дальше каждый добирался как мог. Помнится, однажды трестовскую «Волгу» с трудом добуксиро-

вали до ипподрома. Будущее жилье геологов казалось настолько далеким от города, что мы без угрызений совести установили работникам СТЭ, как мы теперь звали нашу экспедицию, выплату полевого довольствия.

На освободившуюся пашийскую базу переехала Скальнинская партия, которая занималась в том районе разведкой угля.

7

Подошел черед объезда северного фланга экспедиций — Березниковской и Вишерской. Поехали вдвоем, с главным геологом треста В. И. Ситниковым.

Березниковская экспедиция проводила работы на одном из уникальнейших в мире месторождений калийных солей — Верхнекамском. Перспективы бассейна, запасы сырья практически неограниченны, работы, таким образом, хоть отбавляй. К тому времени контуры бассейна только рисовались пунктиром на юге и совсем не были известны на севере, востоке и западе. На месторождении пока действовали два комбината — Березниковский и Соликамский.

Мы с В. И. Ситниковым выслушали информацию руководства экспедиции о состоянии дел, узнали, что очень плохо с бурением глубоких скважин. Съездили на буровые. Василий Иванович плюется, ругается, уверяет, что таких безобразий отродясь не видел. И мне не приходилось встречать подобное. В огорчении Ситников воскликнул:

— Угольщики сюда! Они показали бы, как надо работать!

Мы оба чувствовали, что в этой экспедиции следовало посидеть подольше, разобраться в ее работе, но у нас была иная цель — посещение Вишеры. Там сейчас были сосредоточены все работы по поискам алмазов. А насчет переброски угольщиков в Березниковскую экспедицию действительно стоило подумать.

От Соликамска до Красновишерска сто сорок километров. По карте. А в натуре?

— Все двести! — убежденно заявил шофер, посланный за нами.

В то время существовал старый, разьеженный тракт. Выехали утром, а прибыли под вечер. Дорога шла через тайгу. Населенных пунктов раз, два — и обчелся. В Жуланово остановились около круглого строения, похожего на юрту. Здесь пообедали. Еще при выезде в командировку инженер из производственного отдела треста доверительно напутствовал меня:

— Не проезжайте мимо столовой в Жуланово. Пообедайте там обязательно. Шницеля там во-о какие! — Он показывал их длину — от локтя до кончиков пальцев.

Он оказался прав, шницеля действительно отменные, на тарелке с трудом помещаются.

В конторе Вишерской экспедиции все чинно, келейно. Начальник П. К. Кузьмин встретил нас сдержанно, без радости. Предложил сразу собрать аппарат, наметить план поездки по партиям. Уверял нас, что все хозяйство алмазников можно обзреть за две недели, не меньше. Мы так и рассчитывали.

Инициаторами поисков алмазов на Урале были известные советские геологи А. П. Буров и Г. П. Романов. Александр Петрович Буров один из тех, кому мы также обязаны открытием якутских алмазов, за которое он был удостоен высокого звания лауреата Ленинской премии.

Помнится, любые разговоры на алмазную тему у нас в тресте начинались или оканчивались с упоминания этой фамилии:

«По мнению Булова, надо делать так-то», или: «У Булова решил пройти еще две линии...», а то и так: «Буров бы этого не разрешил».

Не скрою, я с волнением ожидал встречи со столь знаменитым геологом, тем более воодушевляла возможность совместно с ним побывать на объектах экспедиции, услышать его замечания и советы. В свое время Александр Петрович был куратором Министерства геологии СССР по алмазам, и его замечания и указания для нас были, по существу, законом.

И вот сейчас этот знаменитый А. П. Буров, о котором я много был слышан от геологов-алмазников, сидел напротив нас у стола П. К. Кузьмина.

Александр Петрович был невысокого роста, с чуть вытянутым лицом, черными усталыми глазами. Он говорил тихим, еле слышным голосом. Его облик, что называется, не впечатлял, но суждения Бу-рова, особенно по принципиальным вопросам, отличались железной логикой и непреклонностью. Любой оппонент Александра Петрови-ча оказывался бессильным против его всеобъемлющих знаний по алмазным проблемам, и главным образом, по методике их поисков и разведки.

И я все время сознавал и чувствовал это во время наших сов-местных поездок по партиям Вишерской экспедиции, а позже на многочисленных совещаниях. Его любимое выражение: «Мне думает-ся, что так будет лучше...» — обескураживало даже самых заяд-лых спорщиков. А спорили геологи-алмазники по любому поводу.

Будучи серьезно больным, А. П. Буров имел мужество почти ежегодно приезжать к нам в трест и добираться в труднодоступную по тем временам Вишеру. Но еще сложнее было попадать в партии Вишерской экспедиции — это возможно только на лошадях.

Мне запомнилась поездка в 86-ю партию. Сначала мы ехали на машине, потом пересели на лошадей и верхом отправились вдоль речки, по кромке ущелья. Шел проливной дождь, лошади осторожно ступали по карнизу метровой ширины. Моя лошадь умудрялась на ходу еще скусывать высокие травинки. Полуторачасовой путь при-вел нас в старый, полуразвалившийся поселок, где размещалась пар-тия. Крепкие, обветренные люди окружили нас и дружелюбно уточ-няли отдельные эпизоды поездки, радовались, что обошлось без происшествий.

— А то, бывает, и сорвешься, — шутя, кто-то подпустил страху.

При посещении алмазных партий, при наблюдении за их работой у меня сложилось глубокое убеждение, что разведка алмазов — удел мужественных и упорных людей. Мало кто может решиться на те невзгоды, которые легли на плечи первопроходцев, открывателей советских алмазов. Самый благородный камень земли искать надо было в самых гиблых местах. Бездорожье, отрыв от городов, даже сел, отсутствие связи, временное жилье, дожди, морозы — все испыты-вали на себе геологи-алмазники, все перенесли. И невольно возник-

нут тут мысли о подвижничестве при поисках дорогого и таинственного камня во имя благополучия своей Родины.

Схема поисков и разведки алмазов на Вишере отработывалась в военные годы. От реки вправо и влево задавались линии разведочных шахт-шурфов. Вдоль реки таких линий много. Столько, чтобы оконтурить всю ленту речных отложений.

Очень сложная выработка шахта-шурф. Она и шахта, потому что большое сечение, но она и шурф, потому что не слишком глубокая. Глубина ее ограничивается мощностью рыхлых отложений, в которых могут находиться алмазы, а сечение задается из желания отобрать представительную пробу. Метод проходки — дедовский: кирка, лопата, бадья.

Забойщики — богатыри, один другого лучше. Мы с удовольствием наблюдали, как сноровисто наполняется породой бадья, как два воротовщика ловко выкручивают бадью на поверхность и опорожняют в отвал. Оттуда порода пойдет на обогатительную фабрику.

Начальник 86-й партии предложил нам сходить на фабрику В. М. Канунникова. Конечно, фабрика — сказано громко. Вместо огромных построек на берегу речки стояли в ряд несколько деревянных домиков. К ним подходила узкоколейка, она тянулась от куч глины с глыбами и галькой древних пород. Двое рабочих грузили лопатами породу в вагонетку, которую на фабрике опрокидывали в бункер. Там сильной струей воды ее размывали, и мутная, глинистая вода возвращалась в речку, а галька и песок проваливались вниз, на грохота. Дальше крупный материал уходил в отвал, а мелкий — в отсадочную машину. Тяжелая фракция песка, в которой могли оказаться алмазы, по транспортерной ленте подавалась в рентгеновский аппарат, и светящийся алмаз извлекали. Каждый кристалл учитывался в особом журнале.

Сопровождавший нас в поездке главный геолог В. Ф. Лапиков попросил показать нам алмазы в массе. Впечатления они не произвели, особенно на меня. Куча стекляшек, и только! Геологи даже обиделись. Перебирая кристаллы, я неосторожно уронил один из них на пол. Все сидящие в камералке вдруг замолчали, и мне показалось,

что кое-кто даже побледнел. Несколько человек бросились искать кристалл и, к счастью, быстро нашли. Все облегченно вздохнули.

В. Ф. Лапиков рассказал, как однажды в камералке соседней партии потеряли кристалл. Его не смогли отыскать, и пришлось сжечь избушку, где работали геологи. И только в золе обнаружили алмаз. Так дорог алмаз, так сложно и тяжело его добывать. Поэтому чрезвычайно его ценят и строжайше учитывают.

В последующем при посещении алмазных партий я был осторожен, все время представляя себе, что нечаянно утерянный алмаз — это сожженный дом. Хотя алмаз, несомненно, дороже такого дома.

8

В январе 1960 года вновь пришлось ехать на Вишеру. Теперь — по предложению В. А. Перваго. Товарищи из экспедиции предупредили, что время выезда не совсем удачное, мы не сумеем увидеть процесса обогащения, да и морозы стоят крепкие. Но у Владимира Александровича, во-первых, были свои расчеты, а во-вторых, могут ли испугать вишерские морозы человека, прошедшего климатическую школу Дальнего Востока...

Группа во главе с В. А. Перваго выехала поездом на Соликамск. В Кизеле я подсел в их вагон. В купе сидели М. Н. Тупицын — председатель Уралтеркома, А. А. Корольков — главный геолог управления, А. А. Сергеев — начальник планового отдела. Разговоры вращались около геологических тем, всевозможных происшествий.

Внешность у В. А. Перваго очень запоминающаяся. В общем-то крупный мужчина, он подавлял окружающих не своей фигурой, а мощным сократовским лбом, нависающим над умными, слегка навывкате глазами. При встрече с ним почему-то хотелось любоваться не ладной фигурой, а именно этим лбом.

Голова была поистине сократовской! Человек удивительной памяти, он запросто мог цитировать высказывания собеседника по прошлогодней беседе.

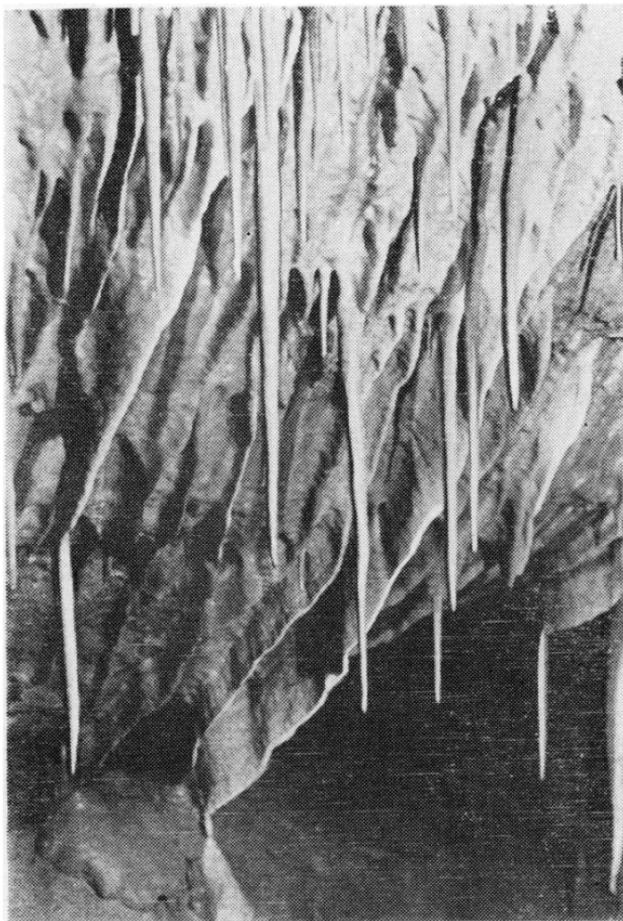
В своих действиях В. А. Перваго был весьма решителен. Иногда на совещаниях высказывается столько мнений, сколько присутству-

Ныряют в глубь земную трубы и штанги — метр за метром, день за днем. Наперекор прихотям погоды геологи ищут новые и новые месторождения.

Благодаря своей целеустремленности, трудолюбию Б. Д. Аблизин стал одним из самых квалифицированных и талантливых геологов-съемщиков треста да и управления.

Пещера «Геологов II». Чудное творение природы — сталактиты. На протяжении тысячелетий «вырастали» они из отложений известняка.

К. Е. Кожевников. За открытие в годы Великой Отечественной войны марганца на Урале он удостоен в 1946 году звания лауреата Государственной премии СССР.

Н. Д. Бабушкин, геолог высочайшей квалификации, энергичный и бескомпромиссный человек. В 1948—1953 годах работал начальником Северной экспедиции, а в 1953—1955 годах — начальником Уральского геологического управления.

Нередко геолог первым прокладывает тропы через нехоженую тайгу. На маршруте старший геолог В. Я. Алексеев и рабочая М. Б. Визуль с рудорозыскной собакой.

Идет шлиховое опробование речных отложений, рассев рыхлого материала по классам с помощью системы сит Шейкера.

После отсева определенный класс рыхлого материала отсаживается на ручной машинке джиге: авось сверкнет что-нибудь стоящее...

Времена, когда геологи ютились в палатках и разного рода временках, ушли в прошлое. Теперь для них строятся дома с приусадебными участками и хозяйственными пристройками. Так выглядит поселок Чашкино — база Соликамской геологической партии.

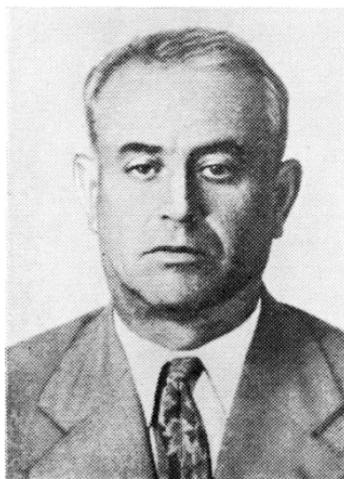

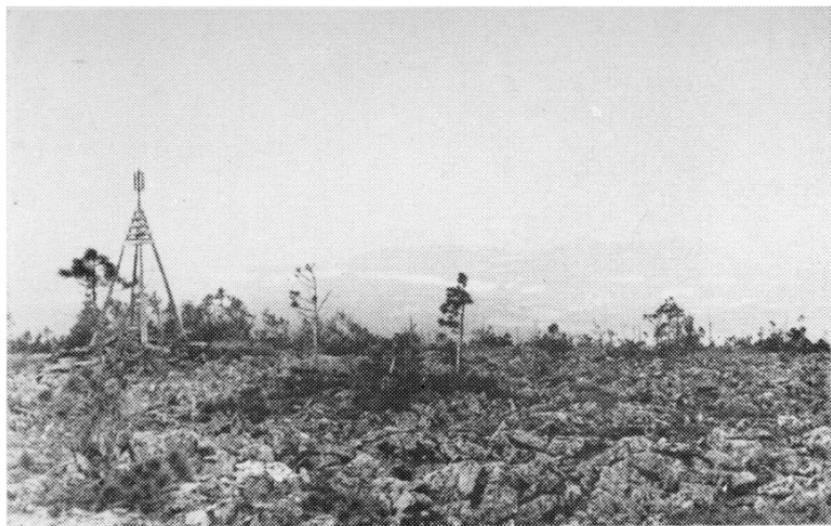
Камень Говорливый на реке Вишере Пермской области.

Б. И. Сапегин — главный геолог Соликамской партии.

И. Л. Соловейчик — куратор Министерства геологии РСФСР по Уралу. Один из первооткрывателей месторождений полезных ископаемых Колымы.

Нелегко геологу-съемщику прожить весь полевой сезон в глухих отдаленных местах, ходить ежедневно в таежные маршруты. Но наступит долгая уральская зима, и с нетерпением геолог ждет, когда можно будет вновь отправиться в тайгу, в горы.

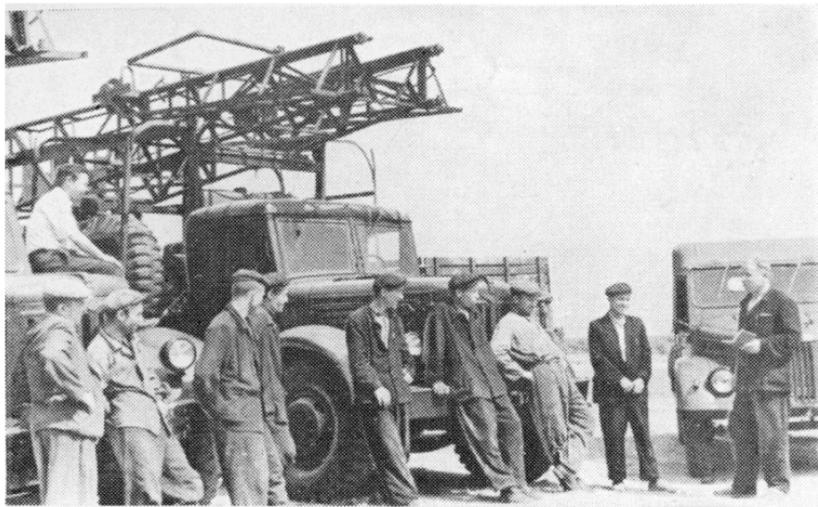
А. В. Пуркин — главный геолог Уральского геологического управления. За открытие вольфрамовых месторождений в Средней Азии удостоен в 1946 году звания лауреата Государственной премии СССР.

В. Э. Фуст — старший буровой мастер Соликамской геологической партии.

А. Д. Ишков — первый управляющий Пермским геологическим трестом. Первооткрыватель алмазоносных такатинских песчаников.

Главный механик Г. С. Лобачев проводит инструктаж перед выездом к рабочему месту на медистых песчаниках.

Л. Г. Погодин. После тяжелого ранения под Сталинградом вернулся на буровую (откуда был призван на войну) и научился бурить заново одной, да к тому же левой, рукой, стал отличным буровым мастером. Впоследствии многие годы работал начальником геологической партии.

Мойвинская геологическая партия в поле. Крайний слева
Б. Д. Аблизин.

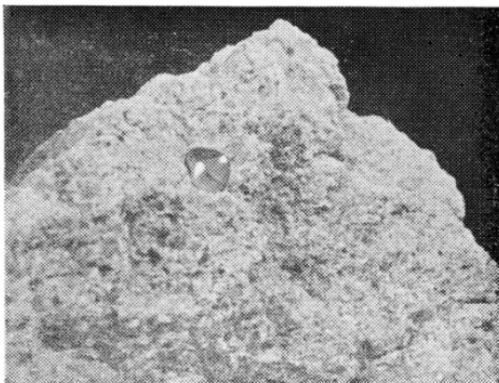
«Мансийский вижай». Зимняя база Мойвинского геологосъемочного отряда.

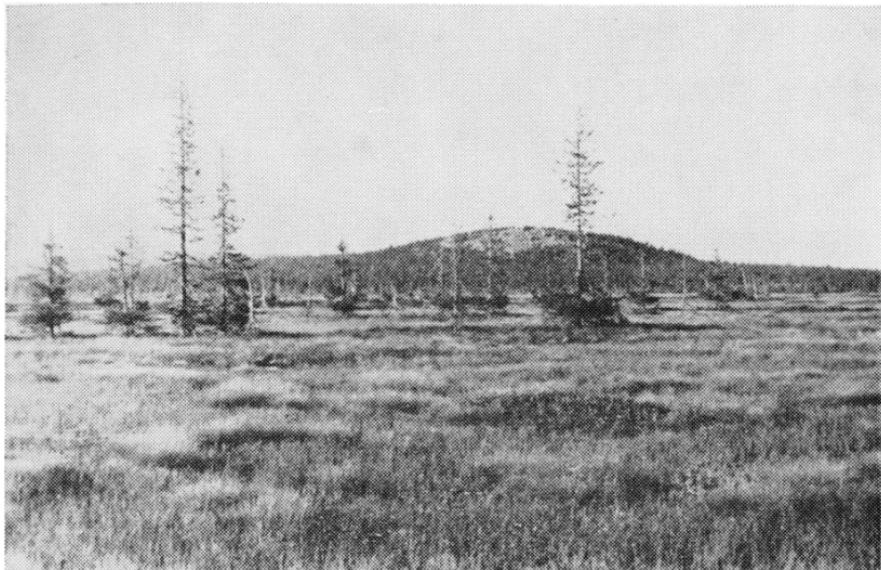
После напряженного рабочего дня каша с привкусом дымка от таежного костра особенно хороша. Стоит слева старший геолог-съемщик А. Н. Качанов.

Октябрь. Закончился полевой сезон, и геологи уезжают с последнего лагеря на зимние квартиры.

Алмаз, обнаруженный геологами в такатинских песчаниках.

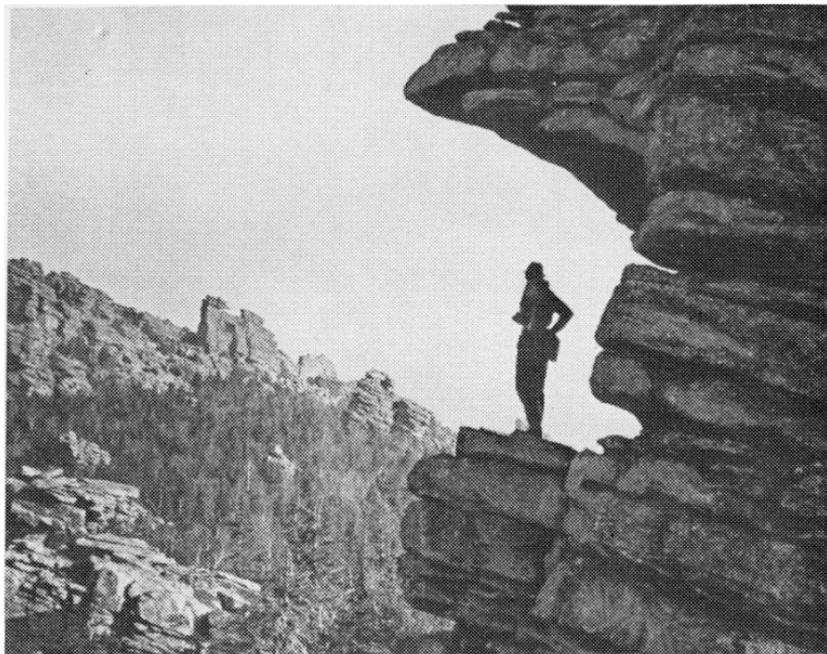
В сложных условиях приходится работать геологам на Вишере: выровненные широкие и заболоченные поверхности. Вдали гора Золотой камень.

Безбрежная тайга раскинулась вдоль Уральского хребта, и геолог первым проложил в ней тропы.

Порой единственная дорога, ведущая в геологическую партию, — река. Главный инженер геологосъемочной партии Л. В. Козельский направляется на один из своих объектов.

Какой огромный и интересный кусок истории земной коры связан с пермским периодом, который продолжался пятьдесят пять миллионов лет! В то время в широких масштабах проходили горообразовательные процессы.

В 1967 году во вновь выстроенной конторе треста был открыт минералогический музей, в создание которого много сил вложили геологи Е. А. Трубина и А. М. Таттари. В музее довольно полно представлены минералы, полезные ископаемые и породы края.

Торжественное собрание, посвященное 20-летию Пермского геологического треста (экспедиции). Слева направо: В. И. Ситников, А. И. Козубовский, В. И. Лещиков, Б. М. Алешин. 1978 год.

ющих. Порой эти высказывания взаимно исключают друг друга, и ведущему совет не так просто принять однозначное решение. В. А. Перваго такие совещания проводил блестяще, делал краткое и дельное заключение, которое, как правило, устраивало всех спорящих.

На Вишере мы решили забраться в самую дальнюю партию. В первый свой приезд я там не был. Ехать предстояло шестьдесят километров на машине и столько же на лошадях. По радию мы связались с партией, попросили выслать лошадей и на следующий день утром отправились в путь.

Выслали для нас шесть лошадей. На пяти из них ехали мы, на шестой — коновозчик партии. Дорога вилась по глубокому снегу, и только в один санный след. Мороз в тот день был отменный, как здесь говорят, зашкалило. Термометры показывали минус пятьдесят. Лошади шли с трудом, дышать тяжело. Я был предпоследним, за мной — Корольков. Вдруг я оглянулся и не обнаружил его на санях. Остановился. Откровенно — испугался! Куда же мог деться главный геолог? К счастью, немного погодя он показался: бежал, тяжело дыша. Оказывается, Корольков слез на минутку и уже не смог догнать свою лошадь. Вот вам и вишерские морозы! Я помог ему забраться в тулуп, и мы тихонько двинулись вдогонку своим друзьям.

Ехали мы пять часов. В партии нас заждались.

В ту пору этой дальней партией командовал Вениамин Артемьевич Дутов, могучий мужчина. Руководить ему коллективом было далеко не просто. Большинство рабочих имели за плечами разной длительности отбытые сроки наказаний — за всякие проступки. Работал этот народ чудесно, дело знал хорошо, но после полочки всегда отмечал «день геолога», который затягивался иногда на несколько суток. После торжеств опять наступал трудовой энтузиазм, до очередной полочки.

Вениамин Артемьевич решил драться с этим злом по-своему. Привозимую в местный магазин водку он не пускал в продажу, а пиво делил на две равные части и одну из них разрешал продавать. Стоило нам приехать, как мгновенно посыпались жалобы рабочих на «самоуправство начальника».

Вызванный на ковер В. А. Дутов спокойно разъяснил, что все он делает резонно, по справедливости: водку и дальше продавать не разрешит, а пиво делит по-братски: бочку — на продажу, бочку — себе! Позднее выяснилось, что и другие товары — яблоки, мандарины, ковры — он делил таким же способом...

У него и другие черты характера вызывали удивление работников экспедиции. Так, ему не страшен был никакой мороз. Обычный его наряд составлял — полушубок на майку (в рубахе жарко!) и резиновые сапоги на простой носок. В таком наряде он каждое утро обходил горные выработки, расположенные в пяти километрах от поселка. Забойщики, люди тоже не робкого десятка и довольно стойкие к морозам, разговаривая с ним, сначала дули на руки, потом постукивали валенками, а он еще и полушубок расстегнет.

Мужчина, не боявшийся ничего и никого, ходивший днем и ночью один по тайге, играючи разгружавший центнеровые мешки с сахаром для магазина, Дутов беспрекословно исполнял любые желания «лапушки», как он звал свою жену. Стоило ей появиться во дворе партии, где Дутов делал очередной разнос, как он мгновенно терялся и умолкал на полуслове.

В отличие от других начальников партий Вишерской экспедиции Вениамин Артемьевич не пользовался записными книжками. Он обладал феноменальной памятью. Его доклады отличались абсолютной точностью и четкостью и восхищали всех, но больше всего начальника Вишерской экспедиции Анатолия Михайловича Басса, сменившего на этом посту П. К. Кузьмина, который ушел на пенсию.

Сразу же по приезде в эти глухие места мы заинтересовались геологией месторождения, в разведке которого партия делала первые шаги. Докладывал нам Виктор Александрович Ветчанинов, молодой симпатичный геолог. Говорил он четко, со знанием дела, нисколько не пасуя, что слушает его руководство Уральского управления.

Ночевали мы в партии. Бревенчатые домики хотя и были сделаны на совесть, а не могли противостоять натиску морозов: окна покрыты толстым слоем инея, стены до окон и весь пол — с налетом льда! Вода в ведре замерзла. Круглые сутки топится печь, а температура чуть больше нуля.

И часто у вас такие холода? — клацая зубами, спросил М. Н. Тупицын.

— Считайте, что всю зиму, — сказал В. А. Дутов.

— Как же вы тут живете?

— Мы привыкли, не замечаем, — спокойно ответил Дутов, — и, между прочим, еще не плохо работаем.

— Не верьте ему, — вмешалась в разговор жена Дутова, — это худая привычка. Особенно тяжело ребятишкам. Они почти не раздеваются. А в камералке? Карандаш в руке держать невозможно!

На другой день мы вернулись в экспедицию, а потом посетили еще одну партию. Увидев нас, забойщик Зотик Камнацкий сразу заговорил о плохих инструментах.

— Разве можно работать кайлом, которое через полчаса загибается в бараний рог? — кричал он возбужденно. — А лопата? Вы знаете, каким инструментом я сейчас работаю?

Зотик отвел нас в сторону и показал кучу поломанных лопат и искривленных каёлок.

— Да-а!.. — протянул Тупицын. — А чем же вы работаете?

— У меня есть знакомый старик, — объяснил Камнацкий, — который работал здесь еще до революции. У него сохранились старинные кайла, на них и держусь. Неужели нельзя дать в руки горняку доброе кайло? — Он удивленно обвел нас вопрошающим взглядом и пожал плечами.

В самом деле, качество лопат и каёлок вызывало нарекания повсеместно. Одно дело копать ими огород, другое — долбить в забое горную породу. Складывалось впечатление, что в Министерстве геологии горным работам придают мало значения и не производят централизованного изготовления и поставок инструмента. Поэтому кайла, лопаты, бады — проблема. О более совершенной технике и говорить не приходилось.

В кабинет начальника Вишерской экспедиции А. М. Басса пригласили руководителей экспедиции и партий. Владимир Александрович Перваго подробно проанализировал всю деятельность вишерян. Анализ был очень полный и блестящий, как будто Перваго всю

жизнь трудился начальником Вишерской экспедиции. Я восхищенно толкнул в бок сидящего рядом со мною Басса и шепнул ему на ухо:

— Анатолий Михайлович, ты бы записывал. Готовый доклад для твоего актива!

Впервые довелось мне воочию постигать от Владимира Александровича Перваго его искусство руководителя.

Как правило, в поездки по партиям он подбирал бригаду специалистов с таким расчетом, чтобы охватить все стороны и специфику деятельности обследуемого хозяйства. После посещения запланированных объектов собирал инженерно-технический персонал и производил всесторонний разбор производственной деятельности. По-более всего анализировал геологию и экономику. При этом Перваго частенько ссылался на свой или чужой опыт из других управлений страны. Удивительней всего было то, как мгновенно постигал он геологию района, схватывая главное! Его бригадный метод поездок многие руководители уральской геологии взяли на свое вооружение.

9

Выехали бригадой на месторождение хромитов в Сарановскую партию, которой командовала Бронислава Григорьевна Дишер. Она долгие годы руководила одной из партий в Северной экспедиции, и я хорошо знал Дишер. Энергичная, даже сверхэнергичная женщина-геолог, окончившая Свердловский горный институт. Она знаменита хотя бы уже тем, что была единственной женщиной начальником партии в нашем министерстве. Руководила Дишер геологоразведочным хозяйством тоже по-женски, я бы даже сказал, по-матерински. Она никогда не приказывала, не повышала голос.

— Сеня! Эту перевозку буровой надо сделать обязательно сегодня, — обращалась она задумчиво к двухметровому великану, буровому мастеру. И тот, только что возражавший против работы в воскресенье, послушно отправляется на буровую.

Несколько грубоватое лицо Брониславы Григорьевны с пронзительными черными глазами сразу преобразалось, стоило ей произнести свое неотразимое: «Дорогой мой человек». В этой фразе всех

умиляло произношение: отсутствовали буквы «р» и «л». Своим хлебосольством она славилась среди геологов Урала. Вот и сейчас, по праву старой знакомой, Бронислава Григорьевна сразу же пригласила нас к себе домой.

— Подкрепись слегка — и работа веселее пойдет, — уверяла она, сопровождая нас к своей квартире...

Интересна история месторождения, на которое мы приехали. Несколько сот лет назад на горе Сарайной добывали красивый светло-зеленый гранат, который получил потом название «уваровит». Это довольно редкий минерал, а если кристаллы крупные, то и драгоценный. Встречается он в хромитах, по трещинам. Хромиты сначала принимали за хромистый железняк, а как руду их стало разрабатывать с 1899 года французское акционерное общество «Камские заводы».

В советскую эпоху в изучение этого месторождения много сил и времени вложил известный уральский геолог И. А. Зимин, считавшийся знатоком хромитов.

В 1937 году в Москве состоялся Международный геологический конгресс, семнадцатый по счету. В геологическом мире это событие сверхважное, ибо такие конгрессы собираются раз в три-четыре года, и каждый раз в другой стране. По установившейся традиции страна-учредитель приглашает виднейших геологов мира посетить самые интересные месторождения, геологические разрезы. Игорь Александрович предложил показать Сараны. С ним согласились.

Маститые ученые, пожилые и молодые, во главе с нашим академиком А. Е. Ферсманом прибыли на рудник. Спустились в шахту, покопались в отвалах, набрали образцов и вернулись в камералку, где их ожидала хорошо оформленная экспозиция сарановских руд. На самом верху витрины, на видном месте, красовался огромных размеров кристалл уваровита — гордость Зимины.

После долгих профессиональных разговоров, многократного ощупывания образцов хрестоматийно известные боги от геологии вышли во двор камералки. Игорь Александрович, весьма довольный произведенным впечатлением, напевал себе под нос бравурную мелодию, наводил порядок на столах. Вдруг он взглянул на верх эста-

кады и обмер: уваровита среди образцов не было! На ватных ногах он вышел вслед за гостями, отозвал в сторону А. Е. Ферсмана и сказал ему о пропаже.

Александр Евгеньевич весьма сочувственно выслушал его, поцокал языком и философски резюмировал:

— Такой образец и я бы украл!

Собравшись в конторе Сарановской партии, мы прослушали подробную информацию старшего геолога В. А. Кабанова о результатах разведки месторождения. Причин для особой радости не было. Перед партией стояла весьма ответственная задача — обеспечить надежные запасы для работы Сарановской шахты, которая стремилась выйти на проектную мощность. В этом случае запасы следовало удвоить! Получить же их можно только на глубине.

Месторождение хромитов геологически очень сложное. Три рудных тела почти вертикально падают вниз, разбитые к тому же разломами. По проектам геологов, буровики должны наклонно под большим углом пересечь эти тела. Задача очень трудная! Глубокие наклонные скважины не подсекают рудных тел. Эти тела ведут себя невыдержанно — выклиниваются по мощности или теряются в многочисленных разломах, и вполне возможно, что буровики не могут их поймать.

В. А. Кабанов разложил перед нами план месторождения и разрезы. Они необычны, и разобраться в них очень трудно. Поскольку тела падают вертикально, то и геологи проектируют разрезы тоже на вертикальную плоскость. Это непривычно, особенно для тех, кто видит подобное впервые. Понимая наше затруднение, Владимир Алексеевич тактично объясняет, как следует понимать эти графики, чтобы не заблудиться в их дебрях.

Наконец картина ясная. Запасов на самом деле недостаточно. Так придется писать в отчете и сообщать на рудник.

На карте месторождение походило на железную дорогу с трехколейными путями, и эти три «колеи» все время смещаются то влево, то вправо, как после землетрясения, упорно продвигаясь через весь планшет.

— Я давно ношусь с одной задумкой, — мечтательно и не очень смело заговорил вдруг Кабанов, — рядом с месторождением, чуть юго-западнее его, геофизики обнаружили огромную по площади гравитационную аномалию на глубине тысячи метров.

Он открыл шкаф и достал оттуда лист ватмана. На рисунке большим удлиненным полукругом чернело проблематичное хромитовое тело, а от него в виде длинных усов в разные стороны расходились две серии лучей. Три луча выбрались на поверхность, и Кабанов написал над ними: «Главное Сарановское месторождение». Другие лучи как бы терялись на полпути. Над черным полукружьем возможного рудного тела зеленела более мощная полоса вмещающей породы. Лучи прорывали эту породу.

— Вот! — прихлопнул Кабанов по ватману рукой. — Тут моя идея изложена графически. Это мощный массив ультраосновных пород по данным геофизиков, — он указал рукой на зеленую полосу, — а это рудное тело и одна из его ветвей — Сарановское месторождение. Оно как бы выжато на поверхность с глубины. Но эти выжимки лишь незначительная часть рудного тела. По идее, трещин, оперяющих массив, должно быть много, о них просто ничего не известно, потому я их до поверхности и не дотягиваю. На юго-востоке, около Тёсовского, нам известен еще один небольшой выход хромитовых серпентинитов. Существует ли глубинная связь между этими массивами, судить трудно. И проверить это можно только бурением. Вот такая обстановка. Для рудника она на сегодняшний день печальная, но перспективы могут оказаться многообещающими.

Владимир Алексеевич замолчал. Присутствующие сосредоточенно рассматривали лежащую на столе интересную схему. Вот с какой неожиданной стороны посмотрел молодой специалист Володя Кабанов на сложный Сарановский узелок. И он засверкал множеством неразгаданных, но интригующих тайн. Дерзко, умно! Приятно было встретить умного геолога, растущего на глазах, и приятно было вдвойне сознавать, что не ошиблись в нем. Год тому назад мы рискнули назначить его старшим геологом партии, и он уже успел не только разобраться в сложнейшем месторождении, но и заглянуть вглубь, в перспективу. Пусть даже его мечта не сбудется, пусть. Зато

в этой таежной глуши он творит, постигает искусство геолога. А мог бы уехать на свою Украину, где он учился.

— Что же вы предлагаете дальше делать? — спросил я Кабанова.

— Пробурить здесь несколько скважин.

— Глубиной? — уточнил В. И. Ситников.

— Около тысячи метров.

Идея была интересная, стоящая, и мы предложили Владимиру Алексеевичу написать небольшую записку, приложить к графику и направить все это в Уральское управление. Там много знающих геологов, и они более квалифицированно оценят идею Кабанова. Со своей стороны, мы будем стоять за ее осуществление.

10

Анатолий Михайлович Басс предложил мне съездить в партию, которая вела поиски золота в верховьях Вишеры.

Добираться туда не просто даже с базы Вишерской экспедиции. В то время из Красновишерска можно было отъехать на машине к востоку не более тридцати километров. Это летом. По зимнику — чуть дальше, до поселка Вая. Единственным путем в глубь Урала была Вишера, красивая горная река, берущая начало как раз в тех местах, куда нам хотелось попасть. До партии можно пробраться только на лодке или небольшой самоходной барже грузоподъемностью пять тонн.

Самоходная баржа «Алмаз» уже второй день стояла с грузом, готовая выйти в верховья. Ожидали меня. Когда я, наконец, прибыл, то застал капитана Ивана Аркадьевича Корейко нервничавшим: а вдруг вода спадет? Тогда баржа усохнет на полпути. В капитане было что-то от настоящего моряка — продубленное ветрами лицо, глаза с прищуром, богатырская грудь обтянута полосатой тельняшкой.

Кроме капитана, его помощника и меня, на барже ехали еще три пассажира — вновь принятые забойщики. Завели дизель, забросили на баржу канат. В путь! День только начинался. Капитан стоял со мной и глядел в сторону отдаляющегося поселка. Потом; он вздохнул и, отвернувшись, сказал:

— Таких два денечка потеряли!

— Сколько дней ходу? — спросил я, пытаюсь замаять свою вину.

— Обычно пять суток, а теперь не знаю...

— Понимаешь, Иван, я думал, что твой корабль ходит по Вишере в любое время. Поэтому и не спешил.

Капитан скосил на меня глаз, но, увидев, что я серьезен, уточнил:

— Нет, не все время, только сезонами.

В голосе его слышалось сожаление.

Оказывается, даже небольшие баржи могли ходить вверх по Вишере только во время весеннего или осеннего паводка. Вот и ловили речники эти десять-пятнадцать дней вишерского паводка, снаряжали баржи, загружая их до предела, отправляли в долгий опасный путь через множество порогов и перекатов. Так в партию забрасывали горючее, продукты, оборудование, рабочую силу.

С отчетами или другими поручениями кто-нибудь из сотрудников партии ежемесячно сплавлялся вниз по Вишере на лодке.

Богат и прекрасен вишерский край! Его невысокие горы покрыты густой зеленью лесов. Бугрится Полюд, чуть дальше виден Ветлан, а между ними теснятся горюшки пониже. Замком царицы Тамары красуется над безбрежной тайгой Помяненный Камень.

А река Вишера! Узорами горных пластов расписаны крутые ее берега. То справа, то слева, раздвигая стены известняков, вливаются в ее поток речушки и ручьи. На выположенных склонах долин горит ярким пламенем сплошной ковер иван-чая, желтеют лютиковые луговины. Ресницами нависают над водой подмытые горными потоками ели, осины. На самых макушках темнеют гордые кедры.

«Сюда бы Шишкина», — подумал я, очарованный увиденным, и вздыхал с горечью оттого, что этих красот не замечали мои спутники, и оттого, что прекрасные пейзажи, по всей видимости, так и не попадут на полотно художника.

К вечеру, проехав устье реки Щугор, пристали мы к крутому берегу.

— Здесь и заночуем, — предложил Корейко, — тут нас могут догнать на лодке, если что-нибудь забыли нам погрузить.

Поужинали. Я все не отрывал глаз от Вишеры. Пожалуй, впервые я так накоротке общался с большой рекой. Из-за облаков вынырнула луна, осветила противоположный берег. Ее отражение веселой дорожкой-змейкой побежало вверх и вниз по реке. На другом берегу по едва угадываемой ложбине чернели двумя рядами дома. В одном из окон сиротливо горел огонек: кому-то, как и мне, не спалось.

А река несла свои воды широко и свободно. Вот проплыло возле берега огромное бревно. Спотыкаясь о дно реки, оно изредка оставивалось, но неумолимое течение гнало его дальше. Длинные усы водяных струй отмечали каждую полузатонувшую лесину, выпирающую из воды.

— Давайте спать. Подъем буду делать рано, — прогудел в темноте голос Корейко.

На другой день вечером ловили рыбу на огонь, я жег паклю, облитую соляркой, а капитан сосредоточенно смотрел в темную воду, широко расставив ноги. Вдруг удар в черноту воды — и на остроге заблестела чешуей здоровенная щука. Всю дорогу мы питались рыбными блюдами, приготовленными всеуспевающим капитаном Корейко.

Подходим к перекату, над которым нависает гора Камень Молчан. Корейко объясняет это название так:

— Этот перекат преодолевают молча, хотя матерился бы каждую минуту!

Надрывающаяся баржа, казалось, стоит на месте, не в состоянии побороть бешеное течение реки. Иван, упрямо стиснув зубы, время от времени зыркает на меня отчаянно решительными глазами: движемся!

Чтобы уловить незаметное движение баржи, надо пристроиться рядом со стойкой, поддерживающей крышу на барже, и, закрыв один глаз, совмещать стойку с какой-либо точкой на берегу. Тогда заметно, как ствол дерева или скала постепенно смещается. Четыре часа пробивалась наша баржа через километровый перекат!

На пятый день пути мы пришвартовались у крутого вёльсовского берега. Нас ожидали. На высоком берегу маячили фигуры начальника партии Г. А. Памятных, геолога И. Н. Галахова, который работал теперь здесь, и рабочих.

Приступили к разгрузке. Капитан Корейко опять всех торопил. Опасался застрять на обратном пути, хотя вода еще держалась.

Оставив начальника партии около баржи, мы с Галаховым отправились в поселок. Проходя мимо кирпичных развалин, Игорь остановился и прокомментировал:

— Это остатки французских доменных печей. Смотрите, какая кладка! А руду сюда доставляли из Кутима, за сто километров.

В поселке мы задержались недолго. На второй день сходили к шурфам. А вечером Галахов предложил отправиться с ним еще километров за сто вверх по реке, дальше, до ее истоков у самых Уральских гор. Этот совместный поход, как понимал его Галахов, был на перспективу. Игорь влюбился в этот край и, зная историю освоения, рассказывал, как грабили его до революции французы. Он высказал догадку, что под флагом добычи железных руд французы хищнически вывозили вишерское золото.

Галахов божился, что, если я с ним пойду, он покажет мне такое, что я не видел никогда, даже упомянул золотую бабу — идола мансийцев. Ну как тут не поддашься на такую агитацию? Я тоже геолог. Решил на пару дней отключиться от треста и двинуться в путь с этим фанатиком.

Отправились мы на моторке, но не прошли и десятка километров, как оборвало винт. Исправили. Прошли еще столько же — винт поломался окончательно.

— Пойдем на багре, — утешил Галахов.

Он достал со дна лодки длинный багор и стал на корму. Лодка была особая, длинная и узкая — настоящая пирога. Толкая ее, мы шли вперед довольно быстро. Навстречу нам проносились лодки, груженные сеном, бочками. Игорь кивнул в сторону бочек и зло бросил:

— Браконьеры! Видите, сколько хариуса угробили!

Ночь застала нас в пути. Переночевали у костра. Утром, чуть свет, Галахов наварил уха, и, позавтракав, мы двинулись пешком на восток. Прыгая с одной лесины на другую, с кочки на кочку, по пояс в траве, мы шагали через тайгу километров пятнадцать, ориентируясь по компасу, по редким просекам. Когда силы уже были на исходе, показалась долина, где был исток реки.

Сбросив рюкзаки, вымыли водой лицо и руки. Совсем раздеться было невозможно: тучи комаров немилосердно атаковали нас со всех сторон.

Утолив зверский аппетит консервами, мы отправились на закопшки, в которых Игорь находил золото. Взяв ковш, он набрал немного песка, отмыл шлих и, торжественно, на пальце, протянул мне несколько золотинок. Я впервые видел, чтобы так быстро отмывалось золото ковшем.

— Александр Иванович, будущее за этим краем! Здесь каждая река по-своему интересная, клянусь вам, — уверял меня Галахов, отгоняя веткой мошкарку.

Агитация бывает разная. Просьбы можно тоже высказать по-разному. В тресте начальнику партии надо долго и нудно убеждать собеседника, с кучей бумаг ходить из кабинета в кабинет. Галахов сделал это наглядней — показал шлих. И стало ясно, что необходимо усилить партию техникой, людьми.

А еще Галахов агитировал своей одержимостью. Геология для него «одна, но пламенная страсть». Ради интересных геологических перспектив, находок он готов идти хоть на край света. Бросив обжитую квартиру в Промыслах, он перемахнул на самый север области только потому, что там геологу было интересней, там были нехоженные тропы.

Обратно до партии мы добрались быстрее, а еще быстрее — из партии в экспедицию. Я вызвал вертолет, и через час был в Красновишерске.

Зачем же я потратил пять дней, чтобы ползти на барже? Отвечу: хотя бы раз я должен был, грубо говоря, на своей шкуре ощутить всю тяжесть освоения этого края, узнать путь, которым Вишерская

экспедиция забрасывает груз, людей и оборудование в отдаленные районы, тратя ежегодно много сил и энергии на «малую навигацию».

Теперь я четко знал, что если Вишерская экспедиция просит срочно отправить грузы под навигацию, то это не блажь, а необходимость, и что к большой воде вишеряне надо непременно снабдить всем необходимым. Если вишеряне расписывают тяжести освоения, то это не от трусости и неумения, а таково истинное положение дел.

На долгие годы у меня осталась уверенность, что бассейн Вёlsa нетронутый, необследованный край, на который надо обратить самое пристальное внимание. Будет ли там большое золото, о котором с восторгом говорил Галахов, или нет — другое дело, но то, что край необходимо тщательно изучать, — не подлежало сомнению. И в первую голову изучать его надо геологам-съемщикам. У того же И. Н. Галахова геологической карты не было.

Часть 5

Трестовские горизонты

1

Пермская область находится на сочленении Русской платформы с Уральским горным сооружением. До сего времени трест занимался изучением предгорной части области, а это лишь треть ее территории. Вторые две трети оставались вне поля деятельности геологической службы, хотя мы несем ответственность за изучение всей области.

На равнинной части в свое время добывалось много меди. Вокруг Перми и на юге области имеются немалые залежи строительных и поделочных гипсов, флюорита, волконскоита. А сколько еще неизвестного можно обнаружить при более тщательном изучении просторов Прикамья? Мы совсем не занимались здесь поисками и разведкой стройматериалов, а что мы знаем о гидрогеологии? Правда, на платформенной части работали геологи-нефтяники, но они искали только нефть.

Повседневная работа все больше убеждала нас в том, что трест, как областная ведомственная служба, должен находиться в Перми, в центре области. Отсюда легче организовать геологическую службу и осваивать всю территорию.

Многие областные организации и созданный к тому времени совнархоз — потребители минерального сырья — также находятся в Перми. Отсюда начинается поток большой пермской политики, а геология не в русле этого потока.

Мы понимали, что без всестороннего развития геологии немислимо комплексное развитие экономики края.

Участились выезды в Пермь, особенно в совнархоз. Дело дошло до того, что приходилось неоднократно поручать созданной к тому времени съемочно-тематической экспедиции представлять трест на различных областных собраниях и совещаниях.

В обкоме КПСС, облисполкоме и совнархозе я заручился поддержкой на перевод треста в Пермь.

К тому времени В. П. Зылёв оканчивал для своей экспедиции строительство двухэтажной конторы в Балатово. Виктор Павлович предложил приспособить под контору треста занимаемый им по улице Большевикской домик. Он был мал для треста, но лиха беда начало.

Управление не сразу, но тоже согласилось с нашими доводами. Выделили деньги на строительство двенадцатиквартирного дома. Строить его поручили тому же Зылёву. Перевести трест в Пермь решили, не дожидаясь ввода жилого дома. Хотелось эту операцию организовать так, чтобы не пострадало производство, чтобы экспедиции и партии работали в прежнем ритме, чтобы не ослаб контроль за ними со стороны треста.

Ясно, что переводить в Пермь весь аппарат не следовало. Предстояло отобрать кандидатуры отъезжающих. После долгих обсуждений остановились на пятнадцати сотрудниках. Остальных надеялись подобрать в Перми.

Переехавшие трестовцы в ожидании квартир месяца три жили в деревянных домиках. Совместная жизнь в спартанских условиях была едва ли не самой светлой страницей нашего тогдашнего быта. Утром — общий подъем, потом поездка на работу, обед в столовой.

После работы совместный ужин в каком-нибудь из домиков, купание в пруду или походы в лес.

Неустроенность быта, оторванность от семей сблизили людей крепче, чем сама работа. И эта дружба, скрепленная совместными лишениями, еще долгие годы сказывалась на слаженности работы аппарата.

2

Приступили к выполнению одного из пунктов программы-максимум: созданию специализированных подразделений. Решили начать с гидрогеологии.

Почему-то в геологическом управлении сложилось ошибочное мнение о том, что в Пермской области не существует проблемы воды. Не знаю, чем руководствовалось в своих рассуждениях управление и его главный гидрогеолог А. Ф. Прейс, который заявил мне об этом без обиняков. А между тем некоторые города и предприятия уже тогда испытывали большой дефицит воды и не знали, как выйти из бедственного положения.

Предварительные прикидки в облисполкоме, совнархозе и университете убедили всех в том, что пермскую гидрослужбу нужно создавать обязательно. Работы гидрогеологам будет предостаточно, направление это явно перспективное.

Новый начальник управления А. А. Корольков отнесся к нашей идее сочувственно. Здесь, впрочем, немалую роль сыграли настоятельные письма облисполкома и совнархоза.

Для затравки управление передало свою гидросъемочную партию, которой руководили Л. А. и И. А. Шимановские. Решено было также перебросить под Пермь одну из угольных партий. Выбор остановился на Северо-Кизеловской партии, которой командовал В. К. Ревин.

Он объездил все окрестности Перми и в поселке Сыльва обнаружил полуразрушенные строения нефтеразведки. Около этих домиков и решили создать гидрогеологическую буровую партию. Василий Карпович решил перебазировать на новое место всех геологов, буровиков, механизаторов. Набралось более восьмидесяти человек. С каждым из них В. К. Ревин разговаривал лично, выясняя, что хотел

бы иметь сотрудник на новом месте. Большинство заявили, что мечтают об отдельном домике и огороде, чего в Кизеле они были лишены. Отсюда у Ревина сложилось убеждение, что надо строить добротный поселок многоквартирных домов и к каждой усадьбе прирезать несколько соток земли.

В партии срочно приступили к постройке таких домов и столярки. Прибыла большая бригада строителей. Поселок расположили на крутом берегу Сылвы.

Мы очень боялись, что при передислокации партии растеряем кадры по той причине, что буровикам предстояло осваивать совершенно новый вид бурения. Но, к счастью, никто из кадровых рабочих не уволился, мы сохранили партию. Кизеловцы с удовольствием переезжали на новое место, и здесь со временем вырос один из лучших геологических поселков во всем Уральском управлении.

В. К. Ревин умел строить. Поселок, мастерские, детский садик, склады — хорошая память, которую оставил о себе этот талантливый и трудолюбивый руководитель. Ну и самая большая заслуга, создавшая ему славу, чудесная гидрогеологическая партия!

Хорошо помню, как буровики В. К. Ревина проходили первую скважину на воду у створа Камской ГЭС. Надо было пробурить ряд скважин глубиной по двадцать метров. Вроде небольшая глубина и станок УКС немудрящий, но сноровки нет, и дело не идет. И вот убеленные сединой знатные буровики-угольщики топчутся около станка, разводят руками. Не давалось бурение гидроскважин, не научились еще сажать фильтры, производить откачки. А сколько насмешек пришлось перенести бедным угольщикам!

До поздней ночи горел свет в только что перевезенной конторе. Начальник партии, главный инженер, прораб по бурению склонились над учебниками и пособиями — постигают технологию гидробурения. Все внове, все незнакомо, а головы-то уже с сединой! И ведь освоили гидробурение, победили.

Имея за плечами огромную жизненную школу, пройдя все ступеньки служебной лестницы от рабочего до начальника, Василий Карпович легко ориентировался в любой ситуации. Поэтому его авторитет в партии был необычайно высокий и незыблемый. Он был

стержнем партии, создателем и вершителем всех задумок. Очень наглядно он преподавал урок молодому инженеру-буровику, который пожаловался, что у него нет авторитета.

— Видишь ли, — проникновенно сказал ему Ревин, — если бы авторитет отпускали на килограммы или литры в нашем складе, я бы с удовольствием написал записку, чтобы тебе его пустили. Но его на складе нет, милый, — с сожалением покачал он головой, — его надо добывать упорным и долгим путем. И не кому-либо, а самому, только самому. Вот в чем дело!

К слову сказать, инженер оказался понятливым парнем, и своеобразная учеба Ревина пошла ему на пользу.

С гордостью думаю, что в том авторитете, который завоевали пермские геологи, удельный вес партии Ревина едва ли не самый большой!

3

Трест приступил к поискам меди. Энтузиасты медной проблемы сосредоточились в экспедиции В. П. Зылёва. Главный из них Ю. А. Нечаев, жизнерадостный, энергичный геолог. Приехав как-то в трест, он атаковал меня стремительно и напористо. Ему казалось, что управляющий трестом реакционер по должности, наверняка его не поддержит, и он припас все аргументы, которые у него накопились: разрезы, схемы, таблицы.

О медных рудах, пермских медистых песчаниках известно и очень много, и... очень мало. В Перми Великой медь добывалась издавна тем загадочным народом, имя которому — чудь. Но только в 1640 году был построен первый в Прикамье Пыскорский завод. Сохранилась грамота, выданная Московским царем:

«Божю милостию, Мы Великий Государь, Царь и Великий Князь Михаил Федорович, всея России самодержец, пожаловали есмь с Камы-реки, Преображенского Пыскорского монастыря архимандрита Гермогена с братиею, или кто по нем в том монастыре архимандрит и братия будут. В прошлом, во 143 (1635) году по нашему государеву указу, посланы с Москвы к Соли-Камской для нашего

рудознатного дела гость Надея Свешников, да подьячий Илья Кириллов, да с ними иноземец рудознатец немчин Арист Петцольд, с иными мастеровыми с русскими и немецкими людьми. И приехав они к Соли-Камской иноземец Арист прежнего мельничного заводу, где было быть нашему медному делу у Григоровой горе, досматривал и сказал, что то место на мельницу не годно потому, что тут в речке вода мала... Да у них же, Пыскорского монастыря у архимандрита Гермогена с братиею, за Камой рекой взят луг для медного дела, да угольных пожегов на кровлю...»

Смысл этой грамоты таков, что немцу Петцольду и купцу Светешникову давались полномочия изымать (даже у монастырей) земли, если там окажется медная руда.

В этой же грамоте царь предлагает людям руду от него не таить, а докладывать уполномоченному, которому велено за такие сведения платить деньги. Контроль за медеплавильщиками возлагался на зажиточных крестьян, которые в случае недосмотра и убытков казне отвечали головой и имуществом. Таких надсмотрщиков звали целовальниками.

Это были люди, которые клялись верой и правдой служить царю и, присягая ему, целовали крест.

При Петре I Россия вышла на первое место в мире по производству меди — плавил до 187 500 пудов в год. На пермской земле в разное время существовали десять крупных медеплавильных заводов. Последний, Юговской, закрылся в 1903 году. Многочисленные отвалы пород, старинные пруды да остовы заводских корпусов — немые свидетели добычи меди в Прикамье.

Основной причиной для прекращения выплавки меди в Перми послужило открытие богатых месторождений на Восточном Урале, Алтае, а также за рубежом.

Несколько слов об Аннинском заводе, располагавшемся недалеко от Кунгура. Как известно, в Екатеринбурге (Свердловске) при медеплавильном заводе имелся монетный двор. Он сгорел. Чтобы заделать брешь в монетном производстве, оборудование завода вывезли в Аннинское, где многие годы «били» медную монету. На этих монетах внизу стояло две буквы: АМ — Аннинский Монетный двор.

Аннинский завод по тем временам был очень крупный. Там действовало двадцать плавильных печей.

К пермской руде вернулись только в советское время. Был составлен пятнадцатилетний план поисков и эксплуатации медных руд. Но разведка не дала ожидаемых результатов, и медь опять позабыли.

Вторично проблему меди подняли пермские геологи Н. И. Чернышов и Ю. А. Нечаев. Новых данных было немного. Просто анализ скопившегося материала заставлял с позиций XX века более внимательно взглянуть на повсеместное распространение медистых песчаников в более глубоких горизонтах, куда наши предки не могли добраться.

Ю. А. Нечаев предложил вновь изучать медную проблему методом маршрутирования и бурением профилей глубоких скважин. Эти работы должны вестись по всей области, но преимущественно в западной части. На полученных материалах Нечаев пытался выяснить, как шло образование медных руд и где они преимущественно отлагались.

Энергичному началу медной кампании неожиданно послужили события, на первый взгляд как будто не связанные с медью. В Перми обрушилось несколько зданий. Появились трещины на домах в Балатово и на Городских Горках.

Горисполком создал комиссию, которую возглавили приехавшие из Москвы товарищи. К определению причин обвалов комиссия привлекла геологов. В результате сопоставления всех материалов выяснилось, что два района города—Горки и Балатово — застраиваются на отработанных шахтных полях. Сначала комиссия, напуганная разрушениями и количеством подземных выработок, предложила нашему тресту прекратить все работы в других местах, а имеющуюся технику срочно перебросить на разбуривание и изучение района Городских Горок. Потом возобладало более разумное и спокойное мнение — разобраться внимательнее. Да и денег на эту операцию потребовалось бы несколько десятков миллионов.

С результатами выводов комиссии нас вызвали в Москву. Докладывали мы заместителю председателя комитета по строительству

В. Ф. Промыслову, теперешнему председателю Мосгорисполкома. Возглавлял нашу группу Е. Н. Галкин, председатель Пермского горсовета. В. Ф. Промыслов привлек к обсуждению крупных экспертов, ученый мир, и в результате была выработана такая линия: весь город разбуривать не надо. Под каждым вновь строящимся домом следует пробурить только восемь скважин по периметру. Обурить дома в зонах возможных обрушений. Рядом с провалившимся домом пройти шахту и более подробно изучить причину обвала.

Работы развернули быстро, поручили их В. К. Ревину. Определили ему годовой план бурения, равный примерно официальному плану треста. За шахту взялись проходчики комбината «Кизел-уголь». К исследованиям подключили также геофизиков.

Интересные результаты получили мы в ходе работ. Оказывается, Городские Горки на самом деле застраивались на полях медных шахт. Руду из них добывали двумя горизонтами: на двенадцати и двадцати четырех или тридцати метрах. От шахтных стволов в сторону Егошихинского лога наши предки пробивали наклонные штреки для отвода грунтовых вод. Не имея техники, они весьма умно решали проблему шахтного водоотлива!

Интересно, что когда из новой шахты врезались в старую выработку, то она оказалась совершенно сухой. Дубовая крепь звенела, как новая! В штреке нашли лопату, которая пролежала там около двухсот лет, совершенно не заржавев. И мне вспомнился забойщик с Вишеры Зотик Камнацкий, который сетовал на плохое качество кайл и лопат. В результате длительных исследований удалось установить, что на старых выработках дома строить можно: штреки были узкими, и руду добывали без обрушений. Угрозу могли представлять только стволы шахт, но на них дома попадают весьма редко. Геологические описания тысяч пробуренных в Перми скважин оказались хорошим подспорьем для Ю. А. Нечаева.

Поиски меди и проведение буровых работ на геологических профилях широтного направления мы поручили начальникам Кояновской (медной) и Скальнинской (угольной) партий — Ю. А. Нечаеву и Л. Г. Погодину. У них в характере заложено умение исполнять работы, где требовалась бурная организаторская деятель-

ность, бьющая через край инициатива. Леонид Григорьевич мог весь коллектив, как говорят, посадить на коня. Так он осваивал многие месторождения на Восточном Урале. Правда, широтные рейды по Прикамью были намного сложнее, но и Погодин стал намного опытнее.

Он сумел вселить энтузиазм в буровиков-угольщиков, тяжелых на подъем, и семь бригад, ремонтная служба и даже контора — всего сто тридцать человек во главе с начальником партии — были готовы к походу. В начале мая 1962 года трест получил телеграмму: «Тридцать вагонов будут поданы под погрузку десятого мая. Прошу при-быть на проводы. Погодин».

Не менее энергично действовал и Юрий Андреевич. Я выехал в его партию. Она располагалась недалеко от Кирова. Машина легко катилась по Казанскому тракту. Пермь — Оса — Ижевск — Вятские Поляны вот маршрут, по которому нам предстояло ехать, и это один из самых коротких профилей партии по поиску меди, для которой трудились буровики Погодина. В лагере Ю. А. Нечаева мы пересели на лодку и под стрекот мотора отправились вверх по реке Вятке. Там Нечаев обнаружил интересные выходы руды.

Нечаев хотел убедить меня в том, что медные растворы, источником которых все мы резонно считали Урал, могли уноситься очень далеко и что, исходя из этой гипотезы, медные руды можно искать за многие сотни километров от горного хребта. В крутом берегу Вятки мы на самом деле увидели медистые песчаники, но медная минерализация оказалась незначительной.

Планируя поиски меди на огромном пространстве от Урала до Волги и от Кирова до Оренбурга, Ю. А. Нечаев исходил из геологических предпосылок. Он знал, что на этих просторах существовало некогда пермское море и что сотни рек, энергично размывающих Уральские горы, уносили имеющуюся там медь и отлагали ее в прибрежных морских песках.

Но Нечаев еще многого и не знал. Ведь пермское море неоднократно наступало на Урал и отступало в глубь современной России. Геологическая наука учит, что медные растворы в морском бассейне оседают только в прибрежной зоне. Выходит, Нечаев своими ши-

ротными профилями ловил берега пермского моря, что, согласитесь, не так просто. Юрий Андреевич также не знал, в каком минеральном облике отлагается медь в глубоких горизонтах пермских песчаников: в виде халькопирита, халькозина или ковелина? Наши предки брали только очень богатую, хорошо различимую халькопиритовую руду. А как быть с рудой, где медь можно установить только химанализом? Какая это руда, где ее искать и как? Все это надлежало выяснить.

Геологи Нечаева разбились на две группы. Одна отправилась на изучение палеогеографии пермского времени вдоль всего Западного Урала, а другая, во главе с Нечаевым, приступила к поискам меди посредством бурения. Юрию Андреевичу хотелось найти месторождение, не дожидаясь решения глобальных проблем.

4

Назрела необходимость проведения трестовской геологической конференции. За четыре года деятельности треста накопилось много материала. Хотелось послушать, что скажут геологи с мест.

Первую попытку организовать конференцию я предпринял еще в Кизеле, в 1959 году. Но опыта в проведении таких конференций не было, да и пермскую геологию я представлял тогда весьма смутно, не совсем хорошо знал возможности треста и нужды области. Без этого же проводить областные собрания геологов бессмысленно.

Самая запутанная проблема, с которой сталкиваются геологи Пермской области, — происхождение алмазов. Полторы сотни лет пытаются геологи понять, как, откуда оказываются алмазы в речных отложениях?

Исследователи разбились на два лагеря. Одни считают Урал очень подвижным участком суши, где не могло быть условий образования кимберлитов, а значит, алмазы пришли на Урал издалека. Другие, напротив, полагали, что после образования гор Урал и Приуралья вели себя как жесткая платформа, а значит, создались условия для возникновения кимберлитовых трубок. Второй группе

исследователей хотелось доказать уральскую прописку алмазов. Обе группы пока не имели прямых и веских доказательств.

Важный шаг в поисках первоисточников предприняли геологи, в числе их был А. А. Кухаренко. Они провели опробование ультраосновных пород приводораздельного Урала, которые могли считаться потенциальными источниками алмазов. Кухаренко был уверен, что коренные источники алмазов на Урале существуют! Он не знал только, какие они. Кухаренко утверждал, что первоисточниками алмазов могут быть наиболее глубинные и наиболее основные породы интрузий, образующих своеобразный пояс Урала, и что скорее всего ими окажутся малые интрузии западной зоны.

Большинство геологов, особенно противники уральских кимберлитов, как раз и не обращали внимания на малые интрузивные тела, истово веря, как я уже говорил, в то, что кимберлиты на Урале быть не могут. Надо сказать, что геологов сбивали с толку некоторые обстоятельства: в аллювии уральских рек, где есть алмазы, не обнаружено их спутников — пиропов, без которых нахождение алмазов в коренных породах объяснить трудно.

Пироп, красный гранат, — это тень алмаза. Как немислимо в солнечный день отделить какую-либо вещь от ее тени, так и невозможно представить в кимберлите алмаз без пироба. А на Урале пиропов нет! Куда они делись? Загадка. Далее. Во всех месторождениях мира крупные и мелкие кристаллы алмазов находятся вместе, чего нельзя сказать об Урале.

У геологов возникло предположение, что алмазы могут быть принесены издалека. Выходит, правы те геологи, которые отстаивают неуральское происхождение алмазов. Кстати, они готовы «транспортировать» алмазы даже с Кольского полуострова!

Мог быть и другой вариант длительного перемещения алмазов. Вероятней всего, они бесконечно долго кочевали по древним уральским рекам и морям, попадая из породы в породу, куда бросала их геологическая судьба. Тогда надо признать древний возраст уральских алмазов и во что бы то ни стало искать, искать кимберлитовые трубки!

Вопросов возникало много, и все они были головоломные.

Летом 1962 года в Пермь съехались геологи-алмазники из всех; партий треста, а также гости из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Ленинградцы приехали во главе с видным геологом-алмазником Ю. Д. Смирновым. Кстати говоря, в Ленинграде, во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте (ВСЕГЕИ), подобрался весьма сильный коллектив геологов-алмазников, ранее работавших на Урале. Вооруженные новейшими методами и техникой, они самоотверженно исследовали алмазную проблему, не изменяя Уралу. Ими двигало одно чувство — раскрыть тайну происхождения алмазов на Урале.

Вместе с Ю. Д. Смирновым прибыли его соратники: Н. А. Румянцева, Г. Н. Келль, Н. Г. Боровко. Из Москвы приехал наш куратор, главный специалист Геологического комитета РСФСР по алмазам Г. П. Романов.

Собрание геологов сразу приобрело боевой характер. Решался принципиальный вопрос: куда относить западный склон Урала — к геосинклинальной или платформенной зоне?

Н. А. Румянцева доложила о своих новых находках ультраосновных пород. Ее сообщение приняли по-разному: кто с восторгом, а кто с недоверием.

Обстоятельно о поисках первоисточников алмазов на Урале рассказал Ю. Д. Смирнов. Он утверждал, что источники могут быть первичные и вторичные. Доказывал, что коль алмазы в россыпях распространены в некоторых реках Западного Урала, то источников или трубок тоже должно быть несколько. Изверженные тела, обнаруженные недавно Румянцевой, надо искать и в других местах: на Среднем и Северном Урале. Это значительно расширяло перспективы поисков.

Далее. Если перемещение алмазов от трубок до россыпей было длительным, то следует допустить такую мысль: кимберлиты образовались после создания Уральских гор или еще раньше, в период расколов фундамента Русской платформы вблизи уральского пролива, разделявшего в то время Европу и Азию.

В докладах Г. Н. Келль и Н. Г. Боровко говорилось, что история уральских алмазов вынуждает геологов искать и более близкий ис-

точник, но уже не коренной, а вторичный. Они назвали несколько пластов, которые, по их мнению, представляют собой древние речные или морские отложения. Вот эти-то отложения докладчики и предлагали опробовать на алмазы в первую очередь.

Совещание приняло рекомендации, которые на долгие годы наметили пути решения алмазной проблемы.

5

Лучшее время, когда геологу доступны для наблюдения породы, это отсутствие снежного покрова. Такое время наступает в конце мая и заканчивается к середине октября. Мы его называем полевым сезоном.

К этому сезону готовятся долго и упорно геологи-съемщики — первопроходцы троп в геологическую историю страны.

Время случайных открытий давно кануло в Лету. Все, что лежало сверху и мало-мальски было доступно опытному глазу «рудознатца», уже известно и, пожалуй, использовано. А то, что лежит в глубине, без специальных знаний и техники не обнаружишь.

Любому геологу в работе нужна карта, на которой указаны породы, слагающие данный район. Без карты геолог не может проводить грамотно исследования. Такую карту создает геолог-съемщик. Для этого он должен ежегодно уходить в поле, видеть натуру и переносить ее на планшеты. Геолог-съемщик — это тот романтик, о котором так много слагают, поют песен. Это он, и только он, ходит с рюкзаком, спит в палатке, не бреет бороды. Как никто другой, геолог-съемщик должен хорошо знать геологию, породы, минералы. Уже в поле он пытается определить, в какой же части обнаруженных им пород или пластов могут скопиться характерные для них минералы. Иногда ему везет, и так здорово, что он прямо в маршруте находит, например, магнетитовую руду. Тогда он ставит здесь детальные работы: проходит шурфы или скважины, а то привлекает геофизиков, эти видят глубже благодаря своим приборам. Нанеся участки на карту, съемщик передает все материалы, как эстафету, другому геологу, разведчику.

Подготовка к выходу в поле — наиболее ответственный момент в деятельности съемщиков, и начинается она сразу же после возвращения с поля. Осень, зиму и весну ведется обработка маршрутных записок, наблюдений, изучение каменного материала. Вся эта информация систематизируется, заносится на различные карты, разрезы. Это, так сказать, камеральная обработка.

Уже в начале года начальники съемочных партий приступают к подбору оборудования, снаряжения для заброски к месту полевых работ. В тайге, вдали от поселков, на сотни километров разбрасываются палаточные городки — основные базы и временные стоянки.

Но при всей романтике палаточной жизни, согласитесь, тратить ежегодно целое лето на работу в тайге хоть кому трудно. Многие геологи годами не имеют летних отпусков. Некоторые съемщики рассказывали мне, что к концу сезона уже нет сил ежедневно ходить в таежные маршруты, врубаться в лесные заросли, преодолевать на каждом шагу завалы, ежесекундно воевать с армией комаров и мошкар. Не выдерживая этих нагрузок, они ведут счет оставшимся дням.

А на следующий год эти же ребята с большим нетерпением высчитывают время, когда можно будет вновь отправиться в тайгу!

Чуть подробнее хочется рассказать о геологе-съемщике Борисе Аблизине.

В 1954 году, после окончания университета, Бориса направили в Серебрянскую съемочную партию. Он был геологом, старшим геологом, а в 1962 году стал начальником Мойвинской партии. Работать приходилось на сложном разрезе, на геологически слабо изученных толщах. Требовались большое терпение, знание, чтобы в древних, измененных до неузнаваемости, пластах распознать их первоначальную природу, определить их историю. Тысячи километров исходили по маршрутам неутомимые ноги Бориса, десятки бессонных ночей провел он в тайге у костра, дома в Перми, рисуя и отстраивая складки древних пластов, разломы, сдвиги, сбросы...

Высокий, атлетического сложения блондин, он покорял всех своей одухотворенностью, любовью к геологии, к природе. Его открытое лицо, серые, очень честно смотрящие на мир глаза были зер-

калом такой же открытой и богатой души. С ним легко работалось молодым геологам, особенно студентам-практикантам, которые, поработав у Аблизина хотя бы один сезон, делали все возможное, чтобы попасть к нему опять.

В партии Аблизина никогда ничего не случалось. И не зря его жена Светлана Александровна как-то при встрече сказала мне, что она всегда спокойна за своего мужа. Судьба жен геологов-съемщиков чем-то сродни судьбе жен моряков, летчиков или разведчиков.

Аблизин стал одним из самых квалифицированных и талантливых геологов-съемщиков треста, да и управления. Таким он стал благодаря своей целеустремленности, трудолюбию. Таким он сделал себя сам!

Та же Светлана Александровна рассказывала со смехом, что дома Борис с трудом запоминал, где лежат его носки, зато помнил все номера выработок, которые ему довелось видеть за двадцать лет работы в поле, и как они выглядят.

Он был своеобразной бродячей энциклопедией знаний по разрезам западного склона Урала. Другие геологи, ходившие позже по следам Аблизина, удивлялись, а пожалуй, и преклонялись перед точностью и лаконичностью его описаний двадцатилетней давности!

Тайга таинственная и огромная, как океан! Здесь много своих писанных и неписанных законов. Особенно с точки зрения техники безопасности. И подчас тайга жестоко расправляется с теми, кто нарушает эти законы.

Трагический случай произошел в сентябре 1964 года в одной из партий съемочно-тематической экспедиции. Там потерялись два студента.

Не дождавшись обеда, они, взяв фотоаппарат, коробок спичек и ружье с одним патроном, убежали на соседнюю гору сфотографировать виды Урала для дипломной работы. Убежали и... не вернулись.

В поисках участвовали более двухсот человек, розыскные собаки, вертолеты. Вроде и заблудиться негде — вокруг реки, дороги. Но ребята нарушили два неперемняемых закона тайги: заблудился — ни-

куда не двигайся, все равно найдут; добрался до речки — иди вниз по течению.

Их бы обязательно нашли, если бы они не метались по тайге. Мы искали их везде: и в самых глухих и нехоженных местах, и прежде всего там, где им следовало находиться по известным нам и им правилам. Первоначально мы избородили вдоль и поперек всю горушку Антипин Гребень, куда подались ребята. Потом обыскали все реки и ручьи, дороги, тропы. Наконец, взявшись за руки, прочесали квартал за кварталом. Все напрасно! Двадцать дней спустя их нашли мертвыми около той злополучной горушки, которую мы так старательно облазили.

Опыт показывает, что заблудиться в тайге можно даже в самых обычных местах, где, по логике, и потеряться-то вроде бы невозможно.

Двумя годами позже потерялась в том же Кутимском «треугольнике» повариха отряда. Она заблудилась в небольшой, как блюдце, межгорной котловине.

Десять дней усиленно искали ее всеми доступными средствами. И совершенно необъяснимо, как в тайге теряется ориентировка. Судя по рассказу поварихи, она множество раз взбиралась на гребни гор, брала правильный ориентир вниз, на палаточный лагерь, но, спускаясь, опять безнадежно забредала в сторону даже от разрубленных и таких заметных просек. Кстати, блуждающий в тайге почему-то не замечает просек! Все время она видела висящий над собой вертолет, но увидеть ее в тайге — с вертолета было невозможно.

Наконец кто-то предложил поставить на каждом пересечении просек, на каждой поляне стрелку с описанием дальнейшего пути, а также положить еду.

Вот на один из таких указателей она вышла и при виде еды потеряла сознание.

А на другой день с зажатой бумажкой в одной руке и с едой в другой она вышла на лагерь, ко всеобщей радости! Но такой счастливый исход бывает не каждый раз.

После удачных поисков начинается разведка месторождения. В тайге строится поселок; жилье, мастерские и гараж, магазины, столовая. Здесь постоянно живут двести-триста геологов-разведчиков. Эти люди развивают, двигают практическую геологию, обеспечивают страну минеральным сырьем. Их подавляющее большинство, а труд их более прозаический. Они, особенно буровики и механизаторы, трудятся круглосуточно, в три смены, почти по заводскому графику.

Тридцать лет отработал я в геологии и все не переставал преклоняться перед стойкостью наших геологоразведчиков, их преданностью любимому делу. Представьте себе на минуту такую картину: едет на смену буровая вахта. Едет не в автобусе, а на «оборудованной» грузовой машине. Мороз — под сорок! Буровая вышка — это открытый всем ветрам домик из досок, слегка утепленный. Замерзшая в дороге вахта принимает смену и должна выполнять такую важную и сложную работу, какой является бурение в неудобных, или, как сейчас говорят, некомфортных условиях. Люди работают здесь годами, десятилетиями — до пенсии! Работают за десятки, а то и сотни километров от дома, в тайге, в жутком одиночестве.

А наши забойщики? Почти так же, но чаще пешком, идут они на свою шахту, где ждет их мокрая или покрытая наледью выработка, из каких многие годы они добывают пески. Разве это не героизм, не высокое чувство ответственности?

Мне думается, что в последнее время геологам уделяется все меньше и меньше внимания. Как будто все проблемы уже решены и о геологах теперь можно особенно и не беспокоиться. А между тем нам по-прежнему нужно очень много техники, проходимого транспорта и... поощрений.

Было время, и очень длительное, когда все строительство в нашей системе осуществлялось только во временном исполнении. Материалы шли самого низкого качества: саман, лес и пиловочник третьего-пятого сортов. Кирпич давали только на печи. Стоимость такого объекта, естественно, низкая, а о качестве и говорить не при-

ходило. Мы строили это дешевое жилье и селили в нем наших многотерпеливых геологов. А они мерзли и вспоминали недобрым словом прежде всего тех, кто выдумал допотопные нормативы, которые никак невозможно обойти.

Насколько я помню, в системе Уральского управления первым нарушил этот закон В. К. Ревин. Как-то появился он у меня в тресте и сообщил, что рядом с его партией имеется Сылвенский кирпичный завод, где гора кирпичного боя. При желании из него можно выбирать половинки кирпичей и строить жилье. С плотниками уже тогда было худо, и я дал согласие на такое строительство. Мы начали строить красивые кирпичные дома, но активировали их как деревянные, себе в убыток.

Выстроив несколько домов нелегально, мы решили это строительство узаконить, получить «добро» управления. Результат нас ошеломил! За самоуправство управление объявило мне выговор. Завод же, увидев, что у него появился постоянный клиент, установил на кирпичный бой более высокую цену.

Я возмутился решением управления и написал в Москву. В виде исключения наше министерство дало согласие закладывать в смету дома из кирпича. А завод, сориентировавшись в обстановке, поднял цену еще раз. Но, как говорится, бог с ними, с ценами. Важно, что мы получили право строить добротное жилье.

При нашей новой структуре мы проводили теперь поисковые работы вдали от баз партий. Все чаще геологи, буровики, механизаторы вынуждены были ютиться в деревнях или в палатках около буровых. Вахту завозили на всю неделю. Удовольствие небольшое — уезжать от семьи, от дома в полевую неуютницу. Заботясь о полевом быте геологов, разбросанных по разным концам области, В. К. Ревин с инженерами партии разработали новый вариант передвижной буровой вышки: к ней придавались два или три домика. Выстроив такой комплекс, они радиogramмой пригласили к себе трестовскую комиссию. В ту пору промышленность не выпускала для геологов ни жилых домиков, ни буровых корпусов. Поэтому подобный шаг Ревина был оценен нами по достоинству.

Домики выглядели добротно, на деревянных санях, обшитые снаружи дюралевым листом. Внутри — двухэтажные кровати, столик, небольшая кухонька, здесь же водяной котел для обогрева. Домик всем понравился, и его запустили в серию. С тех пор вот уже многие годы домики Ревина появляются то у одного, то у другого населенного пункта. Удобными для работы оказались и буровые вышки.

Никогда не забуду, как однажды, еще в Серове, ко мне домой заехал главный геолог Северной экспедиции В. В. Гуляев. Осмотрев городскую квартиру, которую дали моей жене, пригревшись после еды, он расчувствовался и воскликнул:

— Иваныч, ты знаешь, а я еще не жывал в теплой квартире. Все во времянках прозябаю, с морожеными стенами.

И столько горечи было в его словах, что мне даже неудобно стало за свое благополучие. Ведь Виктор Васильевич один из старейших и заслуженных геологов Урала. И я подумал, как истые геологи влюблены в свою профессию, что зачастую мало обращают внимания на неустроенность быта. Они сознательно идут на полевые лишения, отрыв от семьи и городских удобств, не считая себя обделенными.

7

Летом 1962 года вышло постановление ЦК КПСС о развитии химической промышленности страны, об увеличении производства удобрений, о химизации сельского хозяйства. В соответствии с этим постановлением нам было предложено разработать долговременную программу поисков и разведки калийных солей. От нас требовали разведать в ближайшие годы и передать народному хозяйству несколько новых шахтных полей. Задача ответственная. Так как Верхнекамский бассейн самый крупный в стране, то и главная ставка делалась на него. Таким образом, трест и его Соликамская партия на несколько лет оказались как бы в фокусе битвы за калий.

История бассейна уходит в глубь веков. О наличии здесь солей было известно уже в XV веке. Первые солеваренные заводы были

построены при Иване Грозном. В те времена бурились мелкие скважины, для обсадки которых и откачки рассолов использовались деревянные трубы. Дореволюционное развитие соляной промышленности на Урале связывают с именем русских купцов и промышленников Строгановых. Но своим истинным развитием бассейн обязан не поваренной, а калийной соли.

В 1910 году аптекарь Власов впервые установил наличие калия в рассолах. Академик Курнаков сообщил об этом горному департаменту. Но только с 1925 года начинаются серьезные поиски калиевой руды. В первой пробуренной скважине геолог Преображенский обнаружил мощные пласты калийных солей. Эта находка превзошла все ожидания — бассейн оказался уникальнейшим по запасам! В годы первой пятилетки было заложено два комбината. Но промышленность брала только ту руду, которая была богата по содержанию калия. С 1954 года началось систематическое изучение бассейна.

Ко времени выхода постановления ЦК КПСС о развитии химической промышленности Борис Иванович Сапегин провел большую работу по изучению перспектив бассейна. Выяснились закономерности в распределении солей, вырисовались размеры бассейна и запасы залежей. Каждое шахтное поле имело предположительно около миллиарда тонн запасов калийной руды, и выстроенному здесь комбинату хватило бы работы не менее чем на сотню лет. В средней и южной части бассейна, по расчетам Б. И. Сапегина, можно разместить до десятка комбинатов, подобных Березниковскому. Но это требовалось доказать буровыми работами.

Огромные по масштабам дела радовали всех, особенно коллектив Соликамской партии. Уже вырисовывались вчерне контуры всего бассейна: от Красновишерска на севере до поселка Яйва на юге. Более сотни километров в длину и около сорока в ширину. Контур бассейна калийных солей представлялся таким огромным медальоном, красовавшимся на груди Пермской области.

Для оказания партии помощи в разведке новых шахтных полей туда приехал А. А. Зверюга. В среде уральских геологов Анатолий Августович весьма колоритная фигура. Он долгие годы работал в Албании на разведке хромитов. Геолог до мозга костей, Зверюга, по

какому бы поводу ни приезжал в партию, — свое знакомство с делами начинал неизменно с геологии. Невысокого роста, с живыми черными глазами, очень подвижный для своих лет, исключительно вежливый и тактичный, он с трудом вписывался в трафаретный образ главного инженера управления. Мы быстро подружились с ним и за годы совместной работы ни разу не ссорились, хотя поводов для этого было достаточно.

Чтобы уложиться в указанное правительством время, Соликамской партии требовалось удвоить мощности, в этом — гвоздь программы, затем и приезжал А. А. Зверюга. Совместно с И. П. Петровым, главным инженером партии, А. А. Зверюга познакомился с состоянием дел. К тому времени партия работала исключительно хорошо, считалась одной из лучших в управлении, ее без конца посещали делегации со всех концов Федерации и Урала. Поэтому особых сложностей в выполнении правительственного задания главные инженеры не усматривали. Требовалось только солидное подкрепление станками и автотранспортом и, конечно, четко организовать производство. А последнее соликамцы умели делать лучше других!

Определились в сроках выполнения геологических заданий. Анатолий Августович тут же вчерне набросал типовую схему и сетевой график разведки шахтного поля, а также всей программы. При этом он писал и чертил двумя руками. Обычно — левой, если уставал — правой.

Вскоре столичная пресса заинтересовалась готовностью геологов к выполнению поставленных перед ними задач. Редакция газеты «Комсомольская правда» пригласила меня в Москву на встречу за круглым столом.

С разных уголков страны собрались геологи. Они рассказывали об открытых месторождениях, уникальных находках. Говорили также о нуждах и заботах геологов. Послушав выступления коллег, я зримо представил себе просторы нашей Родины, ее сырьевое богатство и то экономическое могущество, которое зависит от нашего труда.

В свою очередь, я вкратце рассказал о Верхнекамском бассейне, о том, что он не имеет себе равных в мире. Тринадцать пластов ка-

лийной руды чередуются с солью, три пласта имеют промышленную мощность. Около сотни миллиардов тонн калия запрятано в недрах Прикамья. Запасы каменной соли исчисляются триллионами тонн. Месторождение образовалось в пермский период, примерно в таких же условиях, какие ныне существуют в заливе Кара-Богаз-Гол. Очень сухо — отлагается калийная соль, пройдут дожди — каменная. Ну а если затянуло небо надолго, тогда в лагуну проникают мутные воды и отлагаются глинистые прослои. В шахте это выглядит как сплошное переслаивание красных, белых солей и глинистых пород.

8

Александр Иванович Белоликов и Борис Иванович Сапегин — своеобразный геологический тандем Соликамской партии, оба — ее ветераны. Но один — учитель, другой — ученик. А. И. Белоликов приехал в Березники в 1952 году старшим гидрогеологом, Б. И. Сапегин в том же году техником. Сапегин постигал геологию и гидрогеологию у своего старшего товарища. Дотошность, пунктуальность и честность до мелочей — черты характера Александра Ивановича взял на вооружение и Борис Иванович. Он сумел заочно окончить институт, пройти путь от техника-геолога до главного геолога партии, крупного специалиста по калийным солям.

Начинали они изучать бассейн, когда о нем было известно очень немного: разведаны только два шахтных поля. Это Белоликов и Сапегин составили первый контур бассейна, подметили геологическое строение, основные закономерности распространения солей. Спокойные, опытные, знающие, они постигали месторождение до мелочей. Ими написано множество отчетов.

Ежегодно в тресте рассматривают направление работ на следующий год. Геологи приезжают на защиту проекта со своими соображениями: на каком объекте производить работы, где бурить, где шахты бить. Обычно на новых участках довольно сложно угадать глубины скважин. А вот соликамцы в своих прикидках указывают

глубину с точностью до метров. Совпадает также метраж проектных скважин. Вот как можно чувствовать месторождение!

За заслуги в изучении бассейна, за развитие геологии области Б. И. Сапегин награжден двумя орденами.

Не меньшую известность в тресте, да, пожалуй, и в управлении приобрел еще один работник партии — буровой мастер Вальтер Фуст. Ему присущи те же черты, что и его шефам-геологам. Механизатор, как говорится, от бога, смекалистый, он своей деловитостью заражал бригаду и тех, кто работал рядом с ним. Ни сбоев, ни простоев не знала бригада Фуста. Многие годы из квартала в квартал коллектив бригады завоевывал переходящие знамена управления и министерства.

В выступлениях на собраниях актива партии я неоднократно подчеркивал, что бригада Вальтера Фуста за время работы на месторождении набурила столько тысяч метров, что это равноценно разведке не одного шахтного поля. Правительство высоко оценило трудовой подвиг Фуста, наградив его тоже двумя орденами.

Согласно утвержденной управлением программой, в 1964 году требовалось разведать два новых шахтных поля, равных по размеру тем, на которых ныне действуют комбинаты — Березниковский и Соликамский. Хотя будущие шахтные поля размещались недалеко от Березников, но места эти — нехоженная тайга. Дорог никаких. Проехать можно только к участку. Скважины друг от друга далеко. Поэтому был так вдумчив Б. И. Сапегин, поэтому так расчетливо действовали геологи.

На этих полях будут работать комбинаты, но такое произойдет в будущем. А пока буровые мастера Фуст, Луценко, Ипатов — гордость партии и треста — шагают от скважины к скважине километровыми шагами, открывая все новые миллионы тонн запасов.

Анализ показывает, что на юг от Березников соли богаче, содержание калия почти вдвое выше, чем на первом комбинате. Правда, вызывает тревогу непомерное возрастание прослоев глины. Это плохо, при действующей технологии это главный бич месторождения.

Поисковые работы на всей площади показали, что в районе деревни Дурино калийные залежи отсутствуют. Месторождение как бы

разорвано на две части — северную и южную. Обнаружен, таким образом, глубокий размыв. До сего времени мы полагали, что природа на месторождении не хулиганила.

За девять месяцев 1964 года Соликамская партия справилась с планом прироста запасов и другими производственными показателями. Ей присуждено первое место во Всесоюзном соревновании с вручением переходящего Красного знамени. Это здорово!

Помнится, создавая Соликамскую партию, мы приняли идею В. И. Ситникова — внедрили производственный опыт угольщиков в слабеющий организм Березниковской экспедиции. Трест объединил экспедицию с Кыновской угольной партией, переименовав ее в Соликамскую, начальником назначили В. М. Цукерберга. Он сразу же отправился выбирать место для новой базы и после длительных поисков остановился на участке у Чашкинских озер. Место прямо-таки курортное! Под ногами песчаная почва, вокруг — сосновый бор. Строиться решили так же, как в Гидропартии: каждой семье дом, сараюшку и усадьбу. Геологам это было внове, но понравилось.

Владимир Маркович вел свое хозяйство со знанием дела. Ныне уютный и обустроенный поселок геологов зеленеет ухоженными грядками и оранжереями у каждого дома. И. П. Петров, сменивший впоследствии В. М. Цукерберга, вложил тоже много энергии и выдумки в создание этого райского уголка для таежных бродяг.

Летними вечерами по поселку шествует с выпаса коровье стадо, оглашая первозданную тишину колокольным звоном. Эта житейская деталь имеет, как мне думается, глубокий смысл в организации геологоразведочных работ.

Повседневно занимаясь вопросами кадров, мы обратили внимание на то, что в Сылвенской и Соликамской партиях нет текучести. В чем дело? Провели опрос работников в партиях, и выяснилось, что удобный дом, огород, в котором можно выращивать «почти все, как на Украине», а также хрюкающая и мычащая в сарае скотина — вот барьер, о который разбиваются желания многих любителей к перемене мест. И такой климат устойчивости, как правило, создают жены буровиков, геологов. Они более склонны к постоянному проживанию на одном месте. Не меньшее значение приобретает благо-

устройство поселка, городские удобства и, естественно, хорошо налаженное производство. Все это имеется в лучших партиях треста.

9

Откуда все-таки появились алмазы в современных речных отложениях? Прямо из трубок или из других загадочных пород?

Проблема поисков источников алмазов волновала всех, но непосредственно ею занимался А. Д. Ишков. В организованную для этого Полюдовскую партию он подобрал молодых и энергичных ребят: Юрия Погорелова, Юрия Шестакова, Алексея Евдокимова и Геннадия Сычкина. Ишков разработал стратегическую схему поисков, но пока ограничился изучением промежуточных пород. Андриан Дмитриевич заранее знал, какими свойствами должна обладать таинственная и неуловимая порода, какой должен быть ее облик. Вот его исходные рассуждения: уральские алмазы обязательно местного происхождения; уральские алмазы, прежде чем попасть в современные россыпи, должны были пройти достаточно длинный путь обработки в древних реках или прибрежной морской среде; здесь они многократно перемещались вместе с галечным материалом, поэтому и не уцелели, к сожалению, естественные их спутники — пиропы; после алмазов самый устойчивый к разрушению минерал — кварц. Поэтому состав загадочной породы должен быть кварцевый.

Итак, следует обнаружить конгломераты кварцевого состава, дробить их и в них искать алмазы.

Геологи Ишкова могли насчитывать шесть или семь этапов во всей истории континентального развития Урала, когда образовались подобные породы. Стало быть, под контроль должно попасть столько же горизонтов. В разное время проводилось опробование некоторых горизонтов, но алмазов в них не обнаружили. Оставались две самые интересные толщи — полюдовская и такатинская.

Из полюдовских пород в свое время вишерские геологи отобрали три большие пробы и после обогащения извлекли три осколка алмазов, но полной уверенности, что эти осколки полюдовские, не было. Могло произойти засорение из других проб. Такатинская сви-

та по ряду многообещающих совпадений казалась соблазнительнее. Предстояло найти место, где можно отобрать представительную пробу и обогатить ее. Но это было совсем не просто сделать: ведь в случае неудачи с опробованием рухнет вся стройная гипотеза алмазности такаты и будет перечеркнута последняя надежда геологов, сторонников вторичных источников.

После долгих размышлений А. Д. Ишков выбрал подходящие конгломераты такатинской свиты, выходящие на поверхность...

Позвонил из Москвы Б. М. Косов, первый заместитель председателя Комитета по геологии РСФСР. Он устроил мне разнос за то, что о находках алмазов в такате узнал не от меня, а из других источников. Борис Михайлович ругал меня справедливо, потому что о любых событиях министр должен узнавать не со стороны, а от своих подчиненных. Я доложил Б. М. Косову о состоянии дел, о том, какие результаты получены по первой пробе и что надо дожидаться данных по двум другим пробам, прежде чем делать какие-то выводы. Он согласился и потребовал держать его в курсе событий.

А события развивались так. Ишков выехал на место отбора проб и забил три колышка под будущие экскаваторные канавы. Было это в конце июля 1964 года. Опытнейший экскаваторщик Сергей Антипин прошел первую выработку, затем вторую, третью. Обогащение проб дало положительные результаты. Это была крупная победа геологов!

Из Свердловска в трест приехал главный геолог управления А. В. Пуркин. Он должен был скоординировать дальнейшие работы по изучению такатинских пород. Вместе с Александром Владимировичем на Вишеру выехали я и В. И. Ситников.

В Красновишерске собрались все, кто имел касательство к упомянутым породам. Заслушали А. Д. Ишкова. Он спокойно и лаконично доложил, как его геологи вышли на такату, как были заданы и опробованы три выработки и куда, по его мнению, надо идти дальше. Кабинет начальника экспедиции был набит геологами до отказа. Сидели и обдумывали, что же нам делать с этой загадочной породой? Так долго охотились за вторичными источниками, а обнаружили — и растерялись! Теперь сомнений появилось больше, чем уве-

ренности. Сколько горизонтов такаты, с каким из них связаны кристаллы, может, они случайно попали в такату?

Спор, галдеж, как на базаре. Каждый доказывал свое мнение, которое он считал единственно верным. Ишков сидел в сторонке, внешне спокоен, на реплики спорящих не отвечал. Рядом сгрудились его орлы: «Ну, Андрианыч, задал же ты нам ребус!»

Внимательно слушал собравшихся Пуркин. Его умные голубые глаза изучающе оценивали каждого выступающего.

Я смотрю на А. В. Пуркина тоже несколько растерянно. На самом деле, как же действовать дальше?

«Александр Владимирович, выручай. Помогай выбраться из каши, которую мы заварили!» — как бы говорит мой взгляд. Словно поняв мою просьбу, Пуркин оживился и, тяжело вздохнув, сказал:

— Давайте, товарищи, определим главное из того, что здесь говорилось. В такате алмазы есть — это факт. Они приурочены к низам свиты. Литология свиты очень невыдержанная, значит, алмазы поведут себя так же. Что мы знаем о такате? Немного! Об алмазах — и того меньше. Значит, нужно серьезно, без горячки, заняться изучением такаты. Вот, на мой взгляд, ключ к решению вопроса. Повторяю, надо детально изучать такату, ставить здесь крупномасштабную съемку. Запасы, чуёт мое сердце, будем прикидывать ох еще не скоро!

Умница Пуркин!

Принимаем решение установить точный контур границ такатинской свиты посредством съемки масштаба 1:10 000. А это значит: нужно бурить и проходить картировочные скважины и шурфы. Заодно на каждой линии решили пройти две-три опробовательские выработки — для оценки содержания алмазов. Также приняли решение — организовать для этих целей специальную партию. Ее назвали Такатинской.

10

В трест приезжает Е. М. Охримюк, референт Председателя Совета Министров СССР по геологии. Вместе с ним прибудут

Б. М. Косов и куратор по Уралу И. Л. Соловейчик. Из Свердловска выехал начальник управления А. А. Корольков.

Московские товарищи предложили в Перми не задерживаться и ехать прямо на Вишеру. Мне оставалось только присоединиться к ним. Энергичный и экспансивный, И. Л. Соловейчик посоветовал даже не заезжать в экспедицию, а проследовать прямо на участки работ. С ним не согласились: слишком тяжелой была дорога до Красновишерска. В городе захотели представиться местным властям и уже в их сопровождении направились в экспедицию.

На другой день выехали в партию. По пути посетили интересные геологические разрезы. Разноцветье тайги обступало нас со всех сторон, теплый сентябрь благоприятствовал поездке. На одном из участков нас ожидали геологи вновь созданной партии и А. Д. Ишков. Приезжие тепло с ними поздоровались и попросили объяснить подробнее причину заложения выработок именно в этом месте. Какие прогнозы у Ишкова на будущее?

Мы обошли ряд шурфов на других линиях. Все очень внимательно рассматривали такатинскую породу, теперь уже глазами Ишкова. Усиленно искали в галечном материале алмаз — а вдруг повезет!

Говорить об уральской геологии и не сказать о И. Л. Соловейчике просто невозможно. Его судьба необыкновенно яркая. Сподвижник Э. П. Берзина по освоению Дальнего Востока, он разделил с ним все превратности судьбы.

В ноябре 1931 года легендарному Эдуарду Петровичу Берзину правительство поручило организацию строительного треста «Дальстрой», который мог бы реализовать прогнозы известного геолога Ю. А. Билибина. В качестве директора треста Э. П. Берзин отобрал из числа выпускников Московского геологоразведочного института несколько талантливых горных инженеров. Среди них был И. Л. Соловейчик. На Колыме Иосиф Львович проявил себя энергичным и знающим геологом, и ему вскоре удалось открыть несколько интереснейших месторождений.

После И. Л. Соловейчик оказался на Полярном Урале, а затем был переведен в аппарат Комитета по геологии РСФСР. Впервые

Соловейчика мне довелось встретить на активе нашего управления, где он, худощавый, горбоносый, энергично жестикулируя, выступил с зажигательной речью. Знаток геологии до тонкостей, прошедший, как говорится, огонь и воду, он чувствовал за собой моральное право выступать на активах с разгромными речами, если видел нерадивость отдельных руководителей. Его аргументация была такой логичной, что опровергнуть ее далеко не всегда удавалось даже весьма опытным людям.

Значительно позже, когда мы были уже друзьями, мне довелось наблюдать в Москве, в кабинете Соловейчика, как зашел к нему мой давнишний знакомый, учитель и коллега по работе — Константин Ерофеевич Кожевников, начальник отдела черных металлов Уральского управления. Пока Соловейчик был чем-то занят, Ерофеич поведал шепотом, что приехал в министерство просить денег на разведку железных руд в районе Кургана.

Выслушав его подробный доклад, И. Л. Соловейчик задал ряд вопросов, сама постановка которых уже указывала на преждевременность проведения таких работ, тем более в крупных масштабах. Минут через двадцать я с удивлением заметил, что Ерофеич уже не просит денег на Курган, а вежливо извиняется за то, что отнял у Соловейчика время. Я непонимающе взглянул на Кожевникова, но он лишь развел руками, глубоко вздыхая и приговаривая:

— Да, да, вы правы. Время для этих руд еще не настало. Подождем, подождем...

Так вот, этот самый Иосиф Львович сидел сейчас на койке общежития Вишерской экспедиции и ругал меня, не выбирая выражений, за плохую организацию горных работ на участке. Толк в этих делах он знал и бил больно. Обиднее всего, что он был во всем прав. Хотя были объективные причины непорядков — партия существует меньше месяца, нет кадров настоящих горняков, мастеров. Со временем все образуется, но этого времени-то всем и не хватало. И мне оставалось только слушать и поддакивать, но, как иногда со мной бывает, я полез в бутылку... Вот каким было мое первое близкое знакомство с И. Л. Соловейчиком.

Побывав на всех участках, выработках и фабриках, московская комиссия согласилась с предложениями А. В. Пуркина, что такату следует еще основательно изучать, что от нее можно ожидать любых сюрпризов.

Главный геолог Уральского управления принял решение создать новую партию, а московские товарищи обещали оказать этой партии помощь в строительстве поселка, в выделении техники, особенно самосвалов и бульдозеров. Уезжая, Е. М. Охримюк и Б. М. Косов предупредили меня, что вызовут в Москву для подробного доклада правительству.

11

В жизни треста и Вишерской экспедиции осень 1964 года оказалась самой напряженной. По распоряжению Комитета по геологии РСФСР на станцию Соликамск прибывали вагоны с деталями домов. Требовалось организованно и по-хозяйски переработать этот груз и приступить к строительству поселка. Необходимо развернуть крупную Такатинскую партию, наладить график проходки большого количества шахт и шурфов. Нужен более решительный, а главное — опытный руководитель. Пригласили на эту должность начальника бывшей Пашийской экспедиции С. Г. Ходеса, который после ликвидации партии ушел в Пермский совнархоз. Мы надеялись, что, проработав всю сознательную жизнь в геологии, Семен Григорьевич не сможет отвергнуть наше предложение. Так оно и вышло!

С. Г. Ходес сразу взял быка за рога. Он погрузился в проектирование и строительство стационарной фабрики, понимая, что если она будет работать круглый год, то геологам пойдет постоянная информация от горных работ. А это в несколько раз ускорит решение поставленных задач.

Я опять на Вишере. Собрались в экспедиции, еще раз обсудили все варианты, возможности и решили, что, пока проектируется и строится большая фабрика, пройдет много времени и что не худо бы на это время построить маленькую компактную фабричку. Она должна быть похожей на нашу передвижную, но под крышей и с

теплом, которое думали взять от узкоколейного паровоза, поставленного на стационар.

Проектировали малую фабрику все вместе, а строительство ее поручили опытному мастеру-обогатителю А. И. Пантелееву. Паровозик привезли из-под Кизела, материалы — подручные, благо что лес рядом. Фабрику расположили на берегу речки, в живописном ущелье, чтобы укрыть от снежных заносов. Строили на ощупь: каждый агрегат перемещали с места на место по нескольку раз. Но вот запыхтел паровоз, охрипший гудок взвыл над дремучей тайгой, собирая на смену рабочих.

С пуском фабрики дела пошли живее. Мы почти сразу получали результаты по пробам и задавали следующие шахты со знанием обстановки.

Геологам построить поселок не просто. Построить в тайге — и того сложнее. Под руками, кроме леса, нет ничего: ни людей, ни техники, ни опыта. А строить поселок надо. Решили создать собственное СМУ. На должность начальника пригласили инженера-строителя из Северной экспедиции П. В. Юрченко. Это опытный строитель, но главное — он прошел хорошую школу работы в геологии.

Петр Васильевич прибыл с бригадой плотников и с ходу предложил монтировать пилораму на опушке тайги, вблизи будущего поселка, место для которого мы выбрали не сразу. Одним хотелось у речки (рыбакам), другим — ближе к лесу (охотникам). Решили посоломоновски: на южном склоне реки, недалеко от лесного массива. Вид отсюда изумительный! На противоположной стороне реки начинается крутой подъем, который вершит причудливое нагромождение скал Помяненного Камня. Его вершина издали напоминает кавказский средневековый замок: зубчатые стены, грозные башни. Вблизи — ничего похожего.

Утром выйдешь из конторы, глянешь налево вверх — как грибы, растут дома. Один только начинается фундаментом, другой красуется коробкой, а третий уже накрыт шиферной крышей. Двухэтажные брусчатые дома, и вдвойне приятно, что их строят для геологов. Повернешься направо — виден дымок от паровоза, трудятся обогатите-

ли. На пригорке, у Вишерского тракта, стучат отбойным молотком проходчики, вгрызаясь в такатинскую твердь. Совсем стало весело в тайге!

Странная эта порода, такатинский песчаник. Глыбы — словно гранит, буром едва берутся. По этому поводу возникает много недоумений с проходчиками и обогатителями. Геологи и тем, и другим ставят самую высокую категорию трудности, и это верно. Однако Ходес как-то усомнился в правильности этого и поехал на одну из фабрик, где горой высились глыбы нераздробленной такаты. Мастер-обогадитель решил специально показать ее начальству. Каково же было его удивление, когда Семен Григорьевич подошел к сложенному глыбняку, пнул ногой ближайший валун, и он рассыпался! Оказывается, порода становится такой после того, как неделю полежит на поверхности. Это свойство песчаников немедленно взяли на вооружение. Теперь глыбняк складывали отдельно, не дробили, выдерживали. А через десяток дней гребли его в бункер лопатой.

12

Кизеловский угольный бассейн. Когда я принял трест, разведкой угля занимались семь партий. В 1964 году осталась одна — Губахинская. Что это, сознательный поход против угля? Нет, конечно. Проблема угля в бассейне ясна, перспектив расширить бассейны никаких, а для доразведки шахтных полей хватит и одной крупной партии.

База этой партии находится в Старой Губахе. Место, прямо скажем, отчаянное: глубокая котловина, окруженная безлесыми горами. Воздух постоянно пропитан серным газом и сероводородом настолько, что, отъехав с полсотни километров от поселка, все еще ощущаешь «губахинский» запах. Позже правительство приняло решение построить город Новую Губаху, вдали от этих мест.

У Кизеловского бассейна богатое прошлое: и геологическое, и революционное. Уголь здесь открыт случайно. В 1778 году князь Абамелек-Лазарев откупил у известного промышленника и землевладельца Строганова участок земли, именуемый Кизеловской да-

чей. Здесь он решил построить железоплавильный завод. При строительстве пруда один из крепостных обнаружил куски угля. Дальнейшая судьба этого открытия весьма характерна для тогдашней Руси «За кошуново и несуразицу» крепостного отблагодарили двадцатью ударами плети. А так как появление каменного угля угрожало разорить предпринимателей, которые выжигали древесный уголь то плетями отстегали не только любопытного раба, но и запечатали эту находку на долгие десять лет. Лишь в 1797 году открыли первую штольню в районе Кизела — Запрудную. От нее и ведется отсчет времени существования бассейна.

С вводом в эксплуатацию Горнозаводской железной дороги (1871 год) — главного потребителя угля — бассейн получил большое развитие.

Самую ответственную роль Кизеловский бассейн сыграл в Великую Отечественную войну 1941—1945 годов. С потерей Донбасса, который давал стране 57 процентов угля, и перемещением промышленности на Восток перед Кизелом встала государственная задача огромной важности — обеспечить углем оборонную промышленность и фронт. За годы войны добыча выросла здесь до 10 000 тонн угля в сутки! В срочном порядке было введено в эксплуатацию двадцать семь новых шахт. А ведь шахтные поля надо было еще разведать! И этот нелегкий труд лег на плечи геологов-угольщиков. Днем и ночью продолжались поиски и разведка угольных залежей.

Академик В. Л. Комаров по этому поводу сказал, что меридиональный хребет, протянувшийся параллельно фронту и отдаленный от него на две тысячи километров, образует как бы мощную линию экономических укреплений.

В создании «линии экономических укреплений» неоценимая заслуга геологов треста «Кизелуглеразведка», воспитавшего целую плеяду энергичных и высококвалифицированных специалистов. Из недр этого треста вышел бессменный главный геолог Пермского треста В. И. Ситников — мой соратник и коллега во всех геологических задумках и свершениях. Умный, хладнокровный, опытнейший геолог-угольщик, он со временем сумел освоить весь комплекс знаний, необходимых главному геологу треста. Ситников был хорошим

противовесом во многих моих горячих начинаниях и благодаря этому вершились самые разумные варианты геологической политики треста, формировался его стиль работы.

Портрет В. И. Ситникова будет неполным, если не сказать, что он заядлый охотник, рыболов и главный запевала на дружеских вечеринках.

В то время, когда перед страной остро стояла проблема угля, правительство не скупилось на деньги и технику. И эти усилия окупались сторицей! Геологи-угольщики так настроили поиски и разведку, что проблема угля просто перестала существовать.

Это ли не пример для подражания при решении других, не менее важных вопросов? К сожалению, в Уральском управлении к решению жгучих проблем не всегда так подходили. Деньги и технику выделяли порой весьма робко и растягивали на многие годы.

Павел Иванович Петров, начальник Губахинской партии, водил меня по своей базе, слезно выпрашивал новый транспорт. А база у него добротная! Мощный мехцех, теплый гараж, капитальные склады, жилье — все фундаментально!

В камералке Губахинской партии старший геолог Л. Н. Червяков развернул передо мною рулоны синьки и показал, в каких условиях и на каких глубинах ведется проходка скважин. Солидные пласты угля погружаются далеко вниз, глубины тоже достойные — за тысячу! Невозмутимо-спокойный Лев Николаевич — средоточие всех геологических знаний о кизеловских углях. Он легко вспоминает запасы всех шахтных полей бассейна, знает подробнейшие химические характеристики углей на всех горизонтах: где можно встретить загазованность, а значит, повышенную опасность для будущих проходчиков, знает, где занижены мощности угольных пластов и куда не следует двигаться с буровыми работами. Наверное, таким и должен быть геолог, который несет ответственность за все угольные богатства области.

В командировки по партиям мы часто целой бригадой ездим на машине. Удобно и быстро. Дело в том, что не все объекты треста находятся вблизи от железной дороги, и если приедешь на своей машине, то имеешь возможность посещать участки работ, не занимая единственную легковушку партии.

Сейчас мы срочно движемся в сторону Березников. Требуется согласовать с руководством «Уралкалия» направление работ на ближайшие годы и разобраться с Петровым, почему его партия вдруг сорвала план первого квартала.

В конторе Соликамской партии мы засиделись допоздна. Положение действительно сложилось неважное: нет вездеходного транспорта, и поэтому простаивает буровая техника, не хватает жилья для вновь принимаемых рабочих. Все сложно, а время не ждет. Решили помочь за счет Вишерской экспедиции. Прибывший в партию на встречу с нами С. Г. Ходес расщедрился и даже отдал два сборных щитовых дома. Выделение машин и домов так воодушевило соликамцев, что они обязались в ближайшие месяцы наверстать упущенное.

У партии еще одна сложность: объединение «Уралкалий» до сих пор не определило, в какую сторону направить наши геологоразведочные работы, где должны строиться очередные комбинаты. Мы предложили свой вариант — Быгель-Троицкий участок. Здесь двоянное шахтное поле, можно выстроить мощный комбинат.

Поехали в Березники, в «Уралкалий», к руководству. Б. И. Сапегин разложил перед собравшимися карты, разрезы и убедительно доказал, что наш вариант самый разумный. С нами согласились, и все вместе мы приняли решение о разведке шахтных полей под четвертый и пятый комбинаты.

К слову сказать, геологоразведочные работы на калийную соль обходятся стране очень дешево — разведка одной тонны соли стоит 0,001 копейки! Еще дешевле будет эта цена на предложенных нами шахтных полях.

Довольные, возвращаемся в Пермь. Дорога похожа на тоннель. Справа и слева возвышаются над машиной снежные валы, за ними мелькают укутанные снегом ели. Убаюканные однообразием бесконечной дороги, сладко похрапывают мои коллеги. Не спится мне.

Перебираю только что пережитое. Вдруг, справа от дороги, на самой верхушке ели, заметил крупного глухаря. Эта осторожная птица не боится машины и подпускает ее близко. Остановились. Разбудил Манкевича, дал ему мелкокалиберку и показал глухаря. Александр Николаевич отличный охотник, даже спростонья не промахнулся, выстрелил прямо из машины — и глухарь свалился. Вышли к обочине, снегу — до подмышек. И глухаря жаль, и до него не добраться. Вдруг Лещиков плюхнулся в снег. Пока мы соображали, что к чему, он, перекатываясь, добрался до глухаря, взял его и таким же образом вернулся к машине.

14

В начале января 1965 года из Свердловска сообщили, что в феврале проводится Всесоюзное совещание геологов в Москве. Тема — предварительные итоги семилетки и задачи на восьмую пятилетку. Вроде рановато, но министерство, по всей видимости, хочет обсудить с руководителями геологических управлений и крупными геологами страны наметки пятилетнего плана. От Урала на совещание поедут три человека: начальник управления А. А. Корольков и два управляющих трестами, Челябинского — М. М. Крикоров и Пермского — я.

Совещание проходило в Колонном зале Дома союзов. Здесь собрались геологи со всей страны, и я мало кого знал, будучи на таком совещании впервые.

С основным докладом об итогах семилетки выступил министр геологии СССР А. В. Сидоренко. Сообщение о проекте плана на 1966—1970 годы сделал член коллегии министерства В. А. Перваго.

После перевода В. А. Перваго в союзное министерство казалось, что образовавшийся вакуум ничем не заполнить, что равноценной замены яркому и могучему Владимиру Александровичу не найти. И

назначение на эту должность главного геолога управления А. А. Королькова для всех было большой неожиданностью. Но Александр Александрович внес весьма солидную лепту в развитие уральской геологии. В отличие от В. А. Перваго он брал другим. Не нарушая традиций, установленных предшественником, он демократизировал их. Оставив за собой роль вершителя геологических судеб Урала, А. А. Корольков не принижал значения главного геолога и главного инженера. Все трое они весьма успешно решали непростые задачи, и многие годы геологическая служба Урала считалась лучшей в министерстве.

Как личность Александр Александрович отличался большим обаянием, тактом, глубоким знанием геологии Урала. Последнее помогало ему больше всего в работе, в принятии решений. Мы сильно сблизились во время алмазных баталий, хождений по различным учреждениям и министерствам.

Хотя Перваго работал в министерстве недавно, доклад его был глубокий, содержательный.

Программа, намеченная министерством, грандиозная. Впрочем, и задачи, стоящие перед страной, еще грандиознее. Намечалось дальнейшее развитие поисковых работ на нефть и газ Тюмени и Средней Азии, разведка железных руд на Курской магнитной аномалии, расширение масштабов поиска цветных металлов, стройматериалов, гидроресурсов.

Товарищи с мест выступали с дельными предложениями, дополняющими докладчиков. Особенно врезалось в память выступление начальника Тюменского геологического управления Ю. Г. Эрвье, человека почти легендарного. Сколько энергии пришлось потратить этому подвижнику и его товарищам, чтобы утвердить тюменскую нефть! Сейчас, с трибуны совещания, он совершенно спокойно называет такие цифры по объемам работ, по необходимому оборудованию, что у тех, кто сидит в зале, голова кругом идет. Этот седой крепкий человек не соглашается с министром, требует своего, доказывает. Но теперь ему легче это делать — за его спиной уже сотни фонтанирующих скважин. Тюмень явно будет основным поставщи-

ком нефти стране. Об этом уверенно и говорит мужественный Эрвье. И предлагает записать в план. И обещает выполнить.

Вечером, в этом же зале состоялся чудесный концерт для геологов. Лично меня покорила встреча с композитором Александрой Пахмутовой, маленькой, скромной и симпатичной женщиной. До сих пор звучит в ушах ее задушевная песня о геологах: «А путь и далек и долог, и нельзя повернуть назад...»

15

В начале января 1966 года А. Н. Манкевич уехал на Украину, главным геологом углеразведочного треста.

А в конце января в наш трест прибыл новый главный инженер — В. Ф. Рогов. Раньше он работал на такой же должности в Зауральской экспедиции. Для Виктора Филипповича переход в трест — крупное повышение, а для меня — большая подмога.

С Роговым мы расстались в 1959 году, когда он работал в Зауралье техноруком. Теперь передо мной сидел рассудительный, спокойный, опытный инженер. Он вспоминал знакомые нам обоим события по Северной и Зауральской экспедициям, общих друзей и товарищей.

С приходом В. Ф. Рогова вся техническая служба пошла по другому, я не побоюсь сказать, обдуманному руслу. Объехав все партии и экспедиции, Виктор Филиппович быстро уловил специфику каждого хозяйства и с присущей ему скрупулезностью принялся за составление мероприятий и планов по улучшению производства. А мы, привыкшие к многочисленным документам такого рода, с удивлением стали замечать, что мероприятия выполняются. Чаще стали слышны голоса главных инженеров экспедиций и партий. Рогов их частенько собирал, песочил, хвалил, в общем, работал с ними активно.

Месяца два спустя после назначения заходит он ко мне с проектом приказа об организации курсовой базы треста. Нет ни помещения, ни преподавателей. Есть только желание и великая нужда в та-

ких курсах. Организовали их сначала в чужих аудиториях, а потом построили великолепную школу на базе Сылвенской гидропартии.

Как из рога изобилия, посыпались рационализаторские предложения. Но для того чтобы они появились, сколько было проделано незаметной для глаза работы.

Трест приступил к внедрению нового бурового станка УБРС для бурения скважин большого диаметра на россыпных месторождениях. Опытные станки, опытный инструмент — все опытное, первое. А какой эффект! Каждая скважина заменяет шурф. В. Ф. Рогов установил обширные связи с институтами и заводами бурового профиля. Это уже большая политика, более высокий класс работы главного инженера.

— У Рогова мертвая хватка! — с уважением говорят в партиях треста.

Таково мнение и Уральского управления. Если Рогов что-либо просит, буровой станок или трактор, то делает это обстоятельно и, как правило, добивается успеха. Его коллега и старший товарищ по управлению Анатолий Августович Зверюга знает эти черты характера Рогова и благоволит к нему.

У Рогова есть еще одно качество, выгодно отличающее его от других моих помощников: он никогда не рубит сплеча. За внешней его суровостью скрывается душевная доброта и очень отзывчивое сердце.

Как-то заходит он ко мне в кабинет, чем-то расстроенный, но причину своей озабоченности сразу не выкладывает. Ну, думаю, пусть. Это его манера. Затевается разговор по поводу, которых хоть отбавляй. И вдруг:

— Александр Иванович! Зря ты его так наказал, поговорил бы сначала.

Дополнительных объяснений не надо, все и так ясно. Рогов имеет в виду главного инженера Соликамской партии И. П. Петрова, который серьезно провинился и которому я объявил строгий выговор.

— Вызвал бы Петрова лучше сюда, еще раз и хорошенько пропесочил! Он должен понять, — настойчиво защищает свою «кадру» Рогов, — умный же он мужик!

И я знаю, что умный, а вот делает глупости, как мальчишка. Наказывать, да еще жестоко, вообще-то не в моих правилах. Мне нравится серьезный, мужской разговор, чтобы человек понял свою вину. Приказы, выговоры, наверное, нужная штука, но, по моему глубокому убеждению, взыскания говорят о неумении администрации действовать на подчиненного силой убеждения. И неизвестно, кого больше бьет приказ о наказании — пострадавшего или того, кто вершит расправу.

По поводу Петрова договорились так: приказ я попридержу, а Виктор Филиппович на днях выезжает в Соликамскую партию и там повоспитывает своего подопечного. И мы оба рады такому решению.

По положению главный инженер является первым заместителем управляющего трестом. И надо сказать, что впервые я почувствовал это с появлением Виктора Филипповича. Рогов был не только главным инженером треста, но и моим соратником, товарищем во всех делах и начинаниях по укреплению геологической службы области. Наконец-то производственная деятельность треста приобрела уверенный шаг. Исчезли проблемы с выполнением плановых заданий по бурению, горным и обогатительным работам, мы систематически стали занимать призовые места в общеуральском и республиканском соревнованиях.

1966 год был богат геологическими событиями. 3 апреля вышло постановление правительства о ежегодном праздновании Дня геолога.

Чутье подсказывало нам, что в этот день мы должны подводить итоги своего труда, отчитываться перед общественностью. Советский народ должен зримо видеть, чего же достигли геологи, люди — по сложившимся представлениям — романтической профессии, братья ветра и солнца.

Установление нашего профессионального праздника оказалось для нас неожиданным, и в тот год мы не сумели к нему подготовиться по-настоящему. Поэтому торжественная сторона свелась только к

оформлению приказа, где я попытался подвести некоторые итоги деятельности треста.

Форма торжества сложилась годом позже, и День геолога превратился в праздник геологов всех ведомств области. На сей раз готовились основательно. Подвели итоги работы за прошедший год и первый квартал текущего, объявили разные конкурсы: на стенгазету, лучший геологический фотомонтаж, самодеятельность. Разослали приглашения в геологические организации города и наших партий. Собрались все геологи: нефтяники, горных предприятий, исследовательских институтов, вузов и, что очень характерно, те, кто в разное время покинул трест. В облюбованном нами клубе имени Ф. Э. Дзержинского не хватало мест.

О нашем празднике я написал статьи в газету «Звезда» и в «Блокнот агитатора». По телевизору выступил главный геолог треста, по радио — управляющий.

На вечере был прочитан доклад, в котором нашли отражение успехи геологической службы всех направлений, работающей в пределах области.

Праздничный концерт дали университетская «Бригантина» и артисты местной оперы. Ну, а потом, вокруг столиков, продолжались своеобразные викторины на тему «А помнишь?» вперемежку с танцами. Наши геологи, а особенно геологини, выглядели неотразимо — многих было просто не узнать.

Праздник удался на славу, понравился всем. Такой ритуал проведения Дня геолога был принят и на последующие годы.

19 апреля в здании оперного театра состоялось собрание областного партийного актива, обсуждались итоги работы XXIII съезда КПСС. Ассигнования, выделенные на развитие геологии в восьмой пятилетке, возрастали в полтора раза!

Мне довелось выступить. Я рассказал вкратце об итогах работы геологов за предыдущие семь лет, доложил активу о том, что существенно изменилось представление о полезных ископаемых области, что открыто и разведано большое количество новых месторождений. Только сельскому хозяйству и промышленности передано сто трид-

цать месторождений стройматериалов, эффективно действует гидрогеологическая служба, создается гидрогеологическая карта области.

В выступлении я выразил озабоченность тем, что промышленность заявляет разведку месторождений, а потом их не эксплуатирует. Таким образом, многие миллионы рублей лежат мертвым капиталом. Я сказал о том, что порой не по-хозяйски ведется эксплуатация полезных ископаемых и водных ресурсов.

Общественности предлагалось уделить больше внимания детскому геологическому туризму — геологическим походам. Я тогда говорил, что мы подчас не знаем, чем занять подростков, а вот такую романтическую сторону, как поиски полезных ископаемых, привлечение к этому детской любознательности, воспитание у юных исследователей природы любви к нашей области, забываем.

Вскоре у нас в тресте был организован областной штаб геологических походов, в состав которого вошли работники облоно, обкома ВЛКСМ и нашего треста. Руководство этим важным мероприятием поручили В. И. Ситникову. С тех пор в области ежегодно проходят геологические походы. Проведено шесть слетов юных геологов.

16

Очень важное событие в жизни нашего коллектива — II Всесоюзное совещание по алмазам. Подготовить его и успешно провести — не простое дело. Организационная сторона полностью легла на плечи треста, геологическая — на Министерство геологии СССР.

Решением министра А. В. Сидоренко совещание намечено провести в июне 1966 года. Была разработана программа, утвержден оргкомитет в составе: председатель — член-корреспондент АН СССР И. С. Рожков, члены — А. И. Козубовский, Б. И. Прокопчук, В. С. Трофимов, Е. В. Францесон. На совещание было приглашено двести человек от сорока восьми организаций, которые вели в стране какие-либо работы на алмазы.

Приехали ученые и геологи из многих институтов АН СССР, геологических управлений, горнодобывающих предприятий. Такого

скопления именитых геологов Пермь еще не видела. Прямо скажем, что без помощи обкома КПСС и облисполкома тресту ни за что бы не справиться со всей подготовительной работой.

Проходило совещание по алмазам в клубе имени Ф. Э. Дзержинского. Открыл совещание Иван Сергеевич Рожков. Он же сделал доклад по основным проблемам изучения алмазных месторождений. А. В. Сидоренко приехать не смог, присутствовал его заместитель И. К. Минеев.

Участники совещания разделились на ряд секций, в которых было заслушано свыше пятидесяти докладов по коренным и россыпным месторождениям, по производству искусственных алмазов, по геологии алмазов за рубежом.

Геологи Пермского треста оказались на высоте! На их долю, кроме гостеприимства, пришлось десять докладов. Немало досталось и мне. Требовалось проследить за встречами, устройством в гостиницу, залом заседаний, питанием и обеспечить для гостей досуг. Все это важно, ничего нельзя было упустить из внимания.

Надо сказать, что весь аппарат работал как часы, с воодушевлением, и все получилось здорово.

Принятые на совещании решения легли в основу разработок и планов всех геологических ведомств на ближайшие годы.

Мы, геологи-пермяки, очень гордимся тем, что такое серьезное совещание по геологии было проведено в нашем городе.

17

Получил приказ министра высшего образования об утверждении меня председателем Государственной экзаменационной комиссии на геологическом факультете Пермского университета. Роль для меня совершенно необычная.

Геологический факультет Пермского университета славится и своими преподавателями, и качеством подготовки студентов. Сидеть за одним столом со столь знаменитыми учеными очень лестно, а принимать из их рук новый отряд инженеров-геологов — почетно. Отныне я тоже беру ответственность за судьбу выпускников.

Университетская аудитория в торжественном убранстве. На столе — большой букет роз. Справа и слева от меня сидят профессор Г. А. Максимович, П. А. Софроницкий, А. И. Маловичко, Н. М. Чернышов, доцент Н. А. Игнатьев. Защищаются пятьдесят один студент дневного отделения. Вечерники и заочники будут потом.

Впечатление от дипломных работ хорошее. Защищаются выпускники прекрасно, но позабыли элементарную геологию, минералогию и особенно слабы в практической геологии. Мне это неприятно, хотя знаю, что со временем они будут хорошими специалистами, когда приобретут опыт.

Удивил заочник Белкин, работающий где-то на Печоре. Он угольщик, геолог партии. Его диплом по уровню выше обычного, это научная работа.

Годом позже Белкин защитит кандидатскую, а еще через три года подготовит докторскую!

Председателем ГЭК мне довелось пробыть восемь лет, и я не жалею о времени, затраченном на прослушивание дипломов. Я много получил лично для себя, проверял свои знания, свою профессиональную подготовку. Кроме того, подбирал себе хорошие кадры.

Удивил меня однажды еще один студент-заочник. Он плавал несколько лет на научном судне АН СССР, избороздил всю Северную Атлантику и написал изумительную дипломную работу по геологии дна Атлантического океана. Знал три языка, и в его работе масса ссылок на английских, исландских и норвежских авторов, которых он читал в оригинале! Есть чему удивляться.

Занимая в экзаменационной комиссии председательское место, я все время помнил, что представляю Пермский трест, практическую геологию и что сам факт такого присутствия говорит о многом, прежде всего о признании роли треста в жизни области.

В августе 1966 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении геологов страны орденами и медалями в связи с успешным завершением семилетки. В числе награжденных были четырнадцать работников Пермского треста. Был и я удостоен ордена Трудового Красного Знамени.

Магистральные пути развития уральской геологии — поиски железных и медных руд, сырья, необходимого металлургическим заводам Каменного пояса. В свое время эти отрасли промышленности на Урале развивались ускоренными темпами, сырьевая база способствовала тому.

Со временем потребность в медной и железной рудах резко возросла. Помнится, в университете мы по учебникам геологии изучали горы Благодать, Высокую, Магнитную как эталон крупных и богатых месторождений, и никто всерьез не задумывался, как надолго хватит этих месторождений. Еще бы, двести миллионов тонн руды на каждом из них! Когда-то пределом мечтаний было достижение рубежа в шестьдесят миллионов тонн стали в год.

А теперь проектанты доказывают, что рядовое металлургическое предприятие должно потреблять в год пятнадцать миллионов тонн руды! Таким образом, горы Магнитной едва хватило бы на десятилетие. И, кстати говоря, ее уже нет. Легендарные горы давно переплавили в доменных печах. Шахтеры теперь берут руду из подземных выработок, пройденных на месте знаменитых гор.

В свое время проблему железа решили за счет кустанайских руд, потом на очереди дня стоял Качканар. Но Урал — это четвертая часть выплавляемого в стране металла, а его с каждым годом надо все больше и больше. К решению железорудной проблемы Урала, естественно, подключились и мы, геологи-пермяки.

При растущих потребностях черной металлургии на Урале все, что геологи обнаруживают, немедленно поглощается, а заводы требуют: руды, руды, руды!

Пример с Серовским металлургическим заводом, о котором говорится в начале этой книги, весьма типичный для многих уральских заводов. Занимаясь разведкой любого вида сырья, мы знаем, что поиски новых месторождений меди и железа — это альфа и омега всей деятельности уральских геологов. Поэтому в управлении проблема поисков железа и меди не сходила с повестки дня и всегда была острой.

В прошлом Пермская область никогда не славилась железоплавильным производством, хотя небольшие заводы на бурых железняках издавна (с 1729 года) существовали вокруг Кизела и Чусового. Все они закрылись еще в XIX веке из-за отсутствия добротного сырья.

Однажды геологи-съемщики рассказали мне, что в таежной глуши, на берегу Вильвы, они обнаружили развалины неизвестного завода: печи по выжиганию древесного угля, домны и огромные колеса прокатного стана, работавшего от водяной мельницы. Меж колесных спиц уже выросли столетние ели — вот сколько времени прошло с тех пор! Геологи уверяли, что в зарослях елей на берегу Вильвы сложено около сотни стальных балок квадратного сечения, и все эти балки блестят! Никакой ржавчины. Меня же удивило другое: геологи не сумели определить, откуда этот завод получал руду. Скорее всего рудник находился тоже рядом. Где? Неизвестно.

Железная руда имеется еще в одном месте — на самом северо-востоке области, на реке Кутим. Ее открыли в 1833 году. Эти руды так похожи на слюду, что их прозвали железной слюдкой. Руды оказались очень богатыми, но труднодоступными. И все-таки в 1890—1907 годах это месторождение эксплуатировалось Волжско-Вишерским акционерным обществом (ВВАО), основанном на французском капитале. На Кутиме и Вёлсе я не однажды видел остатки фундаментов тех доменных печей да аккуратно сложенную в штабеля кутимскую руду. В те времена с Кутимских заводов чугунные чушки сплавляли на баржах по Вишере, Каме и дальше — за рубеж.

Зная об этих рудах, управление в 1944—1951 годах проводило там поиски силами железорудной экспедиции под руководством П. В. Нечаева. Геологи подтвердили незначительные масштабы месторождения, всего пять-шесть миллионов тонн.

Теперь поиски железных руд мы поручили еще одному Нечаеву, Николаю Михайловичу. В отличие от его однофамильца Ю. А. Нечаева, который занимался медью, Николая Михайловича в тресте прозвали Нечаев-железный.

Так вот он и Ю. В. Шурубор занимались железорудной проблемой на пермской земле. В 1960 году они составили проект на пере-

оценку ранее известных месторождений Троицко-Осамской группы, на которых в свое время работали заводы владельца Абамелек-Лазарева.

Первый сезон не принес ничего нового. Тогда партия двинулась дальше на юго-восток, в район хребта Бассеги. Здесь геологи обнаружили стометровую пачку гематитовых сланцев. Рудные слои достигали трех метров, а содержание железа в отдельных пробах доходило до 40 процентов.

Рудный горизонт проследили на многие километры. Начался бум около бассегских руд! Но пыл охладил обогатители из Свердловска. Дело в том, что гематит, главный минерал этих руд, плохо обогащается магнитной сепарацией, иными словами, бассегские руды труднообогащаемы. Пришлось их оставить в покое, а Нечаеву-железному заняться поисками других видов сырья.

19

Летом 1967 года в честь 50-летнего юбилея нашей Родины состоялся геологический поход молодежи за полезными ископаемыми. Он носил массовый характер, в походе участвовало много школьных и клубных команд со всей области. Открытий, естественно, не было, но зато с каким удовольствием ребята брали в руки молоток, забрасывали за спину рюкзак, селились в палатку.

В этом году трест объединил разрозненные геофизические отряды в комплексную партию и во главе ее поставил И. М. Пильняка, опытного геофизика из Башкирии.

Игорь Михайлович стремительно развернул свою деятельность, и его подопечные привезли с поля массу интересных материалов. Для геофизиков наша область во многом оказалась почти целиной.

К полувековому юбилею страны пермские геологи разведали и передали промышленности десять различных месторождений, трест успешно справился с запланированным приростом запасов, выполнил производственную программу.

К 7 ноября строители обещали сдать жилой дом для геологов. Сто квартир — чудесный дар! А на первом этаже будет размещаться

контора нашего треста. Тысяча двести квадратных метров полезной площади на этом этаже. Но пока трест размещался в домике на сотне квадратных метров.

Сколько страданий и мучений пришлось перенести, пока этот дом стал нашим. Нам хотелось иметь контору в центре города, значит, надо было добиться разрешения на строительство административного этажа. Естественным было желание понести минимальные потери при сносе старых домов. И вот дом готов. Он, как белоснежный корабль, плывет по улице Пушкина. И квартиры, и контора — хороши! Мы достигли своей цели. Надо сказать, что в этом немало способствовал Е. М. Охримюк.

Евгений Михайлович Охримюк оставил в моей жизни заметный след. Мы встречались с ним многократно. У меня сложилось о нем мнение, как об очень деятельном, грамотном и по-государственному осторожном человеке. Подведомственную ему геологию он опекал по-боевому. Мне думается, что у главы нашего правительства и не должно быть референтов с другими качествами.

Высокий, худощавый, уже седой, поблескивая очками в золотой оправе, Евгений Михайлович говорил, как бы взвешивая каждое слово. Его реакция по любому вопросу была всегда деловой, спокойной. На мой взгляд, главным его качеством было умение держать свое слово. В этом неоднократно убеждались и областные руководители, которым тоже пришлось с ним встречаться при решении серьезных вопросов по эксплуатации вновь введенных калийных комбинатов.

И вот все муки с домом позади. Мы празднуем новоселье! Хорош дом и сделан добротно.

Весь аппарат треста разместился удобно. Просторные комнаты отвели под музей, фонды, ленинский уголок. Местное телевидение даже организовало передачу из нашей конторы.

Вечером 6 ноября мы впервые у себя, в новом ленинском уголке, а не в наемном помещении, устроили настоящее торжество.

В перерыве ко мне подошел А. Д. Ишков, крепко пожал руку и удовлетворенно сказал:

— Я в свое время сделать этого не сумел.

Мне очень хотелось, чтобы наше здание всему городу говорило о том, что в нем живут и работают геологи. Немного позже мы специально проложили перед зданием треста асфальтовую аллею рядом с бетонными тумб, на каждую тумбу положили пермскую породу или руду. Теперь даже таксисты знают «дом с камнями».

В тот год были у нас и потери. 28 февраля от треста отделили Кизеловскую партию и передали ее Министерству угольной промышленности СССР. Таким образом, углем мы больше заниматься не будем. Жаль! Я считаю, что наше министерство допустило большую тактическую ошибку. Это определенно шаг назад со времени создания комплексной геологической службы. А если и другие просят такую же прыть, что тогда останется от нашего министерства? В общем, партия А. М. Солодченко, отличная партия, для которой на создание новой базы затрачено было так много энергии, ресурсов, времени, отдала концы и скрылась за трестовским горизонтом!

Умер М. С. Ниссенгольц, начальник планового отдела треста, близкий мне по духу и работе человек. Необычной была его судьба, слишком много досталось неприятностей его многострадальному сердцу, и оно не выдержало.

20

Коллектив треста стал крупным и весомым отрядом в строю уральских геологов. Пермские геологи имели свое, только им присущее лицо. На Урале мы одни проводили работы на поиски и разведку алмазов, калийных солей.

Породы западного склона Уральских гор совершенно не похожи на те, что встречаются на восточном. Поэтому геологи, занимающиеся изучением Западного Урала, стали специалистами именно по этому комплексу пород.

Наша гидрослужба тоже имела свою специфику в поисках воды, свою методику. Мы широко развернули работы по изучению камских морей. Приятно сознавать, что в Перми утвердился теоретический и практический центр гидрогеологической мысли, действующий с большой отдачей.

При поездках в Москву для защиты проектов геологических работ на следующий год Уральское управление стало, как правило, приглашать меня или В. И. Ситникова.

В тресте получило сознательное развитие еще одно направление геологической деятельности — договорные работы. Разумеется, что не все заявки областных ведомств включаются в план бюджетных работ треста. Причины разные: не вовремя пришла заявка, недостаточно убедительные обоснования, слишком узкие интересы. Но трест создан для решения общеуральских проблем и удовлетворения нужд области.

Связавшись с облпланом и побывав несколько раз по этому поводу у Б. В. Коноплева, который был в то время председателем облисполкома, мы твердо договорились, что облплан разработает перспективный план-заявку на сырье для местных нужд и выдаст ее нам в виде пятилетнего плана. Облплан будет также добиваться выделения для нас соответствующих лимитов по труду.

Мы приступили к заключению договоров с различными организациями, хотя такие действия откровенно не нравились нашему управлению. Беда была и в том, что договорные работы не могли в полной мере удовлетворить возрастающие потребности области. Все громче стали звучать голоса о серьезном развитии геологопоисковых работ на строительное сырье: песок, камень, гравий, глину, известняки, гипсы. Особую активность проявлял «Главзапад-уралстрой», осваивающий около миллиарда рублей в год. Им нужен бетон, кирпич, мрамор и керамзит для заводов, городов, дорог. Месторождений явно не хватало, они были уже выработаны. Требовалось создать крупную геологическую партию для поисков нерудного сырья и подыскать ей базу.

Вместе с В. Ф. Роговым объездили все окрестности Перми и в пятнадцати километрах от города в поселке Голый Мыс вдруг обнаружили небольшую промбазу нефтяников. Они ее покидали, перебираясь ближе к участкам работ.

Приказом по тресту мы создали Нерудную партию с местом базирования в этом поселке. Начальником партии назначили Б. С. Финкеля. Борис Семенович, тридцатипятилетний геолог, уже

немало лет работал начальником различных отрядов, ведущих поиск нерудного сырья. Умный, энергичный, он сразу выделился среди своих коллег-нерудников, и на нем остановился наш выбор.

У поселка, в который переехала партия, вид был неприглядный. Почти все дома и бараки требовали ремонта. Люди осаждали Бориса Семеновича своими требованиями. И он застрял в этих, неожиданно свалившихся на него, заботах. А ведь были еще и геологические дела, и работа в поле — главная забота начальника.

Руководство облисполкома попросило трест составить специальный справочник по нерудному сырью для районов области. Такой справочник был бы настольной книгой для руководителей сельских районов, да и областному руководству без него не обойтись.

Мы владели достаточным количеством материалов, чтобы подготовить подобную книгу. Это мы поручили опытным геологам В. К. Кокаровцеву и В. П. Шабуниной. Для начала они отправились на ревизию действующих в области карьеров и карьерчиков и других выработок.

В 1973 году справочник опубликовали. Мы разослали его по всем районам области, а несколько экземпляров торжественно положили на стол председателю облисполкома.

Принято решение о строительстве третьего, четвертого и пятого калийных комбинатов на только что разведанных нами шахтных полях. Для строительства стволов нужен кислотостойкий бетон, а значит, и соответствующий наполнитель. Известняк не годится. Подобного сырья в области нет, но и завозить его в больших количествах преступно. Надо искать свои. Вспомнили о троицких граносиенитах, недалеко от Кизела. Попробовали. Кислотостойкость — высший класс, твердость тоже! Надо бурить, разведывать.

Геологические исследования поручили Ю. И. Коровину, а бурение — Л. Г. Погодину (Кукуштанская партия). Юрий Иванович Коровин — оригинальнейший геолог. Человек он флегматичный, но работу исполняет отменно. Всех изводит своей медлительностью, сто раз возвращается к одному и тому же месту. А сделает отчет — хоть за образец бери! Он отличный художник-пейзажист, рисует — загляденье.

Много можно написать о том, как буровики Л. Г. Погодина переправлялись через незамерзающую Косьву, как в пургу и бездорожье забирались на отвесные выступы массива, как тракторы, перетаскивая агрегат на новую точку, зависали над пропастью... Но Погодин есть Погодин! Он сделал, казалось бы, невозможное. И в течение полутора лет месторождение разбурили, написали отчет и защитили в ТКЗ. Сорок пять миллионов тонн отличнейшего кислотостойкого камня получила область от геологов.

21

1969 год полон самых разнообразных событий. В Москве опять состоялось совещание геологов нашего министерства. На сей раз обсуждался вопрос о переходе на новую систему планирования. Пока по этой системе работало лишь несколько подразделений нашего министерства, в виде эксперимента. Теперь речь шла о переводе на новое планирование всей службы.

От Урала на совещании были А. А. Корольков, А. В. Пуркин, я и М. М. Крикоров, мой коллега по Челябинскому тресту, который уже работал по этой системе. Михаилу Михайловичу предложили выступить, поделиться опытом. В перерыве я подошел к нему. Он очень нервничал. Я спросил его, почему такой взвинченный. Крикоров недовольно ответил:

— Надо бы хаять эту систему, а предлагают хвалить. Вот и нервничаю!

Сейчас я часто вспоминаю вещи слова покойного Михаила Михайловича. У нас в геологии от новой системы ничего не осталось. Помнится лишь большая оформительская писанина, да такая, что геологу некогда и в поле выйти! Вообще говоря, планирующие органы никак не могут приспособить геологическую службу к какой-нибудь отрасли. Уподобляют нас строителям, нефтяникам или еще бог знает какому производству. Некоторые считают геологию наукой. А геология есть геология, как, предположим, медицина, И она выработала свои, только ей присущие законы.

Решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР (1979 год) о совершенствовании планирования и механизма хозяйственного руководства родилось тоже оттого, что система планирования, предложенная за десять лет до этого, оказалась несовершенной.

Тогда, во время совещания 1969 года, мне передали приглашение зайти к С. В. Горюнову, нашему министру. Зачем?

Сергея Васильевича я помню по работе в Уральском управлении. Он помог переехать мне из Полуночного в Серов, где нашлась работа для жены. Много лет я и не подозревал, что жена была у него в Свердловске на приеме и просила подыскать мне работу в любом другом месте, но с непременным условием, чтобы была работа и для нее. Она попросила Сергея Васильевича сделать мой перевод так, чтобы я не почувствовал ее ходатайства.

В уютном кабинете С. В. Горюнова, руководителя геологической службы нашей республики, везде образцы минералов, геологические карты. Он поднялся мне навстречу, совершенно седой, худощавый, с морщинистым лицом человек: в геологии С. В. Горюнов — это целая эпоха, и встреча мне приятна вдвойне.

Министр расспросил о делах. Я подробно рассказал ему о геологии области, о пермских проблемах. Проговорили часа полтора.

— Как вы смотрите, если мы предложим вам другую работу? — вдруг спросил меня Горюнов.

Я удивленно пожал плечами.

Спокойно и тихо Сергей Васильевич объяснил:

— Нужен начальник Оренбургского управления, и мы хотели бы рекомендовать на эту должность вас. Подумайте, посоветуйтесь и через день зайдите ко мне.

Все это время я ходил сам не свой. Жаль расставаться с пермской геологией, к которой я уже прирос всем существом, жаль бросать начатые и неоконченные дела, да и семье надоели бесконечные переезды. Кстати, в трудовой книжке моей жены семь одинаковых записей: «В связи с переводом мужа». Многовато, даже для жены геолога. К тому же дети наши еще ни в одной школе не учились больше двух лет.

Была и вторая причина, по которой мне не хотелось переводиться: Оренбургское управление имело нефтяной профиль, для меня совершенно незнакомый, осваивать его не было желания, ибо я считал своей стихией рудную геологию. Короче говоря, придя через день к Горюнову, я отказался. Сергей Васильевич с сожалением пожал плечами и только спросил:

— Хорошо ли вы подумали?

В декабре 1969 года мне исполнилось пятьдесят лет. Негласно созданная под руководством В. Ф. Рогова комиссия провернула такую подготовку, что этот день превратился для меня в настоящий праздник. Я получил много приветствий и адресов. Особенно меня взволновали приветствия из Качканара и Зауралья, где я раньше работал. Эти приветствия были теплыми и остроумными.

Противоречивые чувства пережил я. И приятно было, что многое сделано из задуманного, и грустно, что уже пятьдесят лет. Как быстро бежит время!

22

В. Ф. Рогов занялся внедрением буровых станков УПБ-25. Маленькие, легкие — лучше этих станков ничего не придумаешь для работы съемщиков в тайге. Но Виктору Филипповичу пришлось потратить много сил и терпения, чтобы внедрить их в работу. Забегая чуточку вперед, скажу, что благодаря решительному характеру Рогова, четыре года спустя, у нас в тресте уже работали двадцать таких агрегатов, и тяжелое ручное бурение, применявшееся на съемке, больше не существовало! А приходилось бурить съемщикам около пятнадцати тысяч метров в сезон!

Когда пишешь рядом фамилии А. А. Зверюга и В. Ф. Рогов, сразу возникает ассоциация — сетевое планирование.

Анатолий Августович взял эту умную идею на вооружение и решил применить ее в геологии. Насколько мне известно, он первый из главных инженеров министерства так широко и эффективно применил сетевое планирование на практике. А в нашем тресте верным соратником и помощником А. А. Зверюги стал В. Ф. Рогов.

Кабинет Виктора Филипповича увешан схемами, графиками. Столы устланы листами планов. По всему тресту на сетевой график перевели подготовку выхода в поле съёмщиков, геофизиков, разведку многих участков. Только за два года внедрено около сорока таких графиков. Работать по ним — одно наслаждение. И экономия получилась солидная — до миллиона рублей.

Я всегда с удовольствием заходил в кабинет В. Ф. Рогова и сразу как бы погружался в самый высокий вариант руководства производством. Кружки, стрелки на листах планов — это расчетные варианты пути. Оптимальные наиболее короткие, но предусмотрены и обходные, аварийные. Кружки, стрелки. А ведь за ними стоят люди, бригады, участки, судьбы геологических решений.

Трудно более инженерно изобразить работу сложного геологического механизма. Мечтой Виктора Филипповича было — втиснуть в такую векторную трассу всю работу треста длиной в год.

Геологи-съёмщики в своих отчетах в 1971 году сообщили, что есть медь, свинец, мощные пласты мраморов. Места недоступные — на Шудье, левом притоке Вёлса. Строить базу у черта на куличках? Под что? Осваивать с базы, расположенной вдалеке? Да. Но кому?

Подумали, подумали и поручили Погдину, начальнику Кукуштанской партии.

Когда он узнал об этом, только крякнул. И было отчего. К тому времени возраст Леонида Григорьевича приближался к пятидесяти. Война помаленьку напоминала о себе ежедневно. И дело даже не в том, что была одна рука, но появилась язва желудка, прихватывало сердце. А Шудья — это не Троицк: около пятисот километров от базы партии, от Красновишерска дорога только зимняя.

Однажды мы уже забирались в эти края за золотом, создав Вёлсовскую партию. Но из-за невозможности регулярного снабжения партии всем необходимым тресту пришлось передать ее Северной экспедиции, которая благополучно ликвидировала это хозяйство.

За восемь лет многое изменилось. Лесозаготовители построили дорогу до Акчима, откуда до Вёлса рукой подать. А до Шудьи еще восемнадцать километров от Вёлса. Правда, кое-где там сохранилась

насыпь французской узкоколейки, но заброску оборудования лучше сделать по зимнику.

Л. Г. Погодин вместе с главным инженером С. К. Фурсой и главным геологом В. Л. Леоновым отправились на рекогносцировку. Результаты их рейда обсуждали у меня в кабинете. Они были убеждены, что на Шудье необходимо строить временный поселок. Людей надо селить прямо там, а не возить вахтами. Мы согласились. Чуть позже по этой трассе проехал В. Ф. Рогов. Он пришел к такому же выводу.

Строительство поселка Погодин решил взять в свои руки. Он организовал бригаду плотников, монтажников и группой около сорока человек выехал на Шудью. Поселок строился быстро. Параллельно шло бурение. О себе Леонид Григорьевич давал знать только радиogramмами: «Ввели барак. Котлопункт в действии. Электростанция на ходу».

Со временем пришлось построить небольшой мехцех. Короче говоря, создавалась небольшая партия.

Первые скважины все оказались с рудными включениями — пирит, халькопирит, геленит. Кое-где поблескивало и золото. Скважины глубиной триста метров. Рудные включения по всему разрезу — не совсем хорошо.

Недалеко от Шудьи обнаружили выходы мрамора и офикальцита — красивой зеленоватой породы. Решили оценить мрамор. Прошли несколько маршрутов, пробрили шурфы, сделали расчистки. Хорош мрамор — белый-белый! Прикинули запасы. Их оказалось около трехсот миллионов кубометров. При желании можно насчитать еще столько же. Но кто их возьмет здесь?

Хороших мраморов в стране немного, но и за Шудьинскими в такую даль никто не поедет.

Из-за отдаленности Шудья стала трестовской болячкой. Если бригада по какой-нибудь причине станет, то надолго. Помощь доходит только дней через десять. Фурса и Погодин живут на Шудье поочередно: месяц на участке Погодин, месяц — Фурса. Причем Погодин заверяет, что на Шудье чувствует себя лучше, чем в конторе. Я его понимаю. Многие годы он работает начальником партии, но в

душе так и остался старшим мастером, таежным бродягой. Бумаги, кабинет — для него как клетка для птицы. На участке он развивает бурную деятельность, оттуда же командует и партией. Его ум все время что-то изобретает. Я часто ловлю себя на мысли, что, если бы Леониду Григорьевичу дать систематическое образование инженера-конструктора, он мог бы далеко пойти.

Самое тяжелое время на Шудье — весенняя распутица. Погодин весь транспорт перегнал туда по зимнику, стараясь забросить на участок все необходимое.

Это не так просто! Для трех бригад — больше сотни человек — надо очень много оборудования, продуктов. Ведь целых два месяца с бригадой не будет транспортной связи — только рация. В это время туда невозможно послать даже вертолет.

Близился май, а на Вёлсе в эту пору начинается большая вода. Реки горные, вздуваются мгновенно, разливаются широко. Предстояло сделать последний рейс через Шудью, поселок на той стороне. Лед еще держался, но вода шла уже поверх льда. Трактор с двухосным прицепом остановился на крутом берегу. Внизу широко разлилась маленькая Шудья. Тракторист переезжать отказался.

— Эх ты, трус! — тихо сказал Погодин. — Садитесь в кузов! — скомандовал он столпившимся буровикам, приехавшим на перемену, и забрался в кабину трактора.

Под решительным взглядом Погодина буровики залезли в телегу, и Погодин направил трактор в холодный бушующий поток. Брызги полетели во все стороны, трактор носом вниз медленно сполз в воду.

Но вот он выровнялся, за ним съехала телега, и медленно, поднимая вокруг себя волну, сцепка пошла на другую сторону.

Потом Леонид Григорьевич рассказывал:

— Когда выбрались на другой берег, я немного отъехал и выключил мотор. Из кабины не вылез, а выпал! Ноги не держат, здоровая рука висит плетью, как и протез, и ничего не чувствует! Пот с меня ручьем, говорить не могу...

— А если бы утопил всех? — спросил я его.

— А если бы не переехал? — взглянул он на меня пристально.

В Перми мало зданий, украшенных красивым природным камнем — гранитом, диабазом или мрамором. Мы часто ходим около пединститута. Цоколь главного корпуса облицован камайским оолитовым известняком. Но он не смотрится. Почему бы не мрамор?

В горсовете мне объяснили, что с облицовочным камнем сложно, его с трудом заказывают в Свердловске, Челябинске. Обидно!

Мы собрались у В. И. Ситникова, посоветовались и решили, что не вправе быть в стороне от украшения города. Для начала решено было организовать поиски мрамора поближе шудьинских. Мы знали, что около станции Бисер есть месторождение Вавилон, оно очень маленькое, и им никого не прельстишь. Предложили Промысловской партии поискать рядом, за рекой Койвой. Поиски оказались успешными — обнаружили залежь мрамора в четыре миллиона кубометров. Это уже что-то!

Включились в поиски мрамора вишерские геологи. Они предложили использовать древние мраморизованные известняки черного цвета. Добыли несколько образцов, облагородили их. Чудесные камни, хоть на выставку вези! Запасы таких известняков практически неисчерпаемы. Вишерские геологи вызвались опоисковать еще один район — Вёлсовский. И там оказался чудесный белый мрамор, а рядом — еще одно чудо природы: офикальцит — гибрид мрамора с серпентинитом светло-зеленого цвета. Значит, есть мрамор в области, и много! Дело за горняками и строителями. Я выступил по телевидению и разрекламировал наши находки. И теперь уже несколько лет горисполком эксплуатирует Бисерское месторождение.

В начале 1971 года за успешное перевыполнение заданий восьмой пятилетки большая группа геологоразведчиков нашего треста получила правительственные награды. Орденом Ленина награжден В. К. Ревин, орденом Трудового Красного Знамени — В. Ф. Рогов. А вскоре Виктора Филипповича назначили главным инженером управления вместо вышедшего на пенсию А. А. Зверюги. С одной стороны, лестно повышение Рогова, с другой — грустно на душе: ушел надежный товарищ.

1971 год принес нам и огорчения. Решением Министерства геологии СССР упразднены Пермский и Челябинский тресты. Нас переименовали в экспедиции, пытаясь приравнять к многочисленным мелким звеньям управления. Обкому КПСС и нам, геологам, пришлось затратить много энергии, чтобы сохранить в области единую геологическую организацию. «Бог с ней, с вывеской, — думалось мне, — важнее сохранить сущность, единую службу».

По непонятным, не поддающимся логике, соображениям, руководство управления хотело сделать еще один шаг назад: ликвидировать трест, создать несколько экспедиций и подчинить их прямо Свердловску.

Каким дальновидным оказалось руководство Пермского обкома партии, устоявшее под нажимом министерства и управления. Оно не дало согласия на этот рискованный эксперимент. Время показало, что страна идет в сторону укрупнения, а не дробления любой службы!

24

Кроме основных плановых показателей, разные службы управления планировали еще свои цифры — по строительству, капитальному ремонту, новой технике, рационализации и даже сдаче металлолома. За этими цифрами, как правило, не следили. Многое контролировалось только в конце года, а значит, плохо выполнялось.

При защите плана на очередной год весь разговор обычно ведется вокруг геологических заданий, материальной стороны дела касаться не принято. Хотя естественно, что производственная деятельность должна обеспечиваться материально-техническим снабжением. Это в теории. На практике плановых ресурсов под геологические задания управлению никто не устанавливает. Поэтому реальность плана, к сожалению, во многом зависит от предприимчивости руководителей геологических хозяйств. Энергичный — перебьется, нерасторопный — завалит.

Геологи планируют, что нужно им, плановики исходят из заданной численности, а производственники — из реальных возможно-

стей. А реальные возможности вытекают из материального обеспечения.

Интуиция, опыт подсказывали, что все показатели экспедиции надо свести в единый документ, состыковать плановые задания геологов, производственников, плановиков и других служб. Хотелось бы избавить, начальника партии от снабженческих дел, вселить в него уверенность в выполнение записанных геологических заданий.

Так родилось два плана: комплексный, квартальный, и пятилетний для экспедиции и ее подразделений на 1971—1975 годы.

К тому времени в экспедиции сформировался весьма сильный управленческий аппарат, и осуществить такое мероприятие оказалось делом несложным. Выделялись своими знаниями и энергией главный бухгалтер Р. Д. Дементий, главный механик С. Д. Корнейчук и начальник отдела труда и зарплаты Л. Д. Вольхин.

Созданием комплексного плана я занялся совместно с А. П. Подкорытовым, сменившим на этом посту М. С. Ниссенгольца. Весьма трудолюбивый и исполнительный, Арефий Павлинович был как раз тем человеком, который нужен для такой работы.

В комплексном плане первоначально значились геологические, производственные, денежные показатели и снабжение материальными ресурсами. Легко было согласовать первые разделы. С трудом формировался план снабжения. Техснаб и его глава Н. В. Кульков стали в позу. Мол, нет у нас фондов. Мы не можем ничего гарантировать.

— Но вы же все равно обеспечиваете партии почти всем необходимым, — доказывал я.

— Так это как получится, гарантию дать невозможно, — колебался Кульков.

Правильно, конечно. Только партии должны работать ритмично, им дела нет до того, как наверху планируют снабжение. Пришлось на техснаб воздействовать.

Первые комплексные планы ушли в экспедиции и партии в 1969 году. С тех пор все наши организации работают по этим планам и не знают других документов. Правда, теперь в планах значительно увеличилось количество позиций.

Труднее оказалось составить пятилетний план. Создали комиссию под моим руководством, в которую вошли В. И. Ситников, В. И. Лещиков, заменивший на посту главного инженера Рогова, Л. Д. Вольхин и еще восемь человек. Через пару месяцев мы констатировали, что ничего не получается. Никто толком не знает, что брать за базу, какими нормативами пользоваться. Не смогло помочь нашей затее и управление. Стало ясно, что работать над планом и совмещать свои прямые обязанности невозможно, что следует на некоторое время освободить комиссию от других забот и усадить только за составление пятилетнего плана. Так и сделали.

Осю в формировании плана стал Лев Дмитриевич Вольхин. У него математическое мышление, он умеет переводить любое мероприятие, любой текст в систему цифр и графиков. К нему и стекались предложения отделов и партий.

Геологи наметили перспективы дальнейших поисков и разведки видов сырья. Это первый раздел, геологические исследования. Производственники во главе с В. И. Лещиковым разработали план технического развития экспедиции. Дальше следовали разделы строительства и экономические показатели.

Пятый раздел включал социальное развитие коллектива. На нем и споткнулись. Опыта никакого! Обошли немало предприятий города: заводов, строек. Много взяли у телефонного завода. Там этим вопросам уделялось большое внимание. Полгода спустя план приобрел законченный вид.

Собрали расширенное заседание группкома и актива экспедиции, доложили им о плане и с большим энтузиазмом утвердили. По существу, впервые в системе геологии появился научно разработанный пятилетний план на уровне экспедиции. Было очень здорово иметь перед собой такой документ пятилетних перспектив!

Мы отпечатали план типографским способом в сотню экземпляров и разослали по партиям, а несколько экземпляров послали в управление и территориальный комитет с просьбой рассмотреть и утвердить.

Может показаться невероятным, но ни управление, ни терком этого документа не «заметили». Никакой реакции. И все равно в те-

чение девятой пятилетки мы работали по этому плану и почти все позиции его выполнили. И долго еще удивлялись, как хорошо все рассчитали.

В этой главе опять упомянут В. И. Лещиков, который в 1959 году, будучи начальником производственного отдела треста, встречал меня в Кизеле. Немало времени прошло с тех пор. Владимир Иосифович уехал в Свердловскую экспедицию, стал главным инженером, позже — начальником. А после перевода В. Ф. Рогова в управление В. И. Лещиков вернулся к нам, на должность главного инженера треста. Но поработал он недолго. В 1973 году В. Ф. Рогова перевели начальником управления в Министерство геологии РСФСР, и В. И. Лещиков вновь сменил его, став главным инженером Уральского управления. И в Свердловске по этому поводу теперь шутили, что Пермь взяла подряд на поставку управлению главных инженеров.

25

Страна взяла курс на индустриализацию производства мяса. За рубежом было закуплено несколько комплектов оборудования для свинокомплексов, один из них решено было возводить в нашей области. Место для строительства выбрали за городом Краснокамском, на правом берегу Камы. Развернули стройку широко, объявили ударной. Когда затраты составили уже больше половины стоимости, выяснилось, что комплекс не обеспечен питьевой и технической водой. Проектировщики планировали дать ее от Чусовского водозабора, но прокладка почему-то затягивалась, и ориентироваться на нее было рискованно даже в ближайшее десятилетие. Тогда привлекли «Промбурвод» для проходки серии скважин, пробурилив которые контора выдала заключение, что в районе свинокомплекса подземных источников воды нет.

Перед руководством области встала серьезная проблема: как исправить просчеты проектантов? Остановить строительство планового объекта, очень нужного области, — невозможно. Затраты уже солидные, оборудование поставлено полностью.

Председатель облизполкома Б. В. Коноплев пригласил меня как специалиста и со всей откровенностью обрисовал сложившуюся обстановку. Тревога Бориса Всеволодовича была мне понятна, ситуация — хуже не придумать.

Как я уже говорил, к 1971 году мы знали геологию и гидрогеологию области настолько хорошо, что по любому участку территории могли выдать справку о наличии полезных ископаемых и воды. Я знал, что на правом берегу Камы вода должна быть, только немного. Но не верить такой солидной организации, как «Промбурвод», оснований у меня не было.

Что тут можно придумать? Если положение такое катастрофическое, то разве что поискать воду еще силами нашей гидропартии?

Коноплев обрадовался моему предложению и тут же поинтересовался, как скоро мы сумеем дать воду. Я не мог обещать ничего конкретного, надо было разобраться. Попросил на это месяц сроку.

— Да хоть два! — вырвалось у него. — Была бы вода!

На другой день в экспедицию были приглашены наши «гидрики» — В. М. Крутов, В. К. Ревин и Г. П. Верхоланцев. Они высказали массу нелестных слов и нареканий в адрес проектировщиков и были совершенно правы. Почему строители и проектировщики не посоветовались с нами до закладки комплекса? Может, мы предложили бы им другое место.

Но теперь надо было спасти положение. По нашим данным, с каждой скважины можно получить в тех местах не более одного литра в секунду. И все-таки решили попробовать.

Скважины мелкие, пробурили быстро. Откачали. Воды мало. Тогда Крутов спросил у Ревина:

— Василий Карпович, ты сумеешь сделать более плотный фильтр?

— Да, — ответил тот.

— А если фильтр будет вдвое больше диаметром, посадишь его?

— Не знаю.

Мне Крутов пояснил свой замысел так:

— Александр Иванович, пески здесь тонкозернистые и с трудом отдают воду. Если сделать фильтр поплотнее и помощнее, он бы взял воды в три раза больше. Но сумеет ли Ревин сотворить такое чудо? Насколько я знаю, подобных фильтров еще никто не делал.

Почти месяц Ревин колдовал в своих мастерских. И вот фильтры осторожно увезли на комплекс. С трудом опустили их в скважину. Качнули. Вода пошла! Не литр, а целых шесть! Это была победа.

Были и удачи и промахи, пока мы довели наши фильтры до кондиции, разбурили скважины, обсадили их и передали заказчику. Всего потребовалось пробурить десять скважин. А вода! Теперь санврачи эту воду считают эталоном.

Кстати, именно на свинокомплексе к разведке воды впервые подключились геофизики. Начальник одного из отрядов В. К. Кева предложил искать перспективные на воду участки методом электро-разведки. В системе геологии мы применили и разработали его первыми. Позже этот метод стал неотъемлемой частью успешных поисков воды, особенно в местах, где обычными способами воды не найти.

Поиск воды для свинокомплекса — это крупная победа. И не единственная.

Становятся обыденными факты проведения поисков и разведки воды для поселков и предприятий, районных центров и других городов, где проблема воды не менее острая, просто мельче масштабами.

То же самое можно сказать о поисках других видов сырья. Каждая из таких «битв» по-своему тяжела, но приятна тем, что геолог приносит ощутимую пользу людям!

26

Березниковский содовый завод без сырья. Всеволоде-Вильвенское месторождение выработано. В оставшихся горизонтах известняков немного, и они низкого качества. Короче говоря, руды нет.

А перед областью поставили задачу: довести производство соды до двух миллионов тонн в год. Пока производят ровно половину.

Мы в кабинете В. П. Романовского. Он заместитель заведующего отделом тяжелой промышленности обкома КПСС и курирует нашу экспедицию. Симпатичный, слегка кудрявый, небольшого роста, с голубыми глазами, подвижный, Виктор Павлович вдумчиво и дотошно выспрашивал меня о сырье для производства соды. Докапывался до всех деталей. Можно ли помочь заводу? Какие еще запасы остались в недрах? А может, доразведать старое месторождение? Или искать новое? Что надежнее? Как далеко то, что геологи могут предложить? Ах, еще ничего конкретного. А когда оно, предположение, появится? Можно ли надеяться на лучшее сырье?

Дотошность Романовского мне понятна. Его отделу поручено разобраться, подготовить конкретные предложения.

Известняки для содового производства должны быть идеально чистыми и содержать почти 100 процентов карбоната кальция. На западном склоне много карбонатных пород, но для соды подойдут только известняки коралловых рифов. Таким образом, геологам надо найти среди моря карбонатных пород древние рифы и разведать их. Задача нелегкая. Условия, подходящие для жизни кораллов, могли быть на Урале только в девонское время, поэтому рифовые тела надо искать в девонских породах.

Одно из возможных мест нахождения таких рифов — участок между Кизелом и Александровском, справа от железной дороги. Туда и послали геофизиков. Они подтвердили рекомендации геологов. Мы долго обсуждали, на какое из трех рифовых тел разумнее всего выбраться. Решили — на Пихтовку. Это место выгодно отличается от других своей доступностью: до самого массива тянется узкоколейная магистраль лесников.

На разбурку Пихтовки опять бросили партию Л. Г. Погодина. И снова те же проблемы — нет жилья, дорог. Лесозаготовители не очень-то разрешают ездить по узкой колее. Развернули энергичные подготовительные работы, приступили к строительству передвижных домиков, буровых корпусов. Все материалы отправляли на участок по сплошному бездорожью.

Разбурили три профиля, и стало ясно: Пихтовка — не то. Мало! Заводу нужно двести пятьдесят миллионов тонн, а на Пихтовке по-

лучается половина. И то сверху известняки сильно закарстованы, а значит, много вскрыши, много примесей.

Теперь, почти с готового месторождения, мы вынуждены технику и людей перебросить на другой участок — Костанок. Но туда добраться сложнее. А содовый завод и министерство дали сжатые сроки на проведение разведки: передать месторождение в 1973 году. Передать! А оно еще и не разведывалось.

Пришлось прекратить работы на Шудье, тем более что они оказались бесперспективными. Л. Г. Погодин вновь создал полевой участок, подобие Шудьи. Опять начались штурмовые дни. Почти все руководство партии не выезжает с участка, все заботы вертятся вокруг Костанка. Беспокоят заказчики. Геолог Березниковского содового завода Т. К. Гарбузовский также днюет и ночует на Костанке и по любому поводу сигнализирует прямо в Свердловск или Москву. Мы извелись от такого вьедливого внимания. Но усилиями всех сторон дело двигалось довольно быстро. Отличилась бригада бурового мастера Зятчина. В крайне тяжелых условиях он бурил в месяц до четырехсот метров, в то время как его коллеги давали вдвое меньше.

Л. Г. Погодин почернел, как-то усох от забот. Главный инженер С. К. Фурса, казалось, разучился разговаривать, он обходился междометиями. Главный геолог партии В. Л. Леонов перебрался на базу партии в Кукуштан, где скопились тысячи проб. Проблема бурения переросла в проблему опробования. Все усилия партии и треста теперь вращались около дробилки и химлаборатории. Было бы печально, если бы такие огромные затраты энергии пропали даром. Но, к счастью, анализы оказались хорошими. Месторождение было замечательным и по запасам, и по качеству. Заказчики из Министерства химической промышленности в восторге. Они заверили нас, что ни один содовый завод страны не будет иметь такой сырьевой базы: надежной и качественной.

В. Л. Леонов блестяще защитил в Москве в ГКЗ отчет по Костанку в 1973 году — точно по графику!

В ряду геологов треста Владимир Леонтьевич, на мой взгляд, стоит особняком. Это весьма эрудированный человек не только в

геологии, но и в литературе, истории. С ним очень приятно общаться. Леонов — упрямый и целеустремленный геолог.

27

Зима 1972 года. Я опять на Вишере.

Как много сил и энергии отдают управление и экспедиция освоению этого края! Экскаваторы, бульдозеры, самосвалы — вот техника, без которой вишеряне не в состоянии обойтись.

Приехал в Такатинскую партию к И. Ф. Тощеву. Он уже несколько лет руководит этим хозяйством. Развернув передо мною хорошо выполненный чертеж, Иван Федорович любуется произведенным эффектом. На чертеже сверху надпись: «Механизированная проходка шахты-шурфа бульдозером и экскаватором», а ниже все исполнено в рисунках.

Рационализация поразила меня своей простотой и талантливостью. Проходить шахту глубиной десять — двенадцать метров не кайлом и лопатой, а экскаватором предложил наш знаменитый экскаваторщик Сергей Гаврилович Антипин. С первого захода он выбирает породу и пробу до пяти метров, на такую глубину берет ковш экскаватора. Дальше бульдозер делает разнос краев выработки и дорогу в забой. Туда опускается экскаватор и снова выбирает породу. Вся операция занимает два дня. Вручную шахту-шурф надо упорнейшим трудом проходить целый месяц.

И. Ф. Тощев и его технорук сразу оценили предложение Антипина. Они сделали соответствующие расчеты, учли технику безопасности и проходили по этому методу уже третью выработку. Я немедленно отправился к Антипину. Как раз в момент моего появления Сергей заезжал в выработку на очередной уступ. Он осторожно выбирал пробу, разворачивался и разгружал ее в стоящий рядом самосвал. Картина потрясающая!

Сколько лет маялись мы, проходя шахты демидовским способом, и не могли придумать ничего умного. И вдруг Антипин с его предложением! Голубые глаза Тощева сияют восторгом и за Антипина, и за себя, и за всю партию.

Я приказал тут же подсчитать получаемый эффект. Он оказался большой: около десяти тысяч рублей на одной выработке! Здесь, же, в партии, написали приказ и всех, кто причастен к такому большому событию, премировали. Антипину, помню, досталось рублей пятьсот.

Заехал в соседнюю партию. Наши славные горняки Зотик Камнацкий и Николай Филиппов досрочно завершили план. За окном еще выюжит семьдесят второй год, а они работают в счет семьдесят третьего!

Камнацкий во всем интересный товарищ, начиная от имени. Кто-то подшутил и сотворил ему имя Зотик. Не Зот, не Изот, а — Зотик. Работник он отменный. На Вишере его зовут шагающим экскаватором.

Как-то мне довелось быть на собрании в этой партии. Зотик Анисимович задал мне вопрос, почему ОРС плохо снабжает партию комбикормами. Я удивился, зачем ему комбикорма.

— Видишь ли, Александр Иванович, если я не съем утром шмат сала, то в забое мне делать нечего. Держу свинью да еще подсвинка — создаю запас калорий.

Мы, конечно, комбикорма ему в хозяйство отпустили.

Каждый раз, встречаясь с Камнацким, я вспоминал его трудовую биографию. С 1955 года он осваивает Вишеру. Профессия проходчика нелегкая. Еще тяжелее работать проходчиком в геологических партиях. И надо быть упрямым человеком, к тому же однолюбом, чтобы ежедневно ходить по таежным, еле заметным тропкам к «своему» забою, долбить неподатливую породу, преодолевая порой большие водопритоки. Сырость, грязь Зотик как бы не замечает. Одно удовольствие смотреть на его размеренные движения, точно выверенные удары кайла или кувалды. Ни одного лишнего движения, никакой суеты — все под руками, бери не глядя.

Не было года, чтобы Зотик не выполнял своего плана досрочно. И почти каждая пятилетка в три года. Это ли не подвиг? За трудовые заслуги он награжден тремя орденами!

На первый взгляд кажется, что геология нерудного сырья азбучно проста, а значит, поиски и разведка этих ископаемых не требуют от геологов высокой квалификации. Это заблуждение!

Большие масштабы строительства предъявляют все возрастающие требования и к породам, на которых ведется строительство (инженерная геология), и к сырью, которое для него необходимо. Нужен кислотостойкий щебень, хороший облицовочный материал, глина, песок, и все это — в огромных количествах.

Нелегко геологу быть в курсе всех требований и обеспечить потребности строительства сырьем.

Но есть один вид нерудного сырья, в строительстве не используемого, но тем не менее очень ценного. О нем ниже.

Когда в стране возникла проблема второй целины — Нечерноземья, во весь голос заговорили об известковании кислых почв. В Пермской области из двух миллионов гектаров пахотных земель 89 процентов нуждаются в известковании. Известкование ведет к нейтрализации среды, почти вдвое повышает урожайность. Оказывается также, что известкование улучшает структуру почвы, ускоряет рост растений, укорачивает вегетационный период, что в условиях Урала весьма существенно. Ученые подсчитали, что Пермской области необходимо ежегодно полтора миллиона тонн известковой муки. Вносить ее надо в течение двадцати пяти лет.

Известковую муку можно получить только там, где добывают известняки. Для этого рядом надо строить помольные цеха. А какие это затраты? Геологи задумались. Может, природа сама позаботилась об известковой муке? Впервые так подумали в Прибалтике, потом в Татарии, а потом у нас. В. К. Кокаровцев совершил вояж в Латвию и вернулся домой окрыленный. Первый полевой сезон принес находки! Есть и у нас такая порода! Известковые туфы, как называли мы природную муку, образуются, как правило, на коренных известняках в пониженных местах. Там же образуются торфяники. Поэтому при поисках геологи чаще обнаруживают торфоизвестковую породу, готовый компост.

За несколько лет Нерудная партия разведала десять таких месторождений и подсчитала запасы в три десятка миллионов тонн, что полностью обеспечивает область известковой мукой! К достоинствам обнаруженного нами сырья относится и то, что туфы порой можно добывать сразу экскаватором типа «Беларусь», грузить в самосвалы и вывозить на поля.

Может показаться, что становление и развитие геологической службы Западного Урала — этокое триумфальное шествие от победы к победе, от открытия к открытию. К сожалению, не всегда так. Все реже и реже уральские геологи могут радовать крупными открытиями в своем крае: слишком хорошо он освоен. Возможно, большие месторождения и есть на значительных глубинах, но мы туда пока еще не можем проникнуть.

Геологи так и не сумели открыть крупных месторождений меди, связанных с медистыми песчаниками, хотя исходили всю область. Не обнаружено месторождений меди и в коренном залегании.

Неудачными были поиски девонских бокситов в Горнозаводском районе и каменноугольных в Красновишерском.

И совсем не радостными оказались поиски железных руд. Да, на территории области, во всех ее уголках, известно более сотни железорудных проявлений. Но все они слишком мелкие. Промышленность же требует крупных месторождений. А таковых как раз и нет.

И все-таки геологи не раз еще вернутся к разведке недр Прикамья, вернутся с новыми знаниями, с большим опытом, более современной техникой.

29

Летом 1974 года мы провели традиционную V геологическую конференцию. Подвели итоги работы почти четырех лет десятой пятилетки и наметили пути успешного ее завершения. Как всегда, собралось много геологов с мест, приехала представительная делегация из управления.

Обсуждались пермские и уральские геологические проблемы, но мы их тесно увязывали с общесоюзной и мировой ситуацией. А в

мире положение с сырьем тревожное. Угрожающе растут темпы извлечения полезных ископаемых из земных недр. В XX веке их добыто в несколько раз больше, чем за предыдущие пятьсот лет! Если валовая стоимость извлеченного сырья в 1900 году составляла 1,3 миллиарда долларов, то в 1960 году она возросла до 52 миллиардов! В СССР за 50 лет добыча увеличилась в двести раз.

Таким образом, в настоящее время компенсация выработанных запасов может осуществляться только за счет извлечения бедных руд, находящихся к тому же на больших глубинах. Поэтому на ближайшие годы мировая тенденция будет заключаться в удорожании геологоразведочных работ, в проведении их на больших глубинах.

Это полностью присуще и пермской геологии.

За годы Советской власти, а особенно за время существования треста (экспедиции), на территории области открыто и разведано четыреста пять месторождений полезных ископаемых и шестнадцать месторождений подземных вод. Покрыто геологической съемкой разных масштабов большая часть области, создан работоспособный коллектив геологоразведчиков, которым по плечу любые задачи.

Все больше геологов из Пермской экспедиции работает за рубежом. Сначала во Вьетнам уехал Евгений Кириллов, потом в Гвинею — Саша Качанов, в Мали — Борис Леготкин, в Монголию — Евгений Титов, на Кубу — Анатолий Оскотский.

Работали ребята за границей здорово! Взрослели; мужали политически. Все менялись в лучшую сторону так резко, что, зная их по прежней работе, я диву давался. Пребывание за рубежом накладывает на советского человека особую ответственность. Он полпред своей страны, у него обостряется чувство патриотизма.

Наша геология лучшая в мире. За рубежом это хорошо известно, потому на наших ребят спрос большой. Многие ездили по несколько раз. Е. Кириллов получил вьетнамский орден, Анатолия Оскотского вторично пригласил на Кубу Фидель Кастро лично.

Своей работой за границей они славили нашу Родину, а заодно и пермскую землю, пермскую геологию!

Опять суровая уральская зима. Собственно говоря, в прошлом я не припоминаю мягких уральских зим. С ноября по апрель земля покоится под снежным покровом. Жестокие морозы чередуются со снежными метелями. Переметает дороги. Это особенно болезненно чувствуем мы, геологи. Между населенными пунктами дороги расчищаются, но кто заставит чистить наши пути на затерянную в тайге буровую, шурф, в поселок геологов? Во многих местах снежный покров выше человеческого роста! В такую пору дома бы сидеть около теплой печки. Но ведь надо бурить, шурфовать, вывозить пробы, документировать керн.

И движутся, вгрызаясь в снег, одинокие вахтовки, курят железными трубами передвижные домики, пыхтят на буровых дизеля. Ныряют в глубь земную трубы и штанги — метр за метром, день за днем, наперекор пурге, морозам. Геологи ищут новые и новые месторождения.

Парадоксально, но приход весны не радует геологов. Вся земля молодеет, сияет ослепительной солнечной улыбкой, а геологу весна приносит одни заботы. Впрочем, не каждому, а только геологу-уральцу или сибиряку. Весна разрушает зимние дороги, без которых немисливо проникнуть в самые отдаленные, но и самые заветные места. Куда не попасть ни весной, ни летом. Только зимой!

Весна это распутица, половодье. А мы, геологи-пермяки, в тайге передвигаемся лишь по рекам, большим и малым. Зимой — по льду, летом — по воде. Малые реки в таежном бездорожье — наши главные автомобильные магистрали, по ним ездим мы на машинах.

Работа геолога и трудная, и завидная. Трудность заключается в постоянном противоборстве с дикой природой, в таежных испытаниях, где безоружного человека может ожидать случайная встреча со зверем, где можно заблудиться, где нередко требуется находчивость, настоящая храбрость, выдержка и закалка.

А завидна работа геолога как раз этим столкновением с первозданной природой, этими трудностями. Кроме того, лишь геологу дано счастье первым проникнуть в неведомые глубины земли, изу-

чить земные пласты, глыбы платформ, истинные границы материков. Это он рассказал людям, каким был мир сто, двести, пятьсот миллионов лет назад, какая растительность и животный мир населяли тогда нашу планету. Это знания и фантазия геолога породили о прошлом Земли диковинные картины, рисуемые теперь художниками. Он первым узнал, где и когда образовались горы, моря, океаны. Он первым раскрыл мир в непрерывном движении, в постоянной изменчивости.

Были и море Тетис, и разъехавшийся во все стороны материк Гондвана. Казалось бы, незыблемые, современные материки двигаются по грешной земле, словно льдины в спокойном пруду.

На месте современных Карелии и Финляндии миллиарды лет назад возвышались протерозойские горы, а на месте Урала плескалось девонское море. Казалось бы, навсегда примерзшие к Земле, полюса ее тоже перемещались не единожды!

Я часто езжу из Перми в Свердловск. Глядя в окно поезда, чисто механически отмечаю, где окончились пермские отложения, а где начинаются более древние. Красивая скала, на которую обращает внимание мой сосед по купе, сразу же вызывает у меня представление о ее составе и возрасте. В голове четко рисуется картина далекого прошлого: песчаники или галечники — морское мелководье, гипсы — лагуны, известняки — глубокое морское дно.

Подъезжая к Свердловску, все любят Шарташскими гранитными скалами как пейзажем. Я вижу, как образовывались эти скалы, как остывал в недрах огнедышащий массив раскаленной магмы и какие полезные минералы он вынес с собой на поверхность.

Только геолог приходит в неизведанные края первым, видит пользу от земных пластов, изучает их и дарит свой труд человечеству. Какое счастье испытывает он, если месторождение превращается в рудник или шахту, в поселок или город и на месте протоптанных геологом троп стремительно несутся троллейбусы, громоздятся дома, дымят рудники и заводы.

И великая радость, что ты, геолог, нужен людям, своей стране, что приносишь им пользу!

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. Назначение	5
Часть 2. Серовская геологическая	23
Часть 3. Качканар — это сложнее	59
Часть 4. На пермской земле	78
Часть 5. Трестовские горизонты	110

**Александр Иванович
Козубовский**

К ТАЙНАМ КЛАДОВЫХ УРАЛА

И. о. заведующего редакцией М. А. Первов

Редактор В. Богомолов

Художник Е. Нестеров

Художественный редактор М. Курушин

Технический редактор А. Карасев

Корректоры И. Пархомовская,

Л. Крамаренко

ИБ № 827

Сдано в набор 27. 11. 81. Подписано в печать 22. 03. 82.
Формат 70×108^{1/32} Бум. типогр. № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 8,05+1,05 вкл. (9,1); усл. кр.-отг. 9,1; уч.-изд. л. 10,539. ЛБ06084. Тираж 5000 экз. Цена 50 коп. Зак. 913. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли Пермского облисполкома. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Козубовский А. И.

К59 К тайнам кладовых Урала. — Пермь: Кн. изд-во, 1982. — 182 с. (Искры памятных лет).

Рассказ заслуженного геолога РСФСР о себе и своей нелегкой профессии, о товарищах по многолетней работе, о становлении геологической службы Прикамья.

К $\frac{20803—36}{M152(03) — 82}$ 57—82

